

SciPress.ru

Научно-издательский центр

ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ

РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

№03 (107) 2024

ISSN 2412-8953

9 772412 895000 >

<https://scipress.ru/philology/>

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2024. №03 (107). 184 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2024

© Коллектив авторов, 2024

Главный редактор:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ.

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Соснин Алексей Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского, испанского и итальянского языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Славянские языки	7
Давыдова Н.А. Процессы интернационализации и автохтонизации (национализации) болгарского литературного языка: история и современность....	7
Германские языки	15
Паневина И.Г. Диалектная лексика в романе Анны Вимшнайдер «Осеннее молоко».....	15
Хангереева А.Б. Современные тенденции в обучении переводу	24
Романские языки	29
Белова С.Е., Рычкова М.М. Лексико-стилистические особенности кинотекста (на примере телесериала «Телефонистки»).....	29
Теория языка	39
Безруков А.Н. К вопросу функциональной направленности политического дискурса.....	39
Гнатюк О.А. К вопросу о разграничении понятий: «синонимия», «вариативность», «параллелизм» (теоретический обзор)	46
Жангуразова Л.К. Категория эмотивности в тексте как лингвистический феномен	54
Кваша Э.Р., Дронякина Н.В. Типология мотивированности в разных лингвистических подходах	65
Шугайло И.В. Автобиографический и психоаналитический дискурсы в «Дневнике одного гения» Сальвадора Дали	71
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	83
Черникова Е.О., Плескачёва Я.С. Проявления многозначности в терминологии бережливой логистики: на материале русского и английского языков	83
Прикладная и математическая лингвистика	93
Сафроненкова Е.Л. Композиционные особенности англоязычной рецензии	93
Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии	100
Симов Д. С. Новый уголовный кодекс Индии (<i>Bharatiya Nyaya (Second) Sanhita Bill 2023 (BNS2)</i>): терминологический анализ и особенности перевода.....	100
Русская литература	109
Оздоева Л.М., Хаджиева А.А. Изображение героического подвига лейтенанта Игоря Ивановского в повести В.В. Быкова «Дожить до рассвета»	109
Хадзиев Ю.И., Хаджиева А.А. Проблема становления личности в повести А.А. Лиханова «Теплый дождь».....	118
Литература народов Российской Федерации	125
Динисламова Л.И. Образы природных явлений в мансийских загадках	125
Михеева Г.В. Лигвокультурологический потенциал сказок С.Г. Писахова	137

Литература народов стран зарубежья	144
Свистунов А.С. Аллюзия как ключевой элемент в создании интертекстуальных связей для передачи эмоционального состояния персонажей на материале произведений Фланнери О`Коннор	144
Эрштейн М.О. Биографическое кредо У. Г. Симмса	150
Фольклористика	156
Гончарова В.Д. Фольклорный жанр «небылицы» в литературной сказке Карла Сэндберга «Страна Рутамята»	156
Новыхова Г.Б. Обско-угорский игровой фольклор в современных условиях	164
Журналистика	172
Ермолаева Н.Ю., Лобанова А.И. Специфика работы корреспондента информационных программ регионального радиовещания (на примере «Радио Чувашии»).....	172
Лингвокультурология	177
Бурикова С.А., Абдрашитова Д.Р. Linguocultural features of British advertising.....	177

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.163

Давыдова Н.А. Процессы интернационализации и автохтонизации (национализации) болгарского литературного языка: история и современность

Давыдова Наталия Анатольевна

канд. истор. наук, доцент кафедры европейских языков
Дипломатическая академия МИД России, РФ, г. Москва
davydova_bg@mail.ru

Processes of internationalization and autochthonization (nationalization) of the Bulgarian literary language: the past and the present

Davidova Natalia Anatolyevna

Cand. Sci. (History), assistant professor of European languages department
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Russia, Moscow

Аннотация. В статье анализируются современные процессы интернационализации и автохтонизации болгарского литературного языка. Речь идет не только о заимствованиях из разных языков, но и о формировании определенного слоя лексических единиц, которые получили широкое распространение в языковой среде, т.е. об «интернациональной», или «международной», лексике, которая в этимологическом плане в большей степени связана с греко-латинской основой. Автором также рассматриваются разные периоды истории влияния иностранных языков Европы на болгарскую лексическую систему.

Ключевые слова: лексическая система болгарского языка; иностранные заимствования; интернациональная лексика; автохтонизация; американизация.

Abstract. The article analyzes contemporary processes of internationalization and autochthonization of the Bulgarian literary language. The discussion encompasses not only o borrowings from various languages but also the formation of a particular layer of lexical units that have gained widespread use in the linguistic environment, i.e., "international" or "transnational" vocabulary, which etymologically is more connected with the Greek and Latin basis. The author also examines different periods in the history of the influence of foreign European languages on the Bulgarian lexical system.

Key words: lexical system of the Bulgarian language; foreign borrowings; international vocabulary; autochthonization; Americanization

С начала 90-х годов прошлого века активизация контактов в различных областях сотрудничества между народами европейского континента способствовала бесконтрольному проникновению иностранной лексики, в основном через письменные источники массовой информации, в лексическую систему болгарского литературного языка. Речь идет не только о заимствованиях из разных языков, но и о формировании определенного слоя лексических единиц, которые получили широкое

распространение в языковой среде, т.е. об «интернациональной», или «международной», лексике, которая в этимологическом плане в большей степени связана с греко-латинской основой [1, с. 178].

Принадлежность слов к «интернациональной лексике» определяется с учетом их ареала распространения, который охватывает свыше двух неблизкородственных языков. Взаимовлияние языков в области лексического обмена является естественным явлением, которое в разной степени характеризует развитие любого языка [1, с. 178-179].

Характер контактов предопределяет и способы заимствований иностранной лексики – устный и письменный. Обычно при смешении языковых территорий или при контактах между географическими соседями заимствования осуществляются устным способом, включая и диалектный уровень. Если же речь идет об экономических, политических и культурных контактах между «соседними языками» или «несоседями», лексика заимствуется только письменным способом [2, с. 215].

Анализ и оценка результатов исследования лексических языковых систем напрямую зависят от условий, при которых они функционируют: является ли это следствием политического насилия и зависимости государства или следствием экономической интеграции и развития общественной и духовной жизни народа [3, с. 95].

Важно отметить, что в разные периоды истории менялось не только направление развития болгарского языка, но и сама суть влияния иностранных языков на его лексическую систему. Из-за потери Болгарией своего суверенитета в далеком прошлом болгарский язык заимствует большое количество греческих и турецких слов, которые были лексически связаны с различными областями государственного и административного управления, материальной и духовной культурой обеих империй: Византийской и Османской [4, с. 277-288].

К самым ранним греческим заимствованиям относятся:

– церковная и монастырская терминология, заимствованная болгарами во второй половине IX века: **(болг. яз.) ад, ангел, антихрист, апостол, архирей, дякон, игумен, калугер, монах, параклис, патриарх, кандило** и др.; названия наук: **аритметика, астрономия, география, грамматика, история, риторика, философия** и др.;

– народные греческие слова: **бивол, вишня, евтин, ехо, камила, керамида, кораб, кровать, лента, ливада, магданоз, молив, пирон, тиган, фурна, хоро, камбана, Коледа, кукла, лужанка** и др.;

– звательные формы: **ела, елате**; союз – **макар**; имена собственные: **Александър, Ангелина, Атанас, Васил, Георги, Димитър, Евгения, София, Петър, Стефан, Тодор** и др.;

– под греческим влиянием развиваются модели образования сложных имен существительных: **благодарен, благообразен, великомъдр** и др.

Одни греческие слова заимствуются болгарским языком напрямую, а другие – через посредничество русского и западных языков: **аналогия, атом, галактика, гигант, драма, эпиграма, эстетика, идея, ирония, катедра, климат, критика, логика, мелодия, метод, планета, поэзия увал** и др. Эти слова относятся к «международной лексике» [5, с. 191].

Турецкие заимствования в основном касались административной жизни: **ага, аскер, байрак, куришум, чорбаджия**; мелкой торговли: **бозаджия, акран, еснаф, занаят, калфа, ортак** и др.; еды, растений, животных: **бюрек, баклава, гювеч, кебап, кюфте, чорба, бакла, бамя, патладжан, тютюн** и др.; предметов быта: **бахча, таван, торба, чувал, чиния, калпак, чораци, яка** и др. [5, с. 194].

В эпоху национального возрождения Болгарии (со второй половины XVII в.) усиливается влияние русского языка. Большинство русских заимствований в болгарском языке имеют отвлеченное значение: **начало, точност, възторг, съдействие, съгласие, мечта, прелест, щастие, ропот, понятие, възприятие, оборот, ведомост, полк, часовой, старшина, пружина, топливо, кормило, невежа, хазаин** и др. Через русский восстанавливаются отглагольные существительные на **-ние**: **престъпление, внушение, образование**; действительные причастия настоящего времени на **-ещ, -ащ, -ящ**: **пищец, учащ, състоящ се, настоящ, живеещ**; имена существительные, оканчивающиеся на **-тел**: **преподавател, създател**; отвлеченные имена существительные на **-ие** и **-ство**: **отсъствие, отличие, условие, вещество, равенство**; сложные слова: **езиковед, екскурзовод, благоразумен, водолаз, мореплавател** и др. [5, с. 193].

После Возрождения болгарской лексической системой (через русский язык) заимствуется большое количество слов из западных языков, особенно французского и немецкого, касающихся разных областей науки и образования: **глобус, директор, градус, професор, декан, диктовка, радиус, формула, меридиан, университет, школа, студент, цемент, канцелярия, автор, адвокат, нация, реакция, конституция, прогрес, република** и др. К

латинским заимствованиям относятся названия месяцев года: **януари, февруари, март, април, май** и др. Заимствуются научная и техническая терминология, образованная с помощью греческого и латинского языков искусственным путем: **автомобил, архитектура, социализм, аквариум, космодрум, микроскоп, телефон, телевизия, радиотерапия, электроника, экология** и др. [5, с. 192].

При такой массивной атаке на болгарский язык и «неравноправной» позиции принимающего языка возникает совершенно естественная реакция «отторжения». Зарождается процесс противодействия этому влиянию, т.е. стремление заменить иностранные заимствования лексическими аналогами родного языка [3, с. 95].

Негативное отношение к «ненужным чужим словам» (болг. *чуждици*) связано с таким явлением, как пуризм (лат. *purus* (чист), мотивированный «возрожденческими устремлениями» ряда болгарских языковедов создать «родную» литературную лексику (с целью ее последующей кодификации) в противовес иностранным заимствованиям из греческого, турецкого и других иностранных языков [2, с. 217].

После создания болгарского литературного языка в начале XIX в. известные болгарские ученые Иван Богоров, Александр Теодоров-Балан, Стефан Младенов, Любомир Андрейчин предлагают «очистить» болгарский язык от турецких и греческих слов, решив заменить их на «домашние». Их деятельность не увенчалась успехом, так как в научных кругах ее восприняли как результат «крайнего пуризма» [6, с. 216-241].

С течением времени языки, которые оказали непосредственное влияние на формирование и развитие болгарского языка, претерпели существенные изменения, а их влияние ослабло. После Освобождения одна часть турецких слов в болгарском языке отмирает, другая сохраняется только в диалектах (напр. **дамар** – «жила», **лелек** – «щеркел», **оджак** – «огнище»), в литературном языке сохраняются такие слова, как **торба, топка, кофа, пейка, копче, килим, колан, каймак** и др. [5, с. 194].

Коренным образом изменившаяся общественно-политическая обстановка в Европе и мире после 1989 года, по мнению многих болгарских ученых, оказала сильное воздействие под лозунгом «общей европейской идентичности» на развитие лексической системы болгарского языка в направлении «сближения», «поиска общего», «объединяющего» [3, с. 97].

Необходимо отметить, что особенно в последние десятилетия процесс «интернационализации» болгарского литературного языка тесно связан с процессом «американизации» страны, что является результатом активного внедрения общих общественно-политических, экономических, социокультурных и технологических процессов с помощью интернета и СМИ в болгарское общественное пространство [7, 8].

Лексика современного болгарского языка в последние десятилетия активно обогащается англоязычной лексикой, связанной с информацией, коммуникацией, компьютеризацией, включая интернет. Современные реалии и отношения, складывающиеся в общественной и экономической жизни страны, находят свое отражение в новых названиях: **агробизнес, аграрен туризъм, аквапарк, бартер, глобализация, лизинг, логистика, маркетинг** и др.

В результате активно развивается процесс «обособления лексических пластов», тематически связанных с определенными сферами современного образа жизни и мышления. Они заимствуются в основном из письменных источников и характеризуют своеобразную лексическую «общность» языков Евросоюза (ЕС) [9].

Речь публицистов, политиков и общественных деятелей переполнена англоязычными словами: **борд, брокер, вот консенсус, лизинг, маркетинг, холдинг, криза, импийчмънт, иновации, реимбурсация, реинбурсен, реалити, корупция, проект, програма, субсидии, реформа, рейтинг, кредити, контрабанда, престъпност, мафия, антимафиоти, шоубизнес, електорат** и др. [8].

Часто повторяемое определение «**публичен (рус. публичный)**» получило новые значения в словосочетаниях: **публичен сектор, публични средства, публична администрация** и др., которые заимствованы из английского языка. В болгарских лексических словарях такие словосочетания не отражены.

Очень часто иностранные заимствования, связанные с современным бытом и сферой торговли, не имеют «домашних» аналогов в болгарском языке (напр.: **видео, компютър, касетофон, телевизор, барбекю, боди, боксерки, кимоно, кроасан, паста, спагети, снакс, пардесю** и др.).

Увеличилась частота употребления слов, которые раньше очень редко использовались или были неизвестны носителям болгарского языка: например, **пандемия** (эпидемия, которая охватила одну или ряд стран); **рейнджър, реимбусирам, реимбурсация, реимбусиране** (возврат через общественные фонды стоимости лекарств и услуг, оплаченных пациентом); **реалити**

(телевизионная передача, которая идет напрямую в эфир без предварительной съемки) и др.

В последнее время, по мнению многих болгарских журналистов, в медийное пространство Болгарии международным регулятором СМИ и интернета активно вводится «общий термин» – **корпулентен** (от лат. *corpulentus*), например: (газета «Сега» от 19.12.2023 г.) *Парламентът тия дни твори **корпулентни (дебели)** циркове* (Парламент в эти дни занимается **толстым** циркачеством); *Но опитът сочи, че винаги когато общественото мнение следва да бъде отклонено от нещо много голямо, **корпулентно**, така да се каже, почва* (Но, как показывает опыт, что всякий раз, когда общественное мнение нужно увести в сторону от чего-то очень важного, **толстого**, так сказать, начинается).

Обязательное употребление в СМИ слова «**корпулентен**», замещающее слово «**дебел**» (рус. *толстый, жирный* и т.д.), связано с идеологическим термином **политкорректност** (англ. *political correctness*) – термин для языковых практик, предназначенных для того, чтобы не оскорблять или иным образом не ставить в неудобное положение уязвимые группы людей (толстых, инвалидов, национальные меньшинства и т.д.). С введением этого термина очень большой пласт болгарских прилагательных, являющихся синонимами слова «**дебел**», выводится из употребления в СМИ и интернете (см. Academic Dictionaries and Encyclopedias):

– **корпулентен** – прилагательные: **пълен, дебел, набит**;

– **дебел** (рус. *толстый*) – прилагательные: **пълен, тлъст, угоен, месест, шишкав, надебелял, напълнял, напълнял, надебелял, напълнял, затлъстял, едър, голям, обемист, плътен, набит, гъст, компактен, подут, издут**;

– **набит** (рус. *набитый*) – прилагательные: **плътен, гъст, масивен, солиден, натъпкан, тежък, здрав, як, забит, зачукан, забучен, натикнат, затикнат, пребит от бой, пълен, дебел**;

– **пълен** (рус. *полный*) – прилагательные: **изпълнен, преизпълнен, препълнен, прелял, запълнен, напълнен, натъпкан, цялостен, ненакъртен, пълноценен, завършен, комплектен, свършен, изчерпателен, съдържателен, богат, обширен, подробен, всестранен, обстоен**.

Регуляторное введение таких «общих терминов» часто приводит к смысловым нарушениям в текстах статей, образному восприятию и лексическому обеднению речи, что приводит к противоположной реакции: к «текстовой иронии» или замене

этого слова на «домашний» неологизм.

«Интернационализмы» не только включаются в лексическую систему болгарского языка через мотивацию производных слов, но и участвуют в так называемой вторичной номинации, развивая новые значения и употребление.

Тенденция к «национализации» проявляется через актуализацию специфических особенностей отдельных языков. При наличии тесных контактов или взаимовлияния между литературными языками проявляется стремление к кодификации «национальных» вариантов, начиная с использования традиционно установленных номинационных возможностей, включая диалектные. Активизируются определенные подсистемы, связанные с национальной самобытностью и духовной жизнью. При смешении языковых территорий эти процессы сопровождаются дифференцированием и разграничением влияния доминировавших в прошлом языков [1, с. 180].

Национальная специфика языка проявляется при номинации новых реалий, связанных с техническим прогрессом, которые распространяются вместе с иностранными названиями. При создании и употреблении новообразований, мотивированных заимствованиями слов, проявляются различия, обусловленные культурно-историческими условиями, типичные для среды носителей отдельных языков. Например, производные названия с аббревиатурой PR (от англ. *public relation*) в отдельных славянских языках заменяются на аббревиатурные и аффиксальные формации. В болгарском языке образуются аппозитивные структуры: **пиарагенция, пиаракция, пиаркомпания, пиарцаб** и др. или аффиксальные: **пиарка, пиаров, пиарствам, пиарство**. В русском языке были созданы гибридные слова, такие как: **пиарщик, пиаровский, пиармен, пиаролог, пиарология, пиарить, отпиарить, распиарить, пропиарить** [10, с. 372].

В заключение хотелось бы отметить, что исследования инновационных процессов, проводимые в сравнительном плане, свидетельствуют о том, что славянские языки показывают общую реакцию по отношению к заимствованной неславянской лексике. К перспективам дальнейшего исследования заявленной проблематики можно отнести углубленный сопоставительный анализ особенностей адаптации новейших англицизмов в славянских языках на основе политических текстов разной стилистической и тематической направленности. Особый интерес представляет изучение данной проблематики в прикладном аспекте с позиций переводоведения и лингводидактики.

Список литературы

1. Радева В. Тенденции в развоја на езику и речниковия му състав // Българска лексикология и лексикографија. София: Изток-Запад, 2017. С. 172–214.
2. Радева В. Заемане на чуждоезиково лексика // Българска лексикология и лексикографија. София: Изток-Запад, 2017. С. 214–221.
3. Чоролеева М. За думите от чужд происход и отразяването им в лексикоградските трудове при съвременното развитие на обществото и на европейските езици // Въпроси на лингвистиката. София: Авангард Прима, 2018. С. 95–101.
4. Радева В. Състав на българския речник според произхода на думите. Езикови контакти и заемане на лексиката // Българска лексикология и лексикографија. София: Изток-запад, 2017. С. 267–313.
5. Евтимова А. Състав на лексиката откъм происход // Медиен език и стил: теория и съвременни практики. София: УИ, 2009. С. 37–48.
6. Кювлиева Веса. Българското речниково дело през Възраждането. София: Марин Дринов, 1997. 337 с.
7. Давыдова Н.А. Влияние интернета и информационных технологий на грамматические нормы болгарского языка // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. М.: ДА МИД России, Квант Медиа, 2018. С.11–18.
8. Давыдова Н.А. Демократизация языка и стиля современного медийного пространства Болгарии // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. М.: ДА МИД России, Квант Медиа, 2019. С. 39–44.
9. Давыдова Н.А. Болгарские СМИ и политический дискурс: лингвистический анализ // Язык, Культура, Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. М.: ДА МИД России, Квант Медиа, 2021. С. 35–43.
10. Маринова Е.В. Особенности формирования новых словообразовательных гнезд в современном русском языке (нормативный аспект) // Русский язык сегодня. Проблемы языковой нормы. Вып. 4. 2006. С. 371–382.

Список источников

1. Андрейчин Л. Ролята на старобългарската и черковнославянската писмена традиция // Из историята на нашето езиково строителство. София: Държавно издателство «Народна просвета», 1977. 252 с.
2. Веселинов Д., Ангелова А. Речник на френските думи в българския език. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2015. Т. 1–6. 3296 с.
3. Габероф И. Речник на чуждите думи в българския език с приложения. Велико-Търново: Gaberoff, 2002. 927 с.
4. Кръстева В. Речник на турските думи в съвременния български печат. София: Лаков Пресс, 2000. 128 с.
5. Кръстева В. Турцизмите в културно-образователния контекст // Българска реч, год. XVIII, кн. 3. София: УИ «Св. Климент Охридски». 2012. С. 31–35.
6. Костандинова П. Концепциализацията на времето (Изграждане на езиковата картина на света в историята на новобългарския книжовен език) // Българите, книжовността, езикът. XIX -XX в. София, 2007. С. 227–276.
7. Ницолова Р. Основни тенденции в развитието на българския печат след 1989 г. // Медиите и езикът. София: ЕТО, 1999. С. 114–121.
8. Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С. Речник на новите думи и значения в българския език. БАН. София: Наука и изкуство, 2001.
9. Пернишка Е. Словарь иностранных слов для всех. Институт болгарского языка БАН. София: Наука и изкуство, 2014. 896 с.
10. Радева В. Езиковата култура в речта на медиите // Национална конференция «Европейският език и бъдещето на националните езици». София, 2004.
11. Кирова Л. Езикът на BG инфо поколението. София: ИК «ГАЛИК», 2010.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'282.2

Паневина И.Г. Диалектная лексика в романе Анны Вимшнайдер «Осеннее молоко»

Паневина Ирина Григорьевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
Военная Академия Связи им. С.М. Буденного, РФ, г. Санкт-Петербург
zarina_4@rambler.ru

Dialectal vocabulary in Anna Wimschneider's novel "Autumn Milk"

Panevina Irina Grigoryevna

PhD in Philology, docent, associate professor of the Foreign languages department
St. Petersburg Military Academy of Telecommunications named after S.M. Budyonny
Russia, Saint-Petersburg

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей употребления и функционирования диалектизмов на материале автобиографического романа немецкой писательницы Анны Вимшнайдер «Осеннее молоко». Диалектная лексика рассматривается с точки зрения ее роли в создании национального колорита и характеристики персонажей в анализируемом произведении. Дается характеристика среднебаварского диалекта, используемого в романе, выделяются основные группы диалектизмов, анализируются их особенности и функции. Особое внимание уделяется обширной группе лексических диалектизмов, внутри которой определяются конкретные тематические области.

Ключевые слова: диалектная лексика, типы диалектизмов, баварский диалект, Анна Вимшнайдер, национальный колорит.

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the use and functioning of dialectisms based on the material of the autobiographical novel by the German writer Anna Wimschneider "Autumn Milk" ("Herbstmilch"). Dialectal vocabulary is considered from the point of view of its role in the creation of national colours and the characteristics of characters in the analyzed work. The characteristics of the Middle Bavarian dialect used in the novel are given, the main groups of dialectisms are identified, and their features and functions are analyzed. Particular attention is paid to a wide group of lexical dialectisms, within which specific thematic areas are defined.

Key words: dialect vocabulary, types of dialectisms, Bavarian dialect, Anna Wimschneider, national colours.

В классическом понимании диалект представляет собой разновидность общего национального языка, характерную для какой-либо местности, имеющую фонетические, лексические и иные особенности, (отличающие ее от других разновидностей того же языка), и проявляющуюся в устной речи [6]. Сфера употребления диалектной лексики не ограничена повседневно-бытовым общением жителей определенных регионов; диалектизмы широко распространены в

публицистике, в политическом дискурсе, произведениях художественной литературы, где слова данной группы выполняют ряд стилистических функций. В художественной литературе диалектизмы нередко употребляются для указания на национальную принадлежность того или иного персонажа, подчеркивают его отнесенность к определенной социальной группе или демонстрируют его культурный уровень. Таким образом, диалектизмы выступают как крайне эффективное и весьма распространенное средство создания «речевой характеристики» персонажа, а также как важное средство создания национального колорита в художественном произведении [1, с. 143].

Хотя диалекты немецкого языка в целом и баварский диалект в частности неоднократно становились объектом лингвистического исследования, функционирование диалектизмов в структуре конкретных произведений художественной литературы на сегодняшний день изучено недостаточно. Исследование особенностей и стилистического потенциала диалектной лексики в произведении Анны Вимшнайдер «Осеннее молоко» ранее не проводилось, что обуславливает научную новизну настоящей работы.

Цель статьи – рассмотреть особенности употребления и функционирования диалектизмов на материале автобиографического романа немецкой писательницы Анны Вимшнайдер «Осеннее молоко». Для выполнения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

- 1) Дать характеристику баварского диалекта, используемого в произведении, определив его фонетические, грамматические, словообразовательные особенности;
- 2) выявить группу диалектизмов, используемых автором;
- 3) распределить выделенные лексемы по группам;
- 4) проанализировать их семантические и структурные особенности, а также стилистические функции в произведении.

При проведении исследования применялся метод сплошной выборки, позволивший собрать лексический материал, дефиниционный анализ, семантико-стилистический метод, метод контекстного анализа.

Роман Анны Вимшнайдер «Осеннее молоко» («Herbstmilch»), впервые опубликованный в 1985 году, произвел настоящий фурор в немецкоязычных странах, а в последствие был переведен на множество других языков. Он представляет собой автобиографическое произведение и описывает тяжелую жизнь автора – простой крестьянки из Нижней Баварии. Большую часть своей жизни Анна Вимшнайдер прожила в маленькой деревушке недалеко от Пфарркирхена, начиная с восьми лет

(после смерти матери) вынуждена была вести хозяйство в доме отца, затем на подворье семьи мужа. Все события и переживания описаны простым, незамысловатым языком. Речь автора то и дело украшают слова и выражения баварского диалекта, призванные подчеркнуть, во-первых, место действия романа (Нижняя Бавария), передающие местный колорит, который, во многом, составляет прелесть данного произведения, во-вторых, призванные подчеркнуть социальный и культурный уровень персонажей – все они простые люди, в большинстве своем малограмотные крестьяне, получившие лишь школьное, (а многие и неполное школьное) образование.

Баварский диалект является одним из наиболее известных и распространенных диалектов немецкого языка. Зоной употребления его различных подвидов (северобаварского, среднебаварского и южнобаварского диалектов) является вся территория Баварии, а также многие регионы Австрии, даже отдельные части Италии. В Нижней Баварии, где проживала автор романа и где происходят описываемые в книге события, преобладающим является среднебаварский диалект, который отличает мягкость произношения, несвойственная большинству других территориальных вариантов немецкого языка. К особенностям среднебаварского диалекта относится специфическое произношение дифтонгов, в частности произношение «oa» вместо типичного для литературного немецкого языка дифтонга «ai» («i hoas» вместо «ich heiße», «oans» и «zwoa» вместо «eins» и «zwei»). Кроме того, широкое распространение имеют дифтонги «oi» и «ui», например, «foilsch» вместо falsch, «buidl» вместо (das) Bild.

Словообразовательные особенности, связанные с использованием суффиксов -erl, -ei, -l являются характерной чертой обиходно-разговорного языка в баварском диалекте; данные суффиксы являются уменьшительно-ласкательными, например: «Hunderl» – «собачка»; «Flascherl» – «бутылочка» [5, с. 147].

Различия затрагивают и область грамматики: в баварском диалекте отсутствует родительный падеж (заменяется сочетанием с предлогом «vo»), практически не употребляется форма прошедшего времени Präteritum, (его сферу употребления занимает Perfekt), многие глаголы спрягаются отличным от литературной нормы правилам, например: «ich fahre, wir fahren» (литературный немецкий язык) – «i fã, mia fãma i foa, mia foan» (среднебаварский диалект); «Ich habe Geld gefunden» (литературный немецкий язык). – «I hå/håb a Gèid/Gòid/Göld gfundn/gfuna» (баварский диалект) [2, с. 164].

В тексте романа слова и выражения на баварском диалекте можно встретить как в прямой речи персонажей, так и в несобственно-прямой речи и непосредственно в авторском повествовании, что связано со спецификой жанра автобиографического романа: автор сам является главным участником описываемых событий, поэтому вся речь автора также получает оценочную характеристику посредством включения в нее диалектных слов и выражений.

Выделяются следующие типы диалектизмов: фонетические, грамматические и лексические. Последние, в свою очередь, подразделяются на собственно-лексические, лексико–семантические и этнографические [3, с. 142]. В результате анализа произведения Анны Вимшнайдер были обнаружены диалектные слова и выражения, представляющие все указанные группы.

1. Фонетические диалектизмы отражают особенности произношения того или иного диалекта. Примерами могут служить следующие лексемы: Was ist denn dös? [7, с. 94] / Was ist denn das? / Что же это?; ...das macht nix [7, с. 115] / Das macht nichts. / Ничего страшного.; ... des woas i net ... [7, с. 94] / Das weiß ich nicht. / Я этого не знаю; Er sagte, ... heut stirbt noch d'Muada [7, с. 123]. / Er sagte, ... heute stirbt noch die Mutter. / Он сказал: «...сегодня мать умрет». Все эти примеры были обнаружены в прямой речи персонажей романа, их функция в произведении – продемонстрировать живую речь настоящих баварцев, передавая особенности местного произношения и усиливая тем самым достоверность авторского повествования.

2. Грамматические диалектизмы – это слова, отличающиеся от слов литературного языка своими грамматическими характеристиками (особенности склонения, спряжения и т.д.). Например: ...der benzte immer, Vater gemma hoam... [7, с. 96]. / ...der quengelte immer, Vater, gehen wir heim... / Он все время ныл: «Отец, пошли домой».

Кроме того, к грамматическим диалектизмам мы можем причислить лексемы, отличающиеся от общенародных своими морфологическими особенностями. Сюда относится обширная группа существительных с суффиксами –erl и –l, встречающихся в романе. Как уже отмечалось выше, данные суффиксы приносят с собой уменьшительно-ласкательный оттенок значения, например: Mit unserem Badwandl [7, с. 7]. / mit unserer kleinen Badewanne / с нашей маленькой ванночкой); aufs Topferl setzen [7, с. 12]. / auf das Töpfchen setzen / посадить на горшочек (ребенка); ein Kragenknöpferl [7, с. 14]. / kleiner Knopf am Kragen / пуговка на воротнике; kleine Federl [7, с. 25] / kleine Feder / маленькие перышки; zwei Wienerwürstl [7, с. 35]. / zwei Wienerwürstchen / две венские сосиски; Küchl backen [7, с. 37] / Kuchen backen / печь

пирожки); ein Radl [7, с. 49] / ein Rad / маленький велосипед; durchs kleine Hoftürl [7, с. 69] / durchs kleine Türchen / через маленькую дверцу; bis zur Kuppe des kleinen Bergerls [7, с. 82] / bis zur Kuppe des kleinen Berges / до вершины маленькой горы); zugebunden mit einem Bandl [7, с. 97] / zugebunden mit einem kleinen Band / перевязанный маленькой ленточкой; ein Milchkandl [7, с. 106] / kleine Milchkanne / кувшинчик для молока; Franz war der Nachbar vom Blockhäusl [7, с. 117] / Franz war der Nachbar vom kleinen Blockhäuschen / Франц был соседом из маленького бревенчатого домика; ein Flascherl [7, с. 120] / ein Fläschchen / бутылочка. Это суффикс также позволяет создавать ласкательные варианты имен собственных: как имен людей, так и кличек животных (Resl, Michl [7, с. 5]; Sepperl [7, с. 32]; Girgl [7, с. 35]; Schockerl (кличка собаки) [7, с. 28]).

Насыщенность произведения подобными лексемами объясняется, во-первых, его употребительностью в среднебаварском диалекте в реальной действительности, а во-вторых, целью автора максимально усилить национальный колорит, не утяжелив тем самым повествование для «небаварского» читателя. Существительные с указанными уменьшительно-ласкательными суффиксами позволяют в полной мере достичь этой цели: они вполне опознаваемы и понятны немецкоязычному читателю без словаря и дополнительных комментариев, и в то же время являются яркими и запоминающимися маркерами баварского диалекта, которые трудно не заметить в тексте.

3. Лексические диалектизмы представляют собой слова, которые отличаются по своей форме и значению от общепринятых [3, с.142].

К собственно-лексическим диалектизмам относятся слова, значение которых совпадает со значением общепринятых слов, но форма значительно отличается. Можно привести многочисленные примеры подобных лексем, обнаруженные в тексте. При этом могут быть выделены следующие тематические группы:

- Наименования людей: Das Dirndl [7, с. 10, 81] - das Mädchen [8] / девочка, девушка; das Mädl [7, с. 71] - das Mädchen [8] / девочка, девушка; der Bub [7, с. 5] – der Junge [9] / мальчик, парень; die Dirn [7, с. 63, 68] – die Magd, die Dienstmagd [8] / служанка; die Hochzeiterin [7, с. 8] – die Braut [8] / невеста; das Mannsbild [7, с. 38] – der Mann [8] / мужчина; die Weiberleut [7, с. 63, 66, 68] - Frauen, das Weibsvolk [8] / женщины, бабы. К данной группе также можно причислить слова с пренебрежительной, негативной окраской, подчеркивающие отрицательные стороны характера человека (как правило, женщин), например, болтливость, хитрость, злоба: das Ratschweib [7, с. 55] – die Klatschbase / болтушка; das Mistviech [7, с. 150] –

ausgekochtes, bösesartiges Weib [8] / хитрая, злая женщина (баба); die Pritschen [7, с. 150] – bösesartiges, klatschsüchtiges Weib [8] / злая женщина, сплетница;

- названия животных: das Gickerl [7, с. 67, 131] – junger Gockel [8] / молодой петушок; die Geiß [7, с. 41] – die Ziege [8] / коза; der Ratz [7, с. 126] - die Ratte [8] / крыса;

- названия растений (частей растений): der Holler [7, с. 55] – der Holunder [8] / бузина; die Reigerl [7, с. 5] – Samenzapfen von Nadelbäumen [8] / шишки хвойных деревьев;

- наименования предметов домашнего обихода, обстановки дома, частей дома: der Zuber [7, с. 13, 75] – der Bottich [8] / чан, лохань; das Kanapee [7, с. 109] - das Sofa [8] / диван; das Rohr [7, с. 115] – der Backofen [9] / печь; das Bettstahl [7, с. 7] – das Kinderbettchen [8] / детская кровать; das Haferl [7, с. 17] – die Tasse [8] / чашка, кружка; der Krand [7, с. 20, 99, 136] - der Wasserbehälter [8] / емкость для воды; der Fletz [7, с. 76] – der Hausflur [8] / прихожая;

- наименования предметов одежды: der Kittel [7, с. 49] – der Damenrock [8] / женская юбка; das Mascherl [7, с. 106] – die Schleife [8] / лента;

- наименования продуктов питания, блюд: die Kletze [7, с. 14, 124] – getrocknete Birne [8] / сушеная груша; saurer Rahm [7, с. 115] – saure Sahne [8] / сметана; der Knödel [7, с. 15, 64] – der Kloß [8] / клецка; der Scheps [7, с. 64] – das Dünnbier [8] / слабоалкогольное пиво; der Most [7, с. 64, 69] – der Obstwein [9] / фруктовое вино; das Mus [7, с. 65] – der Brei, das Kompott [8] / каша, компот; Schweinernes [7, с. 64] – das Schweinefleisch [9] / свинина;

- слова, связанные с крестьянским трудом (наименования инструментов труда / этапов крестьянского труда / принадлежностей для работы): der Fetzen [7, с. 15, 99] – die Arbeitsschürze [9] / рабочий фартук; das Hackl [7, с. 5] – eine kleine Axt [8] / топорик; der Stoaz [7, с. 136] – Lenkstange am Schlitten [8] / руль на санях; das Fuder [7, с. 83] – die Fuhre, Wagenladung [8] / повозка, подвода; der Mandl [7, с. 57, 63] – wie ein kleines Männchen geformtes Gebilde, z.B. ein Heumandl [9] / сооружение в форме человечка, например, стожок сена; die Mahd [7, с. 46] – das Mähen [8] / сенокос, жатва; die Drisch [7, с. 64] – die Dresche [8] / молотба; die Drischlege [7, с. 65] – das Dreschfest [8] / праздник урожая; der Rain [7, с. 63] – die Ackergrenze [8] / край поля;

- наименования мер (количества): der Trumm [7, с. 64] – großes Stück, Exemplar von etwas [9] / большая часть, экземпляр чего-то; die Maß [7, с. 96] - Menge von einem Liter Bier [9] / литр пива; die Batzen [7, с. 113] – große Menge, große Portion [8] / много чего-то, большое количество);

- названия болезней: die Froasen [7, с. 120] – krankhafte Zuckungen, Krämpfe, Zittern [8] / судороги, дрожь;

- наименования природных объектов: die Wasserlake [7, с. 81] – die Pfütze [8] / лужа);

- лексемы, называющие эмоциональные реакции (действия): die Watschn [7, с. 11] – die Ohrfeige [8] / оплеуха; die Gaudi [7, с. 125] – Amusement, Belustigung, Spaß, Vergnügen [8] / развлечение, увеселение, удовольствие;

Помимо этого, в тексте были отмечены следующие глаголы: aufgupfen [7, с. 65] – aufhäufen [8] / сгребать в кучу; verhunakeln [7, с. 65] – verhunzen, verschandeln, verunstalten [8] / портить, исказить; benzen [7, с. 91, 96] – quengeln [8] / ныть, хныкать, жаловаться; granteln [7, с. 47] – grantig sein, schlecht gelaunt sein [9] / ворчать, раздражаться.

Лексико-семантические диалектизмы характеризуются идентичным написанием и произношением со словами литературного языка, отличаясь от них своим значением. Примеры в тексте крайне малочисленны, что может свидетельствовать о меньшей распространенности лексем этого типа в диалекте. Самым ярким примером может являться наименование еще одного популярного баварского блюда: verfaulte Kartoffeln [7, с. 65] (дословно, гнилая картошка). Толковые словари дают следующее пояснение этой реалии: "Verfaulte Kartoffeln" sind in Niederbayern ganz besondere Schmankerl für den Nachtisch. Die Mehlspeise ist regional sehr beliebt: ein Schmalzgebäck aus süßem Hefeteig, gefüllt mit einer Art Zwetschgenmus-Konzentrat. Vom Aussehen her erinnert das Gebäck tatsächlich ein bisschen an faulige Kartoffeln [8].

Таким образом, данное словосочетание было образовано путем метафорического переноса с наименования гнилого овоща на сладкое мучное блюда с начинкой из сливы (популярный десерт в Нижней Баварии) на основе внешнего сходства.

Этнографические диалектизмы представляют собой слова, которые используются только в определенном говоре для обозначения местных предметов и явлений, и характеризуются отсутствием синонимов в литературном языке [4, с. 295].

В рассматриваемом произведении диалектизмы данной группы опять же используются по отношению к еде, местным блюдам, специфичным для Баварии, например: die Rohrnudeln [7, с. 11] - bayerische Süßspeise, quaderförmiges Hefengebäck mit oder ohne Füllung [8] / баварское сладкое блюдо, изделие из дрожжевого теста прямоугольной формы, с начинкой или без нее; die Dampfnudeln [7, с. 11, 107] –

Hefeteigkugel [9] / колобки из дрожжевого теста; die Trebernsuppe [7, с. 64] – bayerische Spezialität – Teigflockensuppe [8] / баварское традиционное блюдо – суп с кусочками теста; der Erdäpfelkas [7, с. 64] – ein streichfähiger, dicker Brotaufstrich aus gekochten Kartoffeln, Zwiebeln, Sauerrahm und Sahne [8] / картофельный сыр – густая бутербродная масса для намазывания на хлеб, состоящая из вареного картофеля, лука, сметаны и сливок).

Обилие лексем, обозначающих реалии, связанные именно с областью кулинарии, едой, может объясняться, с одной стороны, специфичностью баварской кухни, на самом деле характеризующейся рядом особенностей по сравнению с другими регионами, с другой – тем фактом, что названия традиционных блюд являются достаточно простым и действенным средством передачи национального колорита, способным заинтересовать любого читателя.

Таким образом, мы можем прийти к следующим выводам:

- Диалектизмы в произведении А.Вимшнайдер являются важнейшим стилистическим средством, позволяющим передать местный колорит, создать определенную атмосферу романа, а также охарактеризовать принадлежность персонажей к определенной социальной группе, показать их уровень образования;

- диалектная лексика используется автором на всех уровнях: в прямой, несобственно-прямой речи, в авторском повествовании;

- в произведении встречаются лексические единицы, относящиеся к среднебаварскому диалекту, имеющему ряд фонетических, грамматических, словообразовательных особенностей;

- в исследуемом романе отмечены диалектизмы различных типов: фонетические, грамматические (включая характерный для баварского диалекта суффикс –erl и –l), лексические (собственно-лексические, лексико-семантические, этнографические диалектизмы);

- собственно-лексические диалектизмы могут быть разбиты на тематические группы, самыми крупными из которых являются наименования людей, предметов домашнего обихода, еды, а также слова, связанные с крестьянским трудом, что определяется жанровой отнесенностью произведения и его стилистическими особенностями.

Список литературы

1. Пантелеева О.В. Баварские диалектизмы в политическом дискурсе // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 4 (833). 2020. – С. 143-151
2. Баймухаметова К.И., Киреева И.А. Языковые группы баварского диалекта и его специфика // Современное педагогическое образование. № 2, 2021.- С. 163-165.
3. Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. – М.: Издательский центр «Академия», 2007.
4. Карбышева Д.Ю., Радченко Г.И. Типы диалектизмов и способы их перевода на иностранный язык (на материале романа М.А. Шолохова «Тихий Дон») // Евразийское научное объединение. – № 8-5, 2020 (66). – С. 294-297.
5. Niebaum H. Einführung in die Dialektologie des Deutschen / H. Niebaum, J. Macha // Germanistische Arbeitshefte 37. Tübingen: Niemayer, 1999.

Список источников

6. Евгеньева А.П. Малый академический словарь – М.: Институт русского языка Академии наук СССР. 1957-1984. – Электрон. текстовые данные. Режим доступа: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 05.03.2024). - Загл. с экрана.
7. Wimschneider A. Herbstmilch. - Piper Verlag, 2021.
8. Bairisches Wörterbuch. – Электрон. текстовые данные. Режим доступа: www.bayrisches-woerterbuch.de (дата обращения: 05.01.2024). - Загл. с экрана.
9. Wörterbuch der deutschen Sprache. – Электрон. текстовые данные. Режим доступа: <https://www.duden.de> (дата обращения: 30.01.2024). - Загл. с экрана.

УДК 811.111

Хангереева А.Б. Современные тенденции в обучении переводу

Хангереева Анна Бейдуллаевна

старший преподаватель кафедры теории и практики перевода
Дагестанский государственный университет народного хозяйства, РФ, г. Махачкала
khangereeva2020@bk.ru

Modern trends in translation training

Khangereeva Anna Beidullaevna

senior lecturer of the department of Theory and Practice of Translation
Dagestan State University of National Economy, Russia, Makhachkala

Аннотация. Сегодня профессия переводчика претерпевает значительные изменения. Современные технологии требуют от переводчиков новых соответствующих знаний. Такие изменения оказывают значительное влияние на подготовку переводчиков в высших учебных заведениях. В статье рассматриваются вопросы организации обучения переводу. Проанализированы современные модели и подходы к обучению переводу. Особое внимание уделяется анализу организации обучения в рамках интерпретативной теории перевода, оказавшей значительное влияние на развитие теории и практики перевода. Перевод рассматривается как процесс интерпретации исходного текста и создание нового текста на целевом языке. Подчеркивается важность развития культурных навыков у будущих переводчиков. В целом современные тенденции в организации обучения переводу направлены на подготовку переводчиков, обладающих не только теоретическими знаниями, но и практическим опытом, для осуществления успешной работы в условиях глобализации и постоянно меняющихся условий рынка труда.

Ключевые слова: обучение переводу, современные подходы, навыки и умения, интерпретативная теория перевода.

Abstract. Today the profession of translator undergoes significant changes. Modern world requires a translator with new relevant knowledge. Such changes have a significant impact on the training of translators in higher education institutions. The given article deals with the organization of translation training. The modern models and approaches to translation training are analyzed. Special attention is paid to the analysis of the organization of translation training within the framework of the interpretive theory of translation, which has had a significant impact on the development of theory and practice of translation. Translation is seen as the process of interpreting the source code and creating a new text in the target language. The importance of developing cultural skills of future translators is emphasized. In general, modern trends in the organization of translation training are aimed at obtaining not only theoretical knowledge, but also practical experience. That is of great importance to work successfully in the context of globalization and ever-changing labour market conditions.

Keywords: translation training, modern approaches, skills and skills, interpretive theory of translation.

Современные подходы к организации обучения переводу отражают изменения в понимании природы перевода и роли переводчика в процессе межкультурной коммуникации. Традиционно перевод рассматривался как процесс передачи информации с одного языка на другой, а переводчик выступал в роли посредника, обеспечивающего эту передачу. Однако в настоящее время перевод все чаще рассматривается как процесс создания нового текста на основе исходного текста, а переводчик выступает в роли творческого посредника, который интерпретирует исходный текст и создает новый текст, соответствующий коммуникативным потребностям целевой аудитории.

В последние годы в преподавании переводу наблюдается ряд новых тенденций. Эти тенденции отражают меняющиеся потребности рынка труда, а также развитие новых технологий и методик обучения.

Традиционно преподавание переводу было сосредоточено на изучении теории перевода и развитии языковых навыков студентов. Однако в последние годы все больше внимания уделяется практическим аспектам перевода. Это связано с тем, что работодатели все чаще ищут переводчиков, которые обладают не только теоретическими знаниями, но и практическим опытом.

Современные подходы к организации обучения переводу делают акцент на развитии таких навыков и умений, как: аналитические (умение анализировать исходный текст, выявлять его структуру, стиль и тон), исследовательские (умение находить и использовать соответствующую информацию для перевода специализированных текстов), творческие (умение интерпретировать исходный текст и создавать новый), культурные навыки (умение понимать и учитывать культурные различия между исходным и целевым языками), коммуникативные навыки (умение эффективно общаться с клиентами и другими заинтересованными сторонами) [1, с. 43].

Для развития этих навыков и умений используются различные методы обучения переводу. Студенты анализируют переводческие тексты с целью выявить различные переводческие приемы и стратегии; переводят тексты под руководством преподавателя, который дает им обратную связь и помогает совершенствовать навыки перевода; осуществляют самостоятельный перевод текстов, используя различные ресурсы, такие как словари, грамматики и интернет; участвуют в переводческих проектах, которые имитируют реальные условия работы переводчика; стажировались в переводческих компаниях, где они получают практический опыт перевода текстов.

Однако, как показывает опыт, практика постоянного перевода из недели в неделю, без какой-либо системы или структуры, не является удовлетворительным решением проблем обучения. Цель занятий по переводу - не перевести текст как можно быстрее, а сосредоточиться на частых проблемах, с которыми сталкиваются студенты, и найти возможные решения. Многие преподаватели выступают за количество, считая, что практика и опыт - лучшие средства обучения. Этот аргумент справедлив, если опыт приобретается под постоянным руководством преподавателя, чтобы студенты не выработали неправильные привычки и стратегии в самом начале и не столкнулись с трудностями при избавлении от них впоследствии. Вначале курса, на этапе приобретения базовых навыков, очень важно, чтобы ученики знали обо всех трудностях, с которыми они сталкиваются, и научились лучшим стратегиям их решения.

При обучении переводу преподаватель может давать различные типы упражнений с нарастающей сложностью, чтобы каждое упражнение было направлено на разные аспекты стратегии перевода. Правильная подготовка студентов к переводу является первостепенной задачей. Студенты часто воспринимают перевод как сравнение языков и передачу информации из одного языка в другой. Приходится искоренять такой способ мышления и обучать их основным принципам перевода.

Процесс перевода является общим для всех языков, всех типов текстов и всех форм перевода, хотя результат перевода зависит от многих факторов (например, от текста, устной речи переводчика, перевода поэтических или технических текстов).

Согласно интерпретативной теории, процесс любого перевода можно разделить на три этапа: понимание смысла, лингвистический этап (отказ от слова или предложения, создавшего смысл), этап, когда смысл существует без конкретной языковой поддержки, и этап, когда смысл выражается на другом языке. Интерпретативная теория перевода рассматривает перевод как процесс интерпретации и создания смысла, переводчик не просто переносит слова и фразы из одного языка на другой, но также интерпретирует и воссоздает смысл исходного текста на целевом языке [6, с. 126].

Группа ученых-разработчиков теории утверждают, что традиционные теории перевода, такие как теория эквивалентности и теория коммуникации, не учитывают тот факт, что перевод всегда является интерпретацией. Они также считают, что переводчик не может быть нейтральным и объективным, а всегда привносит в перевод свою собственную культуру и идеологию [7, с. 498].

Интерпретативная теория перевода оказала большое влияние на развитие теории и практики перевода. Она привела к появлению новых подходов к переводу, таких как перевод, ориентированный на читателя, и перевод, ориентированный на культуру. Интерпретативная теория также способствовала развитию исследований в области переводческих стратегий и исследований переводческих ошибок [4, с. 59].

Исследователи процессов перевода обычно описывают два этапа перевода: понимание и перевыражение. Последователи же интерпретативной теории добавляют к этому процессу девербализацию, подчеркивая исчезновение большинства звуков и графических знаков после понимания. Когда мы общаемся в повседневной жизни, мы запоминаем факты, понятия и события, которые передаются нам словами, но мы не сохраняем их буквально. Исследования в нейробиологии подтверждают, что язык и мысли находятся в разных частях мозга [5, с. 154]. Таким образом, предвосхищение смысла, которое происходит при устной коммуникации и устном переводе, является доказательством того, что полная словесная поддержка не всегда необходима для понимания в контексте и ситуации.

Согласно принципам интерпретативной теории переводчик не может быть нейтральным и объективным, а всегда привносит в перевод свою собственную культуру и идеологию; перевод всегда является культурно обусловленным и зависит от контекста; перевод не может быть точным и полным, а всегда является приближением к оригиналу; перевод всегда является творческим процессом [7, с. 502].

Культурные навыки переводчика включают знание истории, культуры и традиций стран, языки которых переводчик переводит, понимание культурных различий между странами и народами, способность адаптировать перевод к культурным особенностям целевой аудитории [2, с. 135].

Развитие культурных навыков является важной частью процесса обучения переводу. Существует ряд способов, которыми преподаватели перевода могут помочь своим студентам развить эти навыки. Это чтение книг об истории, культуре и традициях стран, языки которых переводчик переводит, просмотр фильмов, посещение музеев и галерей, а также общение с носителями языка. Важна практика перевода текстов с учетом культурного контекста. Это можно сделать с помощью анализа текстов, сравнения переводов разных переводчиков и обсуждения культурных аспектов перевода. Переводчики должны постоянно обновлять свои знания о культурах стран, языки которых они переводят, и следить за изменениями в этих культурах. Эти навыки помогают переводчикам точно и эффективно передавать

смысл исходного текста на целевом языке, а также способствуют межкультурному взаимопониманию и расширению кругозора [3, с. 42].

Современные подходы к организации обучения переводу также включают использование новых технологий, таких как компьютерные программы для перевода и электронные словари. Эти технологии помогают студентам совершенствовать свои навыки перевода и повышать свою производительность.

В целом, современные подходы к организации обучения переводу должны быть ориентированы на развитие у студентов навыков и умений, необходимых для успешной работы в качестве переводчика в условиях глобализации и межкультурной коммуникации.

Современные тенденции в преподавании переводу отражают меняющиеся потребности рынка труда, а также развитие новых технологий и методик обучения. Эти тенденции направлены на подготовку переводчиков, которые обладают не только теоретическими знаниями, но и практическим опытом, а также умеют работать с современными технологиями и самостоятельно находить информацию.

Список литературы

1. Базылев В.Н. Дидактика перевода. Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2013. 224 с.
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
3. Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Код культур в зеркале перевода // Язык и текст. 2015. Т. 2. №4. С. 30–46.
4. Попова О.И., Беседин А.С., Наумова А.П. Интерпретативная теория перевода в оценках отечественных и зарубежных переводчиков и переводоведов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16, № 3. С. 58-70.
5. Chernov G.V. Inference and Anticipation in Simultaneous Interpreting. Amsterdam: John Benjamins, 2004. 268 p.
6. Seleskovitch D. and Lederer M. A. Systematic Approach to Teaching Interpretation, RID, Washington DC (2nd. augmented edition), 2017. 390 p.
7. Stern Ludmila. Training interpreters // The Oxford handbook of translation studies Edited by Kirsten Malmkjaer and Kevin Windle. Oxford university press, 2011. p. 490-509.
8. Современные методы подготовки переводчиков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-metody-podgotovki-perevodchikov/viewer> (Дата обращения: 15.02.2024).

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.134.2

Белова С.Е., Рычкова М.М. Лексико-стилистические особенности кинотекста (на примере телесериала «Телефонистки»)

Белова Светлана Евгеньевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации, Российский государственный университет социальных технологий
РФ, г. Москва
svetuskas@rambler.ru

Рычкова Милена Максимовна

студентка пятого курса, Российский государственный университет социальных технологий, РФ, г. Москва
kurlyksa17@gmail.com

Lexico-stylistic features of film text (using the example of the television series "Telephone Operators")

Bielova Svitlana Evgenievna

Senior Lecturer of Foreign Languages and Intercultural Communication Department
Russian State University of Social Technologies, Russia, Moscow

Rychkova Milena Maksimovna

the fifth year student, Russian State University of Social Technologies, Russia, Moscow

Аннотация. Данная статья посвящена комплексному исследованию особенностей кинотекста на примере телевизионного историко-драматического испанского сериала «Телефонистки». Авторами предложена компиляционная формулировка определения понятия кинотекста как сочетания собственно текста, визуального и звукового сопровождения. В статье приведена статистика функционирования стилистических и лексических особенностей кинотекста, что дает возможность авторам сделать вывод, что данные особенности, наряду с визуальными и звуковыми, способствуют погружению зрителя в атмосферу эпохи начала 20 столетия.

Ключевые слова: кинотекст, лексикология, стилистика, телесериал

Abstract. This article is devoted to a comprehensive study of the features of film text using the example of the Spanish historical and dramatic television series "Telephone Operators". The authors proposed a compilation formulation of the definition of the concept of film text as a combination of the text itself, visual and sound accompaniment. The article provides statistics on the functioning of the stylistic and lexical features of the film text, which allows the authors to conclude that these features, with visual and sound ones, help immerse the viewer in the atmosphere of the era of the early 20th century.

Key words: film text, lexicology, stylistics, television series

Кинотекст — это сложное понятие, объединяющее в себе различные аспекты киноискусства, включая сценарий, диалоги, визуальные образы и звуковую дорожку, которые в совокупности создают кино-цепочку. Кинотекст можно рассматривать как специфическую форму текста, которая комбинирует различные элементы для передачи идеи, настроения и сообщения автора.

Согласно определению основоположника отечественной медиапедагогике Ю.Н. Усова: “кинотекст – это динамическая система звукозрительных образов, или динамическая система пластических форм, которая существует в экранных условиях пространственно-временных измерений и аудиовизуальными средствами передает последовательность развития мысли художника о мире и о себе” [1, с.16].

По мнению Ю.Н. Лотмана: «Кинотекст может рассматриваться одновременно как дискретный, составленный из знаков, и недискретный, в котором значение приписывается непосредственно тексту. Если на ленте изображение представлено как дискретная последовательность различных изображений, то для зрителя это – недискретное изменение одного. Если в первом случае повествовательность возникает за счет того, что рисунки используются как слова, то во втором возникает нарративность собственно изобразительного типа» [1, с. 32].

Лурдес Перес Вильярреаль в своей монографии «Кино и литература. Между реальностью и воображением» утверждает, что кино обладает большей способностью к синтезу, чем литература, и что поэтому оно может вводить в свою дискурсивную структуру за более короткий период времени больший объем информации. Кинематографический образ в силу самих особенностей имеет большую концептуальную нагрузку. Костюмы, декорации, жесты и даже язык, используемый персонажами в данный момент, помимо придания аутентичности сцене или определенной доли реализма тому, что предполагается показать, могут также означать классовое, культурное или идеологическое различие. Таким образом, при соответствующем использовании кадра, при простом приближении камеры и так далее, можно синтезировать всю сложную социальную и историческую вселенную и показать за несколько минут, а может быть и за секунды, то, что нужно было бы расписать в рассказе или романе на несколько страниц или глав. Говоря в этом смысле о преимуществах, которые кинотекст имеет с повествовательной точки зрения по сравнению с литературой, можно прийти к выводу, что кинотекст способен сообщать что угодно, на различных уровнях: понятия, идеи и эмоции, даже атмосферу, отражение чувств, а не только материальных фактов, движений. Литературный язык характеризуется тем, что не может охватить сразу все аспекты действительности,

тогда как кинотекст – это язык, который не последовательный, а одновременный, поскольку может показывать в своих рамках сразу разные стороны единой реальности [4, с. 54].

Как отмечает Г.Г. Слышкин в своей монографии «Кинотекст (Опыт лингвокультурологического анализа)»: «Классификация кинофильма как текста затрудняется тем, что нет таких различительных признаков, которые, являясь основой для оппозиции кадров, обеспечивали бы разнообразие внутри кинотекста. Иными словами, в языке кино не существует кода, состоящего из узнаваемых и выделяемых единиц и способов их организации, который являлся бы общим для всех фильмов» [1, с. 17].

Г.Г. Слышкин же выводит свое определение из всех вышеперечисленных, а именно: «Кинотекст состоит из образов, движущихся и статических, речи, устной и письменной, шумов и музыки, особым образом организованных и находящихся в неразрывном единстве. В кинотексте присутствуют две семиотические системы, – лингвистическая и нелингвистическая – оперирующие знаками различного рода. Лингвистическая система в кинотексте представлена двумя составляющими: письменной (титры и надписи, являющиеся частью мира вещей фильма – плакат, название улицы или города, письмо или записка и т.д.) и устной (звучащая речь актеров, закадровый текст, песня и т.д.), которые выражены при помощи символических знаков – слов естественного языка. Нелингвистическая система кинотекста включает иконические и индексальные знаки. Она также имеет звуковую часть – это естественные шумы (дождь, ветер, шаги, голоса животных и птиц), технические шумы и музыка» [1, с. 22].

Исходя из всех перечисленных определений и мнений, можно составить скомпилированное определение, согласно которому кинотекст – уникальное явление, которое сочетает в себе как свойства текста, так и визуального изображения вместе со звуковым сопровождением. При этом кинотекст сложно наделить некоторыми общими особенностями, так как лексические и стилистические свойства разнятся в зависимости от жанра фильма или сериала.

В качестве материала для проведения лексико-стилистического анализа кинотекста мы выбрали испанский историко-драматический телесериал «Телефонистки (Las Chicas del Cable)», 1997 [6]. Сюжет сериала разворачивается в 1920-х годах в Мадриде (Испания) и повествует об истории четырех молодых женщин, которые работают операторами в телекоммуникационной компании. Они борются за свое место в патриархальном обществе, сталкиваются с гендерными и социальными

неравенствами и добиваются независимости в обществе, всеобщего признания и свободы. Для кинематографических картин, снятых женщинами или при их непосредственном участии в качестве сценаристов, характерно использование натурального образа женщины, не приукрашенного и не идеализированного, а также акцентирование внимания на женской роли в обществе и на сложностях, с которыми сталкиваются представительницы женского пола. Такие фильмы или сериалы часто освещают подлинные и уникальные аспекты женского опыта, позволяя зрителям погрузиться в жизненные ситуации, с которыми девушки сталкиваются на самом деле. Главными особенностями сериала являются его визуальное оформление, сама контекстуальная идея и огромное количество лингвистических особенностей, связанных с идейным содержанием сериала и воплощающим его. Сериал «Телефонистки» воссоздает атмосферу 1920-х годов и погружает зрителя в исторический контекст, позволяя не только узнать про человеческие отношения столетие назад, но и увидеть это «вживую» [2]. При этом с точки зрения лексики и стилистики испанского языка, сериал «Телефонистки» является интересным материалом для исследования, поскольку представляет интерес реализация подбора лексических и образных средств с целью передать реалии эпохи начала XX столетия. С целью более детально разобрать лексические и стилистические особенности мы проведем анализ текста сериала, выделяя ключевые фразы, выражения и образы, которые помогут нам составить полную статистику функционирования данных единиц. В ходе исследования нами был проанализирован первый сезон данного сериала [5], который состоит из 27 серий. Были отобраны 100 лексических и стилистических единиц методом сплошной выборки (63 стилистических и 37 лексических).

Таблица 1. Лексические особенности

Лексическая особенность	Процентное соотношение
Фразеологизмы	38%
Термины	24%
Вульгаризмы (сленг)	24%
Историзмы и архаизмы	9%
Прочие	5%

По результатам исследования в первую очередь следует отметить большое количество терминов (табл.1), соответствующих эпохе, в которую погружено действие сериала, которые связаны с линией профессиональной деятельностью героинь, поскольку они работают телефонистками. Например, «descalcificador» (смягчитель воды) – устройство, которое использовалось в начале XX века в телефонной станции.

«La centralita» – aparato que conecta una o varias líneas telefónicas con los teléfonos interiores de un mismo edificio; «la operadora» – persona que establece las comunicaciones en una central telefónica»; «el conmutador» – aparato utilizado para conmutar las llamadas telefónicas; «la guía telefónica» – es un libro que contiene una lista de números de teléfono y direcciones de personas y empresas en una determinada zona geográfica. Некоторые из этих терминов также вышли из употребления, ввиду развития телефонной отрасли и уже не являются настолько распространёнными, «abonado» – persona que tiene un abono para usar un 21 servicio o instalación – в данном случае, абоненты телефонной компании, которые пользуются ее услугами [3].

Стоит отметить употребление архаизмов и историзмов, которые в наше время уже не используются или утратили актуальность. Например, «telegrama» (телеграмма) – papel normalizado en que se recibe escrito el mensaje telegráfico или «cabina telefónica» (телефонная будка) – una pequeña estructura que en su interior contiene un teléfono público [3]. Также в первом эпизоде один из героев использует историзм в качестве угрозы, он говорит, что героиню ожидает «el garrote» за ее преступления, что означает «una máquina utilizada para aplicar la pena capital» [7], такое приспособление использовалось для казни через удушение в Испании. Казнь через «garrote» проводилась вплоть до 1974 года.

В сериале персонажи общаются посредством диалога. Ввиду особенностей диалоговой речи, а также эпохи, в которой разворачивается действие сериала, мы заметили частое использование идиоматических выражений и фразеологизмов (табл.1), которые являются характерными для испанского языка. Пример: «estar en las nubes» (витать в облаках) – estar englobado; «no haber roto un plato» – mostrar inocencia, por lo general aparente, то есть «не разбив тарелки» в прямом смысле, и «быть невинным» в переносном, идиоматическая единица, широко распространенная в испанском языке; «la actitud de mosquita muerta» – las personas que reciben ese nombre tienden a mostrar una apariencia de inocencia, что означает «тихоня», тоже является устойчивым выражением; «tiene la cabeza en otra parte» – una persona que está distraída o que no presta atención a lo que está sucediendo en su entorno inmediato [7], также устойчивое выражение, означающее в переносном смысле «думать о чем-то другом, о многих вещах»; "ser transparente" – ser honesto, directo y nunca ocultar quién eres realmente, en otras palabras, si tienes una personalidad transparente, устойчивое выражение, часто используется, чтобы сказать, что человек открыт и искренен в своих намерениях или действиях, либо что его «можно прочесть как открытую книгу». Также персонажи используют поговорки и пословицы,

например, «los buenos negocios nacen de la anticipación» [3] – un aforismo que significa que los buenos negocios se construyen mediante el pragmatismo y el pensamiento estratégico», выражение означает, что хороший бизнес строится через прагматичность и стратегический подход к делу.

Нами были обнаружены случаи использования сленга (табл.1) и неформальной лексики в диалогах между героями, что делает их более естественными и повседневными. Пример: «curro» (работа) – palabra informal para designar un trabajo u ocupación en España. «Chinchín» – significa "salud" o "porras" [7], используется перед тем, как персонажи хотят выпить или сказать тост.

Герои сериала также используют бранную лексику, иногда завуалированную или даже устаревшую, например, фраза «la madre que la parió» является испанской ругательной речью, дословно означает «hijo de puta». Это выражение употребляется в испанском языке как ругательство или грубое выражение удивления, разочарования или возмущения. Нами также было замечено ругательство «pelandrusca» - etiquetado anticuado de mujer de escasa responsabilidad social [7], которое обозначает женщину низкого социального статуса. Этот термин уже давно вышел из употребления и сегодня его использование может восприниматься как оскорбительное или неуважительное.

Однако в некоторых сценах регистр речи персонажей сериала резко повышается, особенно при разговоре с начальством, с высокими чинами общества или на официальных мероприятиях. Герои не используют в эти моменты разговорную лексику и обращаются друг к другу уважительно в соответствии с положением в обществе (табл.1), например «Majestad», «cuenta con nuestra colaboración y nuestro servicio». Такая речь является знаком признания своего собеседника и глубокого уважения, соблюдения этикета.

Среди прочих (табл.1) лексических особенностей в исследуемом кинотексте сериала присутствует большое количество модальных слов и выражений, связанных с эмоциональной окраской речи героинь. Например, "Ojalá" (О, если бы!) – indica un deseo intenso de que algo suceda», модальное слово, передающее сильное желание или надежду на что-то; «¡ahora lo oigo!» (теперь дошло) – dar a entender la novedad que causa una cosa que se dice y que no se conocía con anterioridad и другие. Также мы можем встретить огромное количество лексических повторений, что свойственно для разговорной речи, например «sí,sí,sí..», «no, no, no..», нередки и типичны для разговорного стиля упоминания Бога или другой высшей силы: «Dios sabe que».

В испанской культуре особое внимание уделяется разнообразию алкогольных напитков, эта тенденция также прослеживается и в сериале ввиду того, что главные героини часто ходят в бар, где они либо говорят о них, либо употребляют. При этом, помимо знакомых и распространенных в России напитков как «champán» (шампанское), «vino» (вино), встречаются те, которые широко распространены в западной части Европы, особенно в Испании, такие как «vermús» (вермут) – крепленое вино, настоянное на фруктах или горькой полыни, «anís» (анисовка) – это крепкий алкогольный напиток, похожий на ликер со вкусом аниса. Также в одной из серий девушки пили «white lady», который представляет собой аперитив к мартини, коктейлем на основе джина и ликера, и «vino dulce» или десертное вино, которое подается к десерту.

Таким образом, сериал наполнен различными пластами лексики, включая разговорную лексику, сленг, ругательства и эмоциональные выражения, однако было замечено широкое использование терминов и устаревшей лексики. Все эти особенности способствуют естественности диалогов и погружению зрителя в атмосферу эпохи. Это связано с определенными факторами, и в первую очередь мы можем обратить внимание на использование исторических терминов и жаргонных выражений, связанных с профессией главных героинь и общественными явлениями, культурными особенностями того времени. Лексическая составляющая сериала включает в себя техническую терминологию, связанную с развитием телефонной связи, а также термины, характерные для этой отрасли. Кроме того, в сериале активно используются сленг и фразеологизмы, типичные для исторического периода и социальных слоев, к которым относятся главные героини. Это придает сериалу аутентичность и помогает глубже погрузиться в менталитет и реалии того времени. Однако речь персонажей сериала нам вполне понятна и, учитывая использование историзмов, архаизмов и иной устаревшей лексики, у зрителя не возникает сложностей с восприятием информации. Таким образом, сериал создает ощущение, будто события происходят давно, но отображаются с использованием современного языка, что характерно для произведений, воссоздающих какую-либо историческую эпоху через книги или фильмы и сериалы.

К стилистическим особенностям кинотекста относятся, в первую очередь, тропы и стилистические фигуры, которыми произведение наполнено в достаточно большом количестве (табл.2).

Таблица 2. Стилистические особенности

Стилистический прием	Процентное соотношение
Сравнение	16,5%
Ирония	19%
Синекдоха	1,5%
Гипербола	9,5%
Повторение	5%
Риторический вопрос	19%
Перечисление	3,5%
Каламбур	12%
Прочие	14%

В ходе исследования нами были отобраны следующие примеры. «Las mujeres éramos algo así como adornos que se llevaban a las fiestas para presumir de ellos», где Альба (главная героиня) сравнивает девушек с украшениями. По ее мнению, мужчины «хвалятся» своими супругами, как девушки ювелирными подарками. Далее она продолжает сравнение и говорит, что девушки «objetos sin poder de opinión y decisión» (вещи без мнения и эмоций), что также олицетворяет положение девушек в патриархальном обществе в 1920-х годах, ведь в то время девушки не могли иметь своего мнения и полностью зависели от мужа. При этом, на протяжении всего сериала женщины и мужчины саркастически высказываются о представительницах женского пола, унижая роль женщин в обществе того времени, например, «son aquí si lleva traje y chaqueta, es un hombre y pretende ser ejecutivo de cuentas, cosa que, por lo que veo, no es el caso» – ирония, означающая, что женщине тут не место, ведь она не «мужчина в костюме». Также главную героиню часто называют «Bonita», но не для того, чтобы сказать, что она красивая, а скорее, чтобы подчеркнуть отсутствие у нее выдающихся умственных способностей. Обращение ласковое, но контекст позволяет нам понять, что девушку не воспринимают всерьез. При общении девушек часто можно услышать шутки и игру слов. Приведем пример диалога двух телефонисток компании после того, как одна из них выручила другую в сложной ситуации: « – Ángeles, ¿verdad? – Ajá. – Con ese nombre, solamente podías ser nuestro ángel de la guarda...» Имя девушки «Ángeles» – «representa a la Virgen María como reina de los ángeles», имеет прямую связь с девой Марией как «королевой ангелов», она сравнивается с ангелом хранителем, так как она избавила девушек от проблем и выступает в их глазах как спасительница. Однако это не единственная отсылка на имена персонажей, например, один из героев называет свою возлюбленную «ojos azules», то есть «голубоглазка», применяя прием синекдоха, ведь он называет всю девушку лишь частью, подчеркивая красоту и выразительность ее глаз. Также было замечено частое использование преувеличений

для придания некоторым выражениям и фигурам речи большей эмоциональной окраски. Например, «libre era algo que parecía inalcanzable» (свобода была непозволительной роскошью), что является гиперболой для большего акцентирования внимания на страданиях женщин; «imaginé mil veces cómo volvería a verte» – один из главных героев говорит, что представлял встречу со своей возлюбленной тысячи раз, что тоже является преувеличением, чтобы вызвать определенные эмоции у своего собеседника. Такая тенденция гиперболизации фактов свойственна для разговорной речи, а особенно для фильмов или сериалов, где показаны страдания, либо чувства людей, их влюбленность и взаимоотношения, так как гипербола, в первую очередь, призвана вызвать определенную реакцию у реципиентов, либо у персонажей фильма или сериала. Иногда персонажи используют повторение речевых единиц для того, чтобы перефразировать ту же реплику собеседника, сформировав ее в саркастическом или юмористическом тоне, например: « – La próxima vez que quiera impresionar a un directivo no le diga que sueña con quitarle el puesto. –Y usted la próxima vez que quiera impresionar a una mujer no le haga sentir que solo le interesan sus medidas». Используется повтор начала предложения, чтобы ответить собеседнику в немного грубой и, в данном случае, игривой манере. Однако повторы в целом свойственны для разговорного стиля речи, ввиду того что при общении собеседники, когда пытаются понравиться друг другу, копируют манеру речи, что нередко приводит к речевым повторениям, либо когда кто-то из персонажей не услышал реплику или же делает вид, что не понял слов, что также иногда используется в юмористических целях, например: «– Qué? – Qué?». То есть повторение одной или двух лексических единиц в виде вопроса. Часто используются риторические вопросы. Они нацелены, в первую очередь, на то, чтобы вызвать определенные мысли и не требуют непосредственного ответа, так как он очевиден. Например, в первой серии недобросовестный полицейский, который изначально показан авторами сериала в негативном свете, спрашивает у главной героини: «¿Sabes lo que les pasa a los acusados de asesinato?». В данном случае, он не ждал от нее реплики и ответил сам, так как в рамках той ситуации он хотел вызвать лишь определенную эмоциональную реакцию героини и испугать ее, чтобы потом использовать в своих целях. Типичными для разговорной речи являются такие риторические вопросы, как «¿Estás loca?», «¿Sabes qué?», «¿Lo tienes todo bajo control?» и другие. Их использование также свидетельствует о намерении говорящего подчеркнуть правдивость своих слов и сделать на них акцент. В исследуемом сериале нами было замечено, что в кинотексте используются перечисления для структурирования

информации о каком-то большом объекте, и чтобы зритель мог более ярко представить описываемый предмет или место. Например, в первой серии начальница отдела проводила экскурсию для новых сотрудников и описала рабочее здание следующим образом: «13 plantas, más de 30 millones de metros de cable, miles de trabajadores: ejecutivos, telefonistas, 800 puestos de trabajo libres y una caja fuerte» или «Hay 390 solicitudes para 12 plazas. 12 afortunadas que, les puedo asegurar, conseguirán el mejor trabajo de sus vidas, así que no se despisten». Цифры также используются для большего убеждения и внушения значимости.

Таким образом, авторы сериала широко используют стилистические приемы для создания соответствующего эмоционального воздействия на зрителей. Мы пришли к выводу, что использование стилистических приемов, таких как риторические вопросы, сравнения, перечисления и других, повышает эмпатию зрителей к персонажам телесериала, способствует лучшему пониманию сюжета и развитию героев, а также углубляет понимание атмосферы произведения.

В заключении можно сказать, что выявленные особенности лексики и стилистические приемы в кинотексте сериала «Телефонистки» помогают авторам произведения воссоздать необходимое настроение: определить положительных и отрицательных персонажей, а также транслировать через лексические и стилистические приемы свои идеи, такие как историческую эпоху начала 20-го века, гендерную и социальную роль женщин в то время, а также некоторые культурные особенности испанского языка и Испании как государства.

Список литературы

1. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (Опыт лингвокультурологического анализа) / Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова. – М.: Водолей Publishers, 2004. – 153 с.
2. Cable Girls. Wiki: сайт. — URL: https://cable-girls.fandom.com/wiki/Cable_Girls (дата обращения: 25.03.2024). – Текст: электронный.
3. Diccionario español-ruso (Glosbe): сайт. — URL: <https://es.glosbe.com/es/ru> (дата обращения: 25.03.2024). – Текст: электронный.
4. Lourdes Pérez Villarreal. Cine y literatura. Entre la realidad y la imaginación. – Quito, Ecuador: Ediciones Abya-Yala. – 137p.
5. Opensubtitles.org: сайт. — URL: <https://www.opensubtitles.org/en/search/sublanguageidspl,spn/season-1/movienamela-chicas-del-cable> (дата обращения: 25.03.2024). – Текст: электронный.
6. Pelispedia: сайт. — URL: <https://pelispedia.is/serie/las-chicas-del-cable/> (дата обращения: 25.03.2024). – Текст: электронный.
7. The Free Dictionary by Farlex: сайт. — URL: <https://es.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 25.03.2024). – Текст: электронный.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81.116

Безруков А.Н. К вопросу функциональной направленности политического дискурса

Безруков Андрей Николаевич

Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики, Уфимский университет науки и технологий, Бирский филиал
in_text@mail.ru

On the issue of the functional orientation of political discourse

Bezrukov Andrey Nikolaevich

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology and Linguodidactics, Ufa University of Science and Technology, Birskey branch

Аннотация. В рамках данной статьи воспроизводится актуализация вопроса функционирования политического дискурса. Данная тема достаточно востребована в рамках лингвистических наблюдений настоящего. Исследователи соотносят политический дискурс с собственно языком, так как аспект ролевой раскладки играет при этом достаточно конкретную роль. Методология работы соответствует системно-аналитическим принципам, следовательно, базовые составляющие выдержаны. Цель работы – определение объективных магистралей функционирования политического дискурса с опорой на исследования последних лет. Материал можно использовать при изучении языка, различных типов и форм речи, развития системы естественных знаков. Дискурс является понятием междисциплинарным, следовательно, объективацию данной категории целесообразно осуществлять в формате синтеза различных научных дисциплин. Аргументация тезиса, что текст, взятый в определенном событийном аспекте, и есть дискурс, на наш взгляд, функционально оправдан.

Ключевые слова: дискурс, политическая лексика, язык, речь, функция, политический дискурс, коммуникация, текст, воздействие, адресат

Abstract. This article reproduces the actualization of the issue of the functioning of political discourse. This topic is quite in demand within the framework of linguistic observations of the present. Researchers correlate political discourse with language itself, since the role aspect plays a fairly specific role. The work methodology corresponds to system-analytical principles, therefore, the basic components are met. The purpose of the work is to determine the objective highways of the functioning of political discourse based on research in recent years. The material can be used in studying language, various types and forms of speech, and developing a system of natural signs. Discourse is an interdisciplinary concept, therefore, it is advisable to objectify this category in the format of a synthesis of various scientific disciplines. The argumentation of the thesis that a text taken in a certain event aspect is a discourse, in our opinion, is functionally justified.

Keywords: discourse, political vocabulary, language, speech, function, political discourse, communication, text, impact, addressee

Дискурс является категорией, которая рассматривается большинством гуманитарных дисциплин. Смежность оценки дискурса [1, 2] связана в первую очередь с не такой объективно выверенной и обоснованной природой организации этого явления. Ученые сходятся в мысли, что дискурс есть действенный процесс, который отчасти фиксируется с помощью текста, речевой практики. Однако участвует в этой ситуации и факторы экстралингвистические, собственно они и регулируют варианты проявления открытости дискурса [3, 4, 5] к той или иной ситуации – социологической, философской, художественной, психологической, ну и, конечно, политической. Именно последняя и будет рассмотрена в рамках данной работы. На наш взгляд, политический дискурс, наиболее открыт в функционально-ситуативном плане и может быть рассмотрен подробно и конструктивно.

Стоит отметить, что на данный момент нет четко выверенного определения дискурса, которое бы охватывало все возможные ситуации его проявления в режиме действительности. Но в целом работ, посвященных оценке дискурсивной практики достаточно много, здесь и фундаментальные наработки, и статьи частного порядка. Дискурс определяется исследователями как связный, конфигурированный вариант функционирования языка. Естественную природу в данном случае исключать не следует, так как она и определяет стабилизацию и целенаправленное формирование дискурсивной формации. В нашем случае политической, которая наиболее податлива при анализе и оценке.

В политологии сам дискурс распространен на так широко, хотя его включение в терминологический оборот могло бы сыграть одну из важных ролей. Ситуация политического толка ориентирует на понимание дискурса как коммуникативного намерения, реализацию формы контакта между субъектами и объектами власти, отчасти и генеративного разрешения политической воли. Думается, что в перспективном будущем дискурс как категория важная и значимая все же будет введена в вариативную часть политологии.

Ряд исследователей отмечают, что особой оценки требует именно политический дискурс, который активен, актуален, верифицирован. Сегодня большая часть работ лингвистического толка соотносится с оценкой, анализом, верификацией политического дискурса в качестве базового концепта, или объекта исследования. На наш взгляд, политический дискурс в зависимости от ситуации как раз обладает рядом примет, которые организуют его как некую парадигму, вмещающую и язык, и речь, и оппонентов коммуникации «субъекта» как говорящего и «объекта» как воспринимающего.

Как явление «политический дискурс» многофункционален, его прерогатива крайне дистанцирована; и это не только ситуация контакта, и это не только формат воздействия и манипуляционная сфера. Политический дискурс гораздо шире и объемнее, он вбирает в себя ряд составляющих, напрямую связанных с абсолютно разными областями научных, культурных, социальных сфер. Отчасти это и затрудняет его исследование, его объективную оценку.

Одним из родоначальников, которые коснулись анализа политического дискурса стоит назвать Э. Бенвениста. Его заслуга в том, что первым смог системно обозначить фактор процессуальности этого явления, он один из первых наметил вектор действенной оценки дискурса. Причем тематика дискурсивной практике не бралась за основу, ориентир падал на так называемый функциональный вектор. Такие авторы как т.А. ван Дэйк, Р. Водак, Е.И. Шейгал, А.Г. Алтунян и другие ориентируют так называемую базово коммуникативную составляющую политического дискурса, так как он обладает этим признаком и не исключает этот показатель. Стоит заметить, что формальный грейд дискурса, в связи с оценкой речевой практики был отмечен еще Романом Jakobsonом, представителем формальной лингвистической школы. Собственно в связи с этой фигурой ментально и намечается ряд функций политического дискурса, действенных по настоящее время.

Главной, ведущей функцией политического дискурса является функция побудительная, ее роль сводится не только к тому, чтобы воздействовать на субъекта коммуникативного звена, но и регулировать его действия и поступки. Модель языковой ситуации расширяется в указанных условиях, вбирает и контекст, и поле коннотаций, и явно видимый горизонт ожиданий.

Побуждение к действиям становится для политического дискурса вариацией активного манифеста, следовательно, она является знаковой, ведущей, целеполагающей. Цель политического дискурса сводится к вероятностной борьбе за власть, умение реагировать на изменяющийся мир, ситуацию, отчасти и регулирование вектором настроений и чувств общества, которое является базисом объективной оценки. Формат участия в большинстве также прозрачен – это выборы, агитация, пропаганда, брифинг, дискуссия, дебаты. Вероятно в этом режиме и обогащается языковой состав политического дискурса, который вбирает не только лексику общей номинации, но и узко специальные слова, лексемы точечного воздействия на адресата.

Помимо побуждения политический дискурс выполняет и роль открытого коммуникативного события, следовательно, функция общения не исключается из

общего целевого ориентира. Информационный ценз важен для вероятного освещения событий, для того, чтобы слушатель получил максимум информации. Векторный расклад в данном случае сращивается, на наш взгляд, в точку наибольшей активности. Коммуникативная задача решается спектрально, не точно, не свободно.

Эмотивная функция для политического дискурса также весьма важна, она регулирует эмоциональное состояние субъектов, благодаря убедительности суждений чувственный блок получает действенную раскладку, верификация переживаний дается более сложно. Для политического дискурса важно, чтобы переживания были одинаково едины, расхождений у объекта и субъекта коммуникации быть не должно. Особо подчеркнем, что для реализации общей цели нужна взаимная выработка и согласие.

Фактический компонент в политическом дискурсе предумышленно играет роль аккумулятивного регулятора. Поддержание контакта это не только буквальное созерцание говорящих, но и версия доверия. Успешный контакт «говорящего» и «слушающего» в режиме политического дискурса возможен только в случае кратного решения общей задачи. Фатическая функция вбирает в себя и психоэмоциональное состояние, здесь же, отметим интерес к собеседнику, здесь же умышленное манипулирование, здесь же версификация итогов обсуждения, беседы, дискуссии.

Метаязыковая функция позволяет регулировать процесс контакта в режиме политического дискурса как в формате номинации, так и правильности передачи мыслей. Политики часто прибегают к тому, чтобы реалии жизни были объективированы в сопоставительном ритме крайностей – здесь и прошлое, и настоящее, и будущее. Действительный мир не зациклен на крайностях, он все шире вбирает в себя должный вектор лексем прогрессивного толка. Термины, понятия, категории, которые являются существенными для науки, также вносятся с контекст политического дискурса.

Исследования последних лет все чаще ориентируют в рамках политического дискурса объяснение для него и функции поэтической. Она на первый взгляд несколько искусственна, однако, на наш взгляд, ее роль важна и оценим. Политический дискурс это не только формальное проявление коммуникативного события, но и вариативная составляющая диалога субъекта и объекта языковой ситуации. Собственно и Роман Якобсон обозначал, что «мир эмоций, душевных переживаний – одно из привычайших применений, точнее в данном случае оправданий, поэтического языка; это то складочное место, куда сваливается все, что

не может быть оправдано, применено практически, что не может быть рационализировано» [6, с. 275]. Понятно, что его исследование было направлено на язык и стиль Владимира Маяковского, но и в это нетривиальной личности проступают черты дискурса не только поэтического, но и социального, культурологического, политического.

Роль поэтической функции [7] не сводится к буквальному процессу создания образности, но отчасти это ведет к определению условности, иноязычной формации. Политическая [8, 9] составляющая нашей действительности сводится не только к буквальному называнию граней развития, опережения, градиенты, здесь еще и фактор предумышленной перспективы рождения будущего. И это не маловажный момент, может собственно он и определяет специфику политического дискурса, версии оценки данной дискурсивной формации.

Политическая сфера не частная, не отдельная, ее сложно отграничить от массы уже имеющихся форм контакта; политика вбирает в себя большую часть имеющегося, наличного, фактического. Дискурсивный вариант политики находится в некоем режиме синтеза; на наш взгляд, именно это определяет его формально зримый эквивалент оценки. Работы последних лет явное свидетельство этому, причем они не только касаются языка, но и сводятся к специфике функционала, стиля, манеры и особенностей разверстки естественной парадигмы.

Отметим, что именно политическая [9, 10, 11] сфера является одной из составляющих культуры, следовательно, исключать эту область не целесообразно. Позиция политического дискурса оправдана, ясна, полновесна. Версия контакта «человек – мир – вселенная» дублируется и в формате языковых номинаций политического дискурса. Его дробность, порой не имеет смысла, наоборот версия слитности становится доминантной.

Базис концептов политического [12, 13, 14] дискурса сложен, многообразен, и в тоже время структурирован; без вариативной и функциональной оценки данной парадигмы не мыслима и объективация намеченного звена. Следовательно, изучение, исследование, анализ политического дискурса имеет явно открытый характер. Работы в смежной тематической области оправданы, целенаправленны, конструктивны. На наш взгляд, политический дискурс также ориентирует и на ряд ценностей, играющих роль важного звена для формирования типа личности, налично ориентированного, для принятия новых, серьезных решений социального порядка.

Концептуальная основа политического дискурса, его лексический состав есть формальное проявление особенностей. Языковой состав, номинация становится

базисом для объективной оценки данного речевого звена. Отметим, что политическая сфера является площадкой консолидации разных структур и типов общения. Коммуникативная составляющая политического дискурса в том, что он определяет векторный вариант контакта и говорящего, и слушающего, и стороннего наблюдателя. В работах по оценке политического дискурса отмечается, что вариативность лексической направленности сводится к таким концептам «власть», «полтика», «конкуренция», «свобода», «демократия», «голос», «оппозиция» и т.д. Отметим также, что жанровый состав обозначенного дискурса свободен и типологически выверен [14, 15, 16]: доклады / указы, ритуальные / ситуативные речи, лозунги, выступления на митингах, речевки и т.д. Вновь ситуация имеет место быть, собственно она и есть некая манипуляция, регулирование факториальной составляющей политического дискурса [17].

На наш взгляд, политический дискурс есть комбинация противоречащих составляющих, модель явно открытого манипулирования разных речевых составляющих. Современный мир все больше тяготеет к синтезу, к тому, чтобы результат был достигнут любыми способами. Вероятно, это и работает в речевой и языковой практике. Таким образом, можно сделать вывод, что политический дискурс есть особая форма слитности, отчасти и неповторимости воздействия на слушателя. Анализ указанной формации сложен, трудоемок, но и перспективно полезен. Думается, что политический дискурс есть вариант органики многих версий языковых проявлений, многих парадигмальных комбинаций, которые ориентированы на достижения вполне конкретных целей. Функциональная раскладка политического дискурса в том, чтобы реализовать две основные составляющие – воздействовать и побуждать к действию. Свободный фон оценки не позволяет доводить версии анализа политического дискурса до максимума результата, собственно, это и не нужно в режиме грамотной рецепции указанной формы. Его природа как было отмечено в начале, синкретична, и именно это не дает возможность аргументировать все основные показатели, объективировать грани политического дискурса как одной из парадигм социально-культурного развития общества.

Список литературы

1. Амаатов А.М., Свищев Г.В., Аматова О.А., Свищева Э.Г. Коммуникативный сдвиг и институциональность дискурса // Лексикография и коммуникация - 2023 : Сборник материалов IX Международной научной конференции, Белгород, 20–21 апреля 2023 года / Отв. редактор А.П. Седых. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2023. – С. 131-136.
2. Андиш И.Б., Бекетова С.В., Тоцкая О.В. Апеллятивная функция в политическом дискурсе // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 81-3. – С. 123-126. – DOI 10.18411/trnio-01-2022-110.
3. Безруков А.Н. Модель художественного дискурса: структура, порядок, стратегии // Безруков А.Н. Рецепция художественного текста: функциональный подход. – Санкт-Петербург: Гиперион, 2015. – С. 25-102.
4. Елизаров А.Б. Экспрессивная составляющая метафоры в современном военно-политическом дискурсе // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2023. – № 1. – С. 68-75. – DOI 10.18137/RNU.V925X.23.01.P.068.
5. Зюбина И.А., Матвеева Г.Г. Неэкологичное доминирование в политическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – № 3(166). – С. 264-268.
6. Якобсон Р. Работы по поэтике. – М.: Издательство «Прогресс», 1987. – 460 с.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Издательство «Прогресс», 1973. – 447 с.
8. Гудков Д.Б. Контекст современного русского политического дискурса // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. – 2023. – № 4(16). – С. 2-7. – DOI 10.18572/2687-0339-2023-4-2-7.
9. Калимулина С.Н. Инверсия в политическом дискурсе // Студенческий вестник. – 2021. – № 17-1(162). – С. 43-44.
10. Козловский Д.В. Репрезентация мультимодальной эвиденциальной семантики в политическом массмедийном дискурсе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 12-20. – DOI 10.14529/ling220402.
11. Ли М., Ли Ю. Способы перевода политической метафоры в политическом дискурсе на русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – № 5(168). – С. 122-127.
12. Попова Т.Г. Категоризация эгоцентрического пространства языковой личности в политическом дискурсе // Организационная психолингвистика. – 2022. – № 3(19). – С. 72-86.
13. Проничева О.Ю. Выражение побудительности в общественно-политическом дискурсе: речевые тактики адресанта // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2021. – Т. 12, № 3(50). – С. 202-205.
14. Соколова Л.П., Фирсова Е.Я. Языковые средства как инструмент реализации концепции Овертона в политическом дискурсе // Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. – 2023. – № 1(46).
15. Феофанов К.А. Когнитивные особенности социально-политического дискурса // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 5. – С. 189-203. – DOI 10.34823/SGZ.2021.5.51679.
16. Шарипов Р.Р. Политические коммуникации, тактика и стратегия политического дискурса // Научный альманах. – 2022. – № 10-3(96). – С. 102-108.
17. Юе С. Методы исследования политического дискурса в контексте цифровизации гуманитарных наук // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1(97). – С. 136-143. – DOI 10.26170/1999-2629_2023_01_15.

УДК 81

Гнатюк О.А. К вопросу о разграничении понятий: «синонимия», «вариативность», «параллелизм» (теоретический обзор)

Гнатюк Ольга Александровна

Старший преподаватель кафедры «Иностранные языки»
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)», РФ, г. Москва, AuthorID: 4794-2340 (elibrary)
go7605848@mail.ru

On the issue of distinction of the notions: "synonymy", "parallelism", "variability" (theoretical review)

Gnatyuk Olga Aleksandrovna

Chair of Foreign Languages, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Russian Federation, Moscow

Аннотация. В статье анализируются явления: «синонимия», «вариативность», «параллелизм», приводятся различные точки зрения на вопрос определения понятия *синонимия*. *Синтаксические синонимы* рассматриваются как грамматические конструкции, равнозначные и взаимозаменяемые, но отличающиеся в оттенках значений. В качестве иллюстрации синтаксической синонимии в области будущего времени английского языка приводятся примеры грамматических времен *Future Simple, Present Continuous* и оборота *To be going to* с описанием их семантических различий.

Ключевые слова. Синонимия, параллелизм, вариативность, грамматические синонимы, синтаксические синонимы

Abstract. *Synonymy, parallelism, variability* are observed in the article, as well as different points of view of the synonymy determination are referred to. The syntactic synonyms are considered to be the grammatical structures being equal and mutually changeable from one side, but semantically different – from the other. Some examples of *Future Simple, Present Continuous* and *To be going to* with the description of the semantic differences are studied for the illustration of the notion "syntactic synonymy".

Keywords. *Synonymy, parallelism, variability, grammatical synonyms, syntactic synonyms*

Грамматическая синонимия – явление, широко исследуемое в лингвистике. А.М. Пешковским грамматические синонимы определяются как «... значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по грамматическому смыслу» [1, с. 153], а также выделяются морфологический и синтаксический уровни грамматической синонимии. Данное разграничение прочно закрепляется в лингвистике и становится предметом многих исследований. В Большом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой *грамматическая синонимия* определяется как «смысловая эквивалентность функционально тождественных грамматических форм... и синтаксические преобразования предложения, имеющие общие значения»

[20, с. 446].

Синтаксическая синонимия как языковое явление представляет обширную область для разноплановых лингвистических исследований в течение многих десятилетий и по сей день на материале различных языков: русского [7; 8; 9; 5; 10; 11], английского [2; 12; 13] и др.

Наряду с явлением «*синонимия*» в лингвистике также существуют «*вариативность*» и «*параллелизм*». Ввиду своей кажущейся схожести данные термины могут вызывать определенные трудности в вопросе их описания. **Цель** статьи состоит в разграничении указанных понятий. В соответствии с поставленной целью были сформулированы **задачи**:

1. Провести теоретический обзор основных точек зрения на вопрос о разграничении понятий «*синонимия*», «*вариативность*», «*параллелизм*».

2. Привести примеры, иллюстрирующие явления «*синонимия*» и «*параллелизм*» в рамках языковой вариативности.

3. Более подробно рассмотреть проявления синтаксической синонимии на примерах грамматических времен *Future Simple*, *Present Continuous* и оборота *To be going to*.

В работе были задействованы следующие **методы** исследования: *сравнительно-сопоставительный* и *описательный* методы использовались для анализа теоретической базы работы, *метод сплошной выборки* применялся для поиска значимых примеров анализируемых грамматических конструкций.

Теоретической базой исследования послужили различные работы исследователей в области синонимии [1; 2; 3; 4; 7; 9], **практическим материалом** (источниками) стали пособия по теоретической и практической грамматике в области английского языка [14; 15; 16; 17; 18].

Синонимия – сложное, многоаспектное явление в языке, изучаемое в рамках теории языковой вариативности. *Языковая вариативность* в целом может рассматриваться как разновидность лингвистической компетенции, заключающаяся в способности и умении заменять одни языковые элементы другими в зависимости от намерений, предпочтений отправителя, а также информации и контекстных условий.

В широком смысле *вариативность* обозначает всякую изменчивость, модификацию, охватывающую изменения разноуровневых единиц языка (фонетических, грамматических, лексических и т.п.). Именно такое варьирование делает речь живой и многогранной, а языковая вариативность или вариантность является показателем богатства и глубины языка. Как отмечено Т.С. Сорокиной,

«...каждому развитому литературному языку свойственна вариативность форм, которая проявляется на всех уровнях языковой иерархии» [2, с. 27].

Вопрос о разграничении *вариативности* и *синонимии* является довольно спорным в теоретической грамматике. *Вариативность* – более широкое понятие, в то время как *синонимия* – явление более конкретное. Вариативность может быть названа основой «многозначности и синонимических отношений» [21, с. 50], а синонимия, в свою очередь, является одним из проявлений вариативности. Если вариативность или вариантность представляет собой «разнообразие, разнотипность речи, определяемые различными условиями ее употребления, а также различиями в социальной и территориальной принадлежности говорящих лиц» [19, с. 71], то синонимия заключается в возможности выбора в условиях разнообразия вариантов наиболее подходящего и уместного в рамках определенного стиля речи и конкретного контекста.

Вариативность – это характерная особенность любого естественного языка, динамично развивающегося и проходящего многочисленные стадии своего формирования. Вариативность может проявляться на всех языковых уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом. «Она существует как явление фонетическое в виде различных произносительно-артикуляционных вариантов слов и просодических вариантов высказываний; она существует на лексическом уровне в виде полисемии, омонимии и синонимии в силу свойства ассиметричного дуализма языкового знака; она существует и на уровне грамматики, проявляясь в том, что одна и та же грамматическая форма может быть использована для выражения различного содержания, и в том, что одно и то же содержание может быть выражено различными грамматическими формами» [3, с. 168].

При этом, как в области фонетики, лексики, так и грамматики, вариативность создает широкий диапазон вариантов (от самых уместных и подходящих до совсем неприемлемых). Как было точно отмечено А.А. Худяковым, язык одновременно представляет собой как жесткую, так и нежесткую систему. «Его жесткий характер связан с наличием правил, обязательных к исполнению всеми членами языкового сообщества; его нежесткость проявляется в богатстве вариантов форм выражения, а кроме того, в наличии достаточно обширной переходной зоны от зоны канонически правильных построений к зоне категорически неприемлемых форм. По всей видимости, именно переходная область и является источником грамматических и иных инноваций, укореняющихся в языке» [3, с. 171].

В отличие от *вариативности синонимия* представляет собой не весь широкий

диапазон вариантов, а лишь некоторые варианты, объединенные не только смысловым сходством, но и допустимые конкретным контекстом.

В отношении качественной характеристики языка логично допустить, что синонимия является показателем богатства и высокого уровня развития языка, а вариативность представляет собой избыточность и может быть расценена скорее как отрицательная языковая составляющая, проявляющаяся в «отклонении от некоторой нормы» [20, с. 80]. Так как «синонимия» и «вариативность» не являются тождественными понятиями, то и изучение указанных явлений требует различных подходов.

Поскольку изучение *синонимии* предполагает синхронность, синонимичными друг другу являются элементы языка, одновременно существующие на данном этапе развития. *Вариативность*, в свою очередь, допускает диахронию, так как вариантами могут быть элементы, характерные для разных периодов времени, само изменение и развитие языка создает варианты, которые могут со временем уходить из употребления. *Синонимия* является одним из проявлений *вариативности*, но варианты не всегда представляют собой синонимы.

В лингвистической литературе синонимы часто рассматриваются как параллели. В частности, синтаксическими синонимами иногда называются все грамматические конструкции, близкие по содержанию. Такой подход можно наблюдать в работах Т.И. Ковтуновой, В.П. Сухотина, М.Ф. Палевской и других исследователей. Так, Гвоздев А.Н. под синтаксическими синонимами понимает «параллельные обороты речи, которые различаются тонкими оттенками в значениях и поэтому во многих случаях могут заменять один другой» [4, с. 175]. Согласно альтернативной точке зрения, «грамматические синонимы представляют собой один из видов параллельных конструкций, позволяющих многообразными формами выразить исходное содержание» [5, с. 39].

На наш взгляд, термины «параллели» и «синонимы» не являются тождественными. Понятие «параллель» более широкое, чем «синонимия». *Синонимия* является своего рода разновидностью параллелизма. В то же время не все грамматические параллели могут быть признаны грамматическими синонимами. Возможность выбора того или иного грамматического (синтаксического) синонима в каждом конкретном случае определяется как контекстом, так и грамматической корректностью. Если синтаксический параллелизм может выражаться в предложениях, построенных аналогично (количество и порядок слов и др.), то *синтаксическая синонимия* представляет собой возможность выбора в ряду

грамматических конструкций, равнозначных по смыслу (полностью или в какой-то степени), но отличающихся по строению. При классификации грамматических синонимов важно учитывать как морфологический, так и синтаксический аспекты. Рассмотрим примеры.

Синтаксический параллелизм

“If he goes and throws himself, he surely wins / If she goes and throws herself, he sure loses” [18].

В указанном примере равнозначные по структуре предложения, отличающиеся семантически из-за определенных лексем.

“The moon and its perfect symmetry/the moon and its imperfect deformity” [18].

В данном примере также наблюдаются предложения, имеющие одинаковую синтаксическую структуру при семантических различиях.

Синтаксическая синонимия

Глубина и богатство английского языка позволяет выделять явления *грамматической (синтаксической) синонимии* в различных областях: синонимия временных грамматических форм глагола, синонимия форм наклонений, синонимия залога глагола, синонимия модальных глаголов, синонимия грамматических конструкций с неличными формами глагола и др.

Синтаксическая синонимия в области грамматического выражения будущего времени в английском языке на примере грамматических времен *Future Simple*, *Present Continuous* и оборота *To be going to* подробно рассмотрена в предыдущей статье [6, с. 53–56]. В рамках данной работы кратко приведем примеры для иллюстрации проявления грамматической синонимии без подробного теоретического изложения во избежание повтора. Рассмотрим примеры:

Future Simple

“What will you do next year?” (Что вы будете делать в следующем году?) [Перевод здесь и далее – О.А. Гнатюк, 17, р.193].

В данном предложении содержится вопрос о действии в будущем без какой-либо конкретизации.

To be going to + Infinitive

“What are you going to do next year?” (Что вы собираетесь делать в следующем году?) [там же].

В указанном примере показано намерение совершить действие.

Present Continuous

“What are you doing next year?” (Что вы будете делать (собираетесь делать) в

следующем году?) [там же].

В данном вопросе подразумевается, что действие не только запланировано, но также к нему уже проведена определенная подготовка [6, с. 56].

Можно предположить, что главным критерием в выборе грамматического синонима между вариантами *Future Simple* и *To be going to + Infinitive* является степень спонтанности или запланированности. Соответственно, крайне некорректно использовать грамматическое время *Future Simple* для выражения действий запланированных, и для которых проведена подготовка. Например:

“*What are you doing this evening?*” / что ты делаешь (собираешься делать) сегодня вечером? [16, р. 38].

“*Alex is getting married next month*” / Алекс женится в следующем месяце [там же].

В указанных примерах использование грамматического времени *Future Simple* не очень уместно, т.к. речь идет о событиях не спонтанных, а запланированных.

В тоже время отметим, что, когда речь идет об официальном стиле, корректным считается выбор именно в пользу грамматического времени *Future Simple* даже при семантическом значении подготовки. Например:

“*The meeting will begin at 9.00 a.m. Refreshments will be available from 8.30 onwards* / Собрание начнется в 9 утра. Прохладительные напитки будут предложены с 8.30” [15, р. 18].

Следует отметить, что именно при выборе варианта в рамках синонимичной пары *To be going to + Infinitive / Present Continuous* зачастую возникают определенные сложности ввиду общей схожести значений, выражающейся в *запланированности* события. С целью более четкого прояснения семантических различий данных грамматических конструкций необходимо учитывать факт наличия / отсутствия *подготовки* к действию. Например:

“*We’re seeing a musical at the theatre next week (We’ve got the tickets)*” / В следующем месяце мы собираемся посмотреть мюзикл в театре (у нас есть билеты [14, р.124].

“*We’re going to see a musical at the theatre sometime next week (It may or may not be arranged yet; the emphasis is on our intention)*” / В следующем месяце мы собираемся посмотреть мюзикл в театре (возможно, проведена подготовка или не проведена, но делается акцент на самом намерении) [там же].

В то же время важно отметить, что семантический оттенок *подготовки* к событию неуместен и невозможен в случаях, когда речь идет о событиях, которые

неподвластны человеческому контролю. В таких случаях следует использовать оборот *To be going to*. Например:

"It's going to snow / It will snow tomorrow" / Завтра пойдет (будет) снег [14, p. 125].

Для выражения события в данном примере употребление грамматического времени *Present Continuous* не корректно.

Исходя из указанных примеров, можно заключить, что синтаксические синонимы в целом совпадают в семантическом плане, но имеют отличия в оттенках значений.

В результате проведенной работы сделаны определенные **выводы**.

«Синонимия», «вариативность», «параллелизм» – языковые явления смежные, но не идентичные. Синонимия в целом может рассматриваться как одна из форм проявления языковой вариативности. Синонимия и параллелизм в синтаксическом плане разные явления. Синтаксические синонимы – это грамматические конструкции, равнозначные и взаимозаменяемые при определенных обстоятельствах, но отличающиеся семантическими оттенками.

Данная тема ввиду своей сложности и перспективности безусловно предполагает дальнейшее изучение.

Список литературы

1. Пешковский А.М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. М.: Государственная академия художественных наук, 1927. 68с.
2. Сорокина Т.С. Функционально-когнитивные основания теории грамматической синонимии в английском языке: Дисс. док. филол. наук. М.: 1981. 186с.
3. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. 256с.
4. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1952. 336 с.
5. Кабанова С.А. Грамматическая синонимия в сфере атрибутивных конструкций // Филология и культура. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2019. № 3(57). С. 38-46. DOI 10.26907/2074-0239-2019-57-3-38-46.
6. Гнатюк О. А. К вопросу о синонимии форм будущего времени в английском языке / Высшая школа: научные исследования. Материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 21 декабря 2023 г.). Том 2. М.: Издательство Инфинити, 2023. С. 53-56.
7. Ковтунова И.И. О синтаксической синонимии // Вопросы культуры речи. Вып. 1. М., 1955. С. 116-142.
8. Сухотин В.П. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. Глагольные словосочетания. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1960. 160 с.
9. Палевская М.Ф. Синонимы в русском языке. М.: Просвещение, 1964. 128 с.

10. Чаплыгина Т.Е. К вопросу изучения синтаксической синонимии в иностранной аудитории // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: Сборник научных трудов Международного научного симпозиума, Ярославль, 17–19 мая 2019 года / Научный редактор В.Н. Степанов. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2019. С. 700-708.
11. Подкорытова А.В., Яковлева Е.А. Конверсия как способ реализации синтаксической синонимии на разных этапах изучения русского языка как иностранного // Молодежный вестник ИрГТУ. 2022. Т. 12, № 4. С. 836-839.
12. Поддубская О.Н., Ларина С.Г., Сахарова А.В. Синонимия и антонимия на синтаксическом уровне (на материале художественных текстов на английском языке) // Казанская наука. 2020. № 3. С. 87-89.
13. Ремизова В.Ф. Синтаксическая синонимия в письменной и устной формах делового стиля английского языка // Балтийский гуманитарный журнал. Тольятти: ООО «Ландрейл», 2020. Т. 9. № 4(33). С. 313-316. DOI 10.26140/bgз3-2020-0904-0080.

Список источников

14. Foley M., Hall D. My Grammar Lab. Advanced C1/C2. Edinburgh Gate, Harlow: Pearson Educational Limited, 2012. 412 p.
15. Hewings M. Advanced Grammar in Use. Second ed.. Cambridge University Press, 2012. 294 p.
16. Murphy R. English Grammar in Use. Forth ed.. Cambridge University Press, 2012. 380 p.
17. Swan M. Practical English Usage. Oxford University Press, 2014. 653 p.
18. Parallelism examples characteristics and uses. Englopedia. Режим доступа: <https://englopedia.com/parallelism> (дата обращения 10.03.2024)
19. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. 608с.
20. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685с.
21. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 562, [1] с.

УДК 81'373.47

Жангуразова Л.К. Категория эмотивности в тексте как лингвистический феномен

Жангуразова Лилия Казбековна

студентка магистратуры, Пятигорский государственный университет
РФ, г. Пятигорск
zhangurazova.lili@yandex.ru

The category of emotivity in the text as a linguistic phenomenon

Zhangurazova Liliya Kazbekovna

master's student, Pyatigorsk State University, Russia, Pyatigorsk

Аннотация. Статья посвящена категории эмотивности текстов в современной лингвистике. Рассматривается эволюция интереса к эмоциональному аспекту языка, начиная с психологии эмоций до формирования лингвистической парадигмы изучения эмоций. Дается сравнение смежных понятий: эмотивности, оценочности, экспрессивности и образности. В статье рассматриваются особенности проявления эмоционального отношения на разных уровнях языка и речи. Анализируется влияние базовых эмоций на различные языки и возможности сопоставительного изучения представления эмоций.

Ключевые слова: эмотивность, эмоции, эмотивная семантика, оценочность, эмосема, коннотация, эмоциональная лексика.

Abstract. The article is devoted to the category of emotivity of texts in modern linguistics. The evolution of interest in the emotional aspect of language is considered, starting from the psychology of emotions to the formation of a linguistic paradigm for the study of emotions. A comparison of related concepts is given: emotiveness, evaluativeness, expressiveness and imagery. The article examines the peculiarities of the manifestation of emotional attitude at different levels of language and speech. The influence of basic emotions on various languages and the possibilities of comparative study of the representation of emotions are analyzed.

Keywords: emotivity, emotions, emotive semantics, evaluativeness, emotionality, connotation, emotional vocabulary.

Исследование категории эмотивности текстов является одним из актуальных направлений современной лингвистики, несмотря на то, что исследования такого рода продолжаются в науке о языке уже не один десяток лет. Сама психология эмоций считается сравнительно молодой наукой, так как примерно до 80-х годов прошлого столетия исследователи в области психологии обходили вниманием эмоциональную сторону человеческой природы. Что касается лингвистики, отдельные ее течения начала прошлого века упоминали значимость эмоционального аспекта языка, однако должного развития это направление не получало на протяжении многих десятилетий.

Интерес к репрезентации эмоций в языке возрос в последние десятилетия.

Признание отечественными психологами С.Л. Рубинштейном, Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым взаимосвязи между мышлением, интеллектом и эмоциями послужило основой для формирования лингвистической парадигмы изучения последних.

Швейцарский лингвист Ш. Балли отмечал, что эмоциональная составляющая присутствует как в сознании говорящего, так и в самом языке, она зависит от личности, произносящей фразу, и ситуации, при которой эта фраза (высказывание) произносится. По его мнению, чем больше эмоциональной нагрузки несет в себе знак, тем меньше он становится лингвистичным [1].

Весьма существенный вклад в развитие отечественной лингвистики эмоций внес В.И. Шаховский. Он отмечает, что эмоции напрямую связаны с когнитивными процессами человека и являются частью структуры его сознания. Выражаемые языковыми средствами эмоции зависят от знаний, возраста и культуры человека [2]. Ученый утверждает, что ни одну из многочисленных теорий эмоций нельзя считать универсальной, так как значительную роль здесь играют отличающиеся терминологические системы языков, на которых они были разработаны, а также особенности научных традиций стран. Важно также отметить, что базовые эмоции, присущие всем этнокультурам, могут существенно отличаться формами вербальной репрезентации, что послужило основой для сопоставительного изучения представления одних и тех же эмоций в разных языках.

Эмоции являются частью интеллекта человека, они сопровождают когнитивные процессы, а в отдельных случаях проявления эмоций сами выступают базисом для определенных когнитивных процессов. Эмоции организуют когнитивные компоненты в эмоционально-когнитивную структуру, что ведет к развитию разума [2]. Информация, обладающая эмоциональной окраской, запоминается лучше и быстрее информации, которая не пробуждает никаких эмоций в реципиенте.

Лингвистика эмоций берет начало с исследования эмотивных составляющих единиц языка, начавшегося с изучения эмотивной семантики слова – тех семантических компонентов, коррелирующих напрямую с человеческими эмоциями, которые представлены в семантической структуре слова эксплицитно. Вся же система лексических эмотивных средств широка и очень многообразна; она тесно связана с понятием коннотации, которое представляет собой все дополнительные к значению оценки, в том числе и эмоциональные. Как подчеркивает В.И. Шаховский, любое слово может обладать эмоциональной коннотацией. По этой причине лингвистические единицы, используемые в лингвистике эмоций, определяются как

коннотативно-эмотивные [2].

Эмоции находят отражение не только в лексике, но также в грамматике и фонетике языка. Под фонетикой эмоций понимается эмоционально-маркированная интонация, которая зачастую обладает самостоятельным культурным содержанием и транслирует определенные коммуникативные смыслы. Грамматика эмоций включает в себя эмоциональную морфологию и эмоциональный синтаксис [3].

Отечественные лингвисты связывают эмотивность с оценочностью, считая, что эмоциональное отношение может быть выражено и посредством прямой номинации, и при помощи таких средств, как междометия, инвективная лексика, описание голоса, движений, взгляда и т.д. [2]. Таким образом, различные способы выражения эмоционального состояния зависят от условий общения и намерений говорящего. Оценочность также представляет особый интерес в лингвистике, так как посредством оценочности прямо или косвенно репрезентируются чувства и ценности говорящего. Кроме того, выражение оценочности может быть связано со статусом или авторитетом говорящего; она используется для построения взаимопонимания между говорящим и реципиентом. Основой оценки является интерпретативная деятельность сознания, при которой происходит сравнение свойств объекта с имеющимися ценностями и нормами [4].

Несмотря на то, что в современной лингвистике эмотивность и оценочность рассматриваются как взаимосвязанные категории, они имеют разное толкование. Е.М. Вольф определяет оценку как разновидность модальности, которая дополняет описательное содержание высказывания и не соответствует логико-семантическому и синтаксическому построению высказывания [5]. Оценочность представляет собой положительную или отрицательную характеристику события или предмета, которая связана «с признанием или непризнанием его ценности для соответствия или несоответствия потребностям, интересам и вкусам индивида» [6, с. 15]. Оценочность можно также определить и как фиксацию говорящим факта отличия определенной характеристики предмета высказывания от установленного лично и конвенционально стандарта [7]. Отход от стандарта может служить базисом для возникновения той или иной эмоции.

Эмотивность также следует отличать от экспрессивности. Проявление экспрессивности встречается на всех уровнях языка и речи. Она представляет собой эмоциональное отношение и социальную реакцию. Экспрессивность является средством субъективного выражения отношения говорящего к адресату речи и имеет непосредственную связь с актом коммуникации. В отличие от категории эмотивности,

где наличие адресата необязательно, для экспрессивности присутствие адресата всегда является необходимым условием. По мнению Ю.М. Осипова, эмотивность и экспрессивность являются взаимодополняющими понятиями, поскольку первое представляет собой компонент значения слова, а второе – то, что возникает вследствие выбора того или иного слова при генерации высказывания [8]. Похожего мнения придерживается и В.И. Шаховский, который считает, что экспрессивность используется для убеждения адресанта в чем-либо, а эмотивность является проявлением эмоциональной оценки [2].

В качестве примера экспрессивности рассмотрим отрывок из романа Джорджа Оруэлла «1984»: «Ah, well – what I mean to say, shows the right spirit, doesn't it? Mischievous little beggars they are, both of them, but talk about keenness! ... D'you know what that little girl of mine did last Saturday, when her troop was on a hike out Berkhamsted way? She got two other girls to go with her, slipped off from the hike, and spent the whole afternoon following a strange man. They kept on his tail for two hours, right through the woods, and then, when they got into Amersham, handed him over to the patrols. <...> Pretty smart for a nipper of seven, eh?» [26]. В данном случае экспрессивность выражается на синтаксическом уровне при помощи риторических вопросов и восклицаний. Коллега главного героя Уинстона Парсонс выражает таким образом гордость за своих детей. Кроме того, в его словах прослеживается одобрение, почитание существующего порядка и неприязнь ко всему, что по тем или иным причинам не укладывается в этот порядок, что репрезентируется посредством оценочно маркированной лексики (*mischievous, beggars, strange, pretty smart, nipper*).

Смежным по отношению к эмотивности является также понятие образности. Отношения между эмотивностью и образностью носят двухсторонний характер. Метафорическая образность может быть эмоционально-обусловленной, а может и не обладать эмоциональной составляющей. Она будет рассматриваться в качестве эмоционально-обусловленной в том случае, если эмотивность уже содержится в семантике образных единиц, либо если реципиент сам заметит эмоциональный компонент при расшифровке образных единиц [см., в частности: 20]. Таким образом, можно констатировать, что образность усиливает эмотивность.

Примером эмоционально-обусловленной метафорической образности может являться следующее: «Was it possible that they could swallow that, after only twenty-four hours? Yes, they swallowed it. Parsons swallowed it easily, with the stupidity of an animal. The eyeless creature at the other table swallowed it fanatically, passionately, with a furious desire to track down, denounce, and vaporize anyone who should suggest that last week the

ration had been thirty grammes» [26]. В данном случае главный герой сравнивает своих коллег с животными, критикуя их за отказ от ясного мышления и слепое следование всему, что им говорят: подобное сравнение очевидно усиливает отрицательные эмоции, которые такого рода люди вызывают у главного героя.

Долгое время эмоциональный компонент считался в тексте факультативным для понимания семантики слова, но В.И. Шаховский отмечает, что эмоции образуют когнитивную и мотивационную основы языка [2]. Подчеркивается неразрывная связь между успешной коммуникацией и использованием эмоций, в связи с чем человек говорящий (*Homo loquens*) приравнивается к человеку воспринимающему (*Homo sentiens*). Как подчеркивает В.И. Шаховский, в любой речевой интерпретации первоначально заложена скрытая или явная эмоциональная окраска, основанная на эмоции интереса. По этой причине у человека возникает определенный эмоциональный отклик на события окружающей действительности, что влечет за собой порождение эмотивных знаков для вербализации появляющихся в дискурсе понятий. Исследователь отмечает, что, несмотря на то, что проблема репрезентации эмоций не рассматривается в качестве основы современной лингвистики, нельзя не учитывать, что рациональная передача и обработка информации сопровождаются определенными эмоциональными переживаниями. В связи с этим, современная лингвистика исследует проблемы эмоциональной концептосферы, эмоционального поведения, эмотивной лакунарности и т.д. [2].

По мнению В.И. Шаховского, эмотивность представляет собой семантический компонент слова, в котором находят отражение эмотивные семы. Эмотивная сема может быть как главной категориально-лексической, так и зависимой, т.е. дифференциальной. Эмосема определяется как «специфический вид сем, соотносимых с эмоциями говорящего и представленных в семантике слова как совокупность семантического признака “эмоция” и семных конкретизаторов “любовь”, “презрение”, “унижение” и др., список которых открыт и которые варьируют упомянутый семантический признак (спецификатор) в разных словах по-разному» [9]. Рассмотрим данное понятие на примере эмоции ненависти, на основе которой происходят наиболее важные события анализируемого нами романа «1984». Эмосема *hate* состоит из самого наименования эмоции, т.е. ненависти, и семантического признака – сильного негативного чувства, отражающего враждебность и агрессивность по отношению к кому-либо. В романе сама правящая партия активно использует слово ненависть в названии своих мероприятий (*two minutes hate, Hate week*), подчеркивая, что данная эмоция должна быть направлена в

правильное русло, то есть на врагов государства.

В.И. Шаховский выделяет три типа эмотивности слова: эмотивность как одна из реализаций семантики слова, контекстуальная эмотивность и собственно эмотивность. Кроме того, выделяются три уровня ее репрезентации: эмотивное значение, коннотация и уровень эмотивного потенциала.

Необходимым для корректного понимания рассматриваемой нами категории является и разграничение понятий «эмоциональность» и «эмотивность». Несмотря на то, что эмоциональность долгое время использовалась для описания языковых феноменов, существует понимание ее как свойства субъекта и как свойства языкового знака [9]. По этой причине для обозначения языковых проявлений эмоциональности был введен термин «эмотивность». Эмоциональность представляет собой индивидуально-устойчивые глубинные характеристики субъекта, которые определяют содержание и динамику его чувств и эмоций [9], которые выступают как проявления эмоциональности. Одни и те же эмоции, выражаемые разными людьми, не могут быть идентичны, так как при их вербализации используется различный выбор слов. Эмотивность рассматривается как свойство языковых средств, используемых для репрезентации эмоционального состояния в речевом акте, которое способно оказывать эмоциональное воздействие на коммуниканта.

Эмоции представляют собой своеобразную форму восприятия и оценки человеком действительности. Они проявляются в языке и культуре. Эмоции проникают во все аспекты человеческой жизни. При выражении эмоций люди не осознают, при помощи каких языковых средств они это делают; соответственно, существует априорное знание, позволяющее носителям языка репрезентировать свои внутренние и внешние переживания.

Важным аспектом является также гендерный характер эмоций. Гендерные механизмы, с одной стороны, поддерживают отношения между гендерно маркированными субъектами, а с другой ограничивают их в индивидуальных действиях [21]. Так, мужчины и женщины описываются с точки зрения определенных стилей общения. Эмоции рассматриваются как непреднамеренные и неконтролируемые, что делает людей уязвимыми. Несмотря на то, что испытывать эмоции естественно, никто не хочет терять контроль над ними, и, согласно стереотипам, мужчины в большей степени не хотят оказаться в такой ситуации. Мужчинам свойственно быть более сдержанными, и это проявляется в коммуникации. По мнению В. Зайдлера, мужчины не учатся делиться своими чувствами и эмоциями с людьми и остаются сдержанными даже с теми, кто им

наиболее близок [22]. Однако, невозможно утверждать, что мужчины не испытывают или не выражают эмоций. Для выражения эмоций необязательно их называть, поскольку вербализация эмоций может происходить на разных уровнях языка и речи.

В создании модели неэмоционального мужчины первостепенное значение придается как мужественности, так и женственности. Иными словами, модель такого рода отражает не только подавление эмоций мужчинами, но также и эмоциональность женщины [23]. Помимо этого, согласно Фишеру и Яншу, в языковом выражении эмоций мужчинами и женщинами можно проследить заметное сходство, что связывается с культурной моделью личности [24]. Женщинам свойственно рассказывать о своих переживаниях и чувствах в повседневной коммуникации чаще, чем мужчинам. Восприятие эмоций и их языковое выражение неразрывно связаны. Женская эмоциональная лексика более разнообразна, чем мужская, т.к. женщины склонны использовать ряд синонимов при описании эмоций, таким образом усиливая их, репрезентируя более рельефно. Кроме того, в речи женщин отмечается большее разнообразие лексем-интенсификаторов [10].

Е.В. Сажина и Д.С. Семак отмечают, что эмоции являются выражением чувственной реакции личности на раздражитель, которая проявляется невербально, инструментом общения при этом становится тело человека [11]. При вербальной коммуникации главным средством проявления эмоций являются слова, поэтому эмотивность определяется как «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики» [12].

Несмотря на то, что интерес исследователей к лингвистике эмоций увеличился, не существует единой трактовки понятия эмотивности. С.В. Ионова и Л.Г. Бабенко рассматривают категорию эмотивности в широком смысле, в качестве исследующей все способы репрезентации эмоций [10;13]. Е.В. Сажина и Д.С. Семак также придерживаются такой трактовки, определяя эмотивность как «совокупность любых языковых средств отображения эмоций и эмоциональных характеристик языковой личности, которая позволяет осуществлять эмоциональную коммуникацию» [11]. В.И. Шаховский, Е.М. Вольф, Н.А. Лукьянова изучают данный феномен в узкой трактовке, включая в эмотивную лексику только такие языковые единицы, которые называют конкретную эмоцию, переживаемую или испытываемую человеком.

Эмотивное значение носит социальный характер и соотносится с соответствующими эмоциями любого носителя конкретного языка. Для представителей одной языковой общности характерно выражать одинаковые эмоции в стандартных ситуациях. То есть, несмотря на то, что каждый человек выбирает свой

вариант выражения эмоции, он редко выходит за рамки социального опыта [2].

В эмотивном значении слова могут быть заключены различные чувства и эмоции. Существует несколько подходов к определению связи между чувствами и эмоциями. Некоторые исследователи отождествляют данные понятия, определяя их как «переживание человеком своего отношения к самому себе и к другим» [14, с. 295]. Другие рассматривают их в соотношении общего и частного, поясняя, что чувства выражаются через эмоции. Еще одно мнение выражается в разграничении этих понятий, то есть чувства отражают более стабильное состояние или отношение человека к явлениям действительности, а эмоции выражают прямое переживание определенного чувства. Для эмоций же характерно более краткосрочное проявление. В частности, А. Вежбицкая подчеркивает, что концепт «эмоция» сочетает в себе такие три компонента, как мысли, чувства и телесные проявления, и он непосредственно связан с культурой [25]. Ею была проведена классификация названий эмоций, которая позволила выделить следующие подгруппы:

- 1) эмоции, ассоциируемые с хорошими вещами;
- 2) эмоции, ассоциируемые с плохими вещами;
- 3) эмоции, ассоциируемые с самооценкой;
- 4) эмоции, ассоциируемые с негативной реакцией, направленной на людей, совершивших плохие поступки;
- 5) эмоции, ассоциируемые с отношением к другим людям.

Данное описание эмоций определяет порядок репрезентации чувств и мыслей. В тексте такая репрезентация эмоций проявляется посредством языковых и стилистических речевых средств.

Средства выражения эмоций в языке включают грамматические и лексические. Грамматический способ вербализации эмоций подразделяется на морфологический и синтаксический. На морфологическом уровне используются эмотивные глаголы, выражающие эмоции субъекта по отношению к объекту, эмотивные существительные, эмотивные прилагательные, эмотивные наречия. Кроме того, морфологический способ репрезентации эмоций включает в себя слова, созданные посредством аффиксации и выражающие различные эмоциональные оценки за счет семантики словообразовательных формантов.

Синтаксический способ имеет отношение к эмоционально-логическому расположению слов в предложении. Данный способ может быть репрезентирован при помощи риторических вопросов, риторических восклицаний, синтаксических повторов и т.д.

Лексические средства выражения эмоций в целом делятся на следующие три группы:

- 1) слова, выражающие положительное или отрицательное отношение к объекту;
- 2) слова, содержащие в своей семантике оценку признаков, характеризующих объект;
- 3) слова, получающие эмоциональную окраску при употреблении их в переносном смысле [25].

Говоря о языковых средствах репрезентации эмоций, отметим, что эмотивность может быть как присущей семантическому значению слова, так и носить случайный характер. Помимо этого, слова, заключающие в себе эмотивную коннотацию, и слова, называющие эмоции, отличаются, так как последние не объясняют эмоциональное состояние человека и его отношение к участнику речевого акта.

В.И. Шаховский предлагает делить эмотивную лексику на три группы:

- 1) лексика, выражающая эмоциональное отношение;
- 2) лексика, выражающая эмоциональное состояние;
- 3) лексика, выражающая эмоциональную характеристику.

Л.М. Васильев также выделяет три группы эмотивной лексики, две из которых совпадают с группами В.И. Шаховского [15]. Однако лексика, выражающая эмоциональную характеристику, заменяется здесь на лексику, выражающую эмоциональное воздействие.

Слова, обладающие одинаковым логико-предметным значением, могут отличаться по наличию в них эмотивного компонента. То есть, имея похожее денотативное содержание, они отличаются по коннотациям и ситуациям употребления. Эмотивное значение обладает способностью развиваться отдельно в семантике слова. Человеку свойственно распознавать эмоциональный смысл слова до осознания его логико-предметного значения [2].

Некоторые лингвисты включают в эмоциональную лексику слова, обладающие эмоциональной окрашенностью, междометия, бранные слова, а также слова, называющие чувства и переживания человека.

Например, посредством употребления в своей речи ненормативной лексики один из пролов, низшего слоя населения в «1984», пытается доказать свою точку зрения относительно выигрыша в лотерее: «He was a few paces away from them when suddenly the group broke up and two of the men were in violent altercation. For a moment they seemed almost on the point of blows. 'Can't you bleeding well listen to what I say? I tell

you no number ending in seven ain't won for over fourteen months!"» [26]. Такой выбор лексики в данном случае отражает степень важности этого мероприятия в жизни простых людей, находящихся на грани выживания.

Эмоциональная лексика и лексика эмоций разграничиваются. Отличие лексики эмоций от эмоциональной лексики заключается в том, что она включает в себя слова, предметно-логическое значение которых составляют понятия об эмоциях. Лексика эмоций выполняет номинативную функцию в языке, в то время как эмоциональная лексика соотносится с прагматической и экспрессивной функциями. Некоторые лингвисты объединяют данные группы в эмотивную лексику, которая обозначает эмоциональные переживания и их проявления [2]. В современной лингвистике эмотивная лексика рассматривается в широком понимании в качестве совокупности лексических средств, благодаря которым выражаются эмоции. Соответственно, к ней относятся языковые единицы разного уровня, близкие по семантике.

Таким образом, категория эмотивности является совокупностью языковых и речевых средств репрезентации эмоций, позволяющей осуществлять успешную эмоциональную коммуникацию. Существует несколько смежных по отношению к эмотивности понятий: оценочность, экспрессивность и образность. Вербализация эмоционального отношения может проявляться на разных уровнях языка и речи. Особенностью языкового выражения эмоций является влияние на него гендера, т.е. существуют различия между проявлениями эмоций мужчинами и женщинами. Кроме того, эмотивное значение культурно обусловлено. Эмотивность представляет особый интерес в современной лингвистике и требует дальнейшего развития.

Список литературы

1. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли // М., 1961; 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». – 2009.
2. Шаховский, В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В.И. Шаховский // Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». – 2010. – 128 с.
3. Филимонова, О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учебное пособие / О.Е. Филимонова // СПб.: ООО «Книжный Дом». – 2007. – 448 с.
4. Солодилова, И.А. Оценочность и эмотивность в семантике слова / И.А. Солодилова, И.В. Шепеля // Вестник ОГУ. – 2015. – №11 (186). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnost-i-emotivnost-v-semantike-slova> (дата обращения: 13.02.2024).
5. Владимирова, А.В. Эмотивность как самостоятельная лингвистическая категория / А.В. Владимирова // NovaInfo: Филологические науки. – 2019. № 96. – С. 156–159.
6. Сергеева, Л.А. Категория оценки и способы ее выражения в современном русском языке / Л.А. Сергеева // Исследования по семантике. - Уфа: Изд-во Башкирского ун-та. – 1991. – 15-23 с.

7. Передистая, И.Г. Коннотативно маркированная лексика в фильмах Дж. Пила «Get Out» и «Us»: функциональная и структурная характеристика / И.Г. Передистая, О.А. Алимуратов, М.А. Горбунова // Политическая лингвистика. – 2023. – № 4 (100). – С. 151-163. EDN PGBHME
8. Осипов, Ю.М. К вопросу об уточнении понятия эмоциональность как лингвистического термина / Ю.М. Осипов // Учен. Зап. МГПИ им. В.И. Ленина. – 1970. - №422ю. – С. 119-137.
9. Герасименко, И.Е. Эмотивность как лингвистическая категория / И.Е. Герасименко // Молодой ученый. – 2016. № 13.2. – С. 23–25.
10. Бабенко, Л.Г. Русская эмотивная лексика как функциональная система: автореф. дисс. д-ра филол. наук. Свердловск. – 1990.
11. Сажина, Е.В. «Эмоциональность» и «эмотивность» в лингвистике: к разграничению понятий / Е.В. Сажина, Д.С. Семак // Эпоха науки. – 2019. – № 20. – С. 571–574.
12. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский // Москва: Гнозис. – 2008. – 416 с.
13. Ионова, С.В. Лингвистика эмоций - наука будущего / С.В. Ионова // Известия ВГПУ. – 2019. № 1. – С. 124–131.
14. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин // 2-е изд. – СПб.: Питер, 2013. – 783 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»). – 782 с.
15. Васильев, Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли, речи / Л.М. Васильев // Очерки по семантике русского глагола. - Уфа, 1981. – 184 с.
16. Климченко, С.Г. Экспрессивность и эмотивность в структуре коннотативного значения языковой единицы / С.Г. Климченко // Преподавание иностранных языков в поликультурном мире: традиции, инновации, перспективы. – 2023. – С. 161-165.
17. Коростова, С.В. Эмотивность как категория художественного текста / С.В. Коростова // Филологos. – 2012. – № 14(3). – С. 28–35.
18. Нашхоева, М.Р. Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста / М.Р. Нашхоева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 95–98.
19. Петрова, Е.А. Понятие эмотивности в современной лингвистике / Е.А. Петрова // Перевод и межкультурная коммуникация: теория и практика. – 2020. – № 7. – С. 69–74.
20. Steen, G.J. The Paradox of Metaphor: Why We Need a Three-Dimensional Model of Metaphor / G.J. Steen // Metaphor and Symbol. – Amsterdam: University of Amsterdam. – 2008. –P. 213-241
21. Galasinski, D. Men and the Language of Emotions / D. Galasinski // London: Palgrave Macmillan. – 2008. – 172 p.
22. Seidler, V.J. Unreasonable Men / V.J. Seidler // London: Routledge. – 1994.
23. Lutz, C.A. Unnatural emotions / C.A. Lutz // Chicago: The University of Chicago Press. –1988.
24. Fischer, A.H. Reconciling Emotions with Western Personhood / A.H. Fischer, J. Jansz. –1995.
25. Wierzbicka, A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals / A. Wierzbicka // – Cambridge University Press. – 1999. – 361 p.

Список источников

26. Orwell, G. 1984 / G. Orwell. – 1949. [Электронный ресурс] URL: https://archive.org/stream/1984ByGeorgeOrwell_167/1984_djvu.txt (дата обращения: 12.02.2024).

УДК 81'373

Кваша Э.Р., Дронякина Н.В. Типология мотивированности в разных лингвистических подходах

Кваша Элина Руслановна

обучающаяся 4 курса, Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялта
kvasha.elina@mail.ru

Научный руководитель Дронякина Надежда Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялта
n-dronyakina@mail.ru

Motivation word typology in different linguistic approaches

Kvasha Elina Ruslanovna

4th year student, Humanities and Education Sciences Academy
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta

Scientific adviser Dronyakina Nadezhda Vladimirovna

Cand. Sci. (Philology), associate professor, Humanities and Education Sciences Academy
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta

Аннотация. В статье представлена краткая сводка о зарождении и становлении такого понятия как «мотивированность слова». Приведена дефиниция термина «мотивированность слова», а также выявлена её разновидность в разных лингвистических подходах. Специфика типологии мотивированности была рассмотрена в таких подходах, как ономаσιологический, структурно-семантический и когнитивный. Автор дает обобщенную характеристику и приводит соответствующие примеры для таких видов мотивированности слова как абсолютная, относительная, морфологическая, семантическая, логическая, символическая и образно-ситуативная.

Ключевые слова: мотивированность слова, типология мотивированности, ономаσιологический подход, структурно-семантический подход, когнитивный подход.

Abstract. The article provides a brief overview of the origin and development of the concept of "word motivation." The definition of the term "word motivation" is given, and its various forms in different linguistic approaches are identified. The specificity of the typology of motivation is considered in approaches such as onomasiological, structural-semantic, and cognitive. The author gives a general description and provides corresponding examples for types of word motivation such as absolute, relative, morphological, semantic, logical, symbolic, and image-situational.

Keywords: word motivation, types of word motivation, onomasiological approach, structural-semantic approach, cognitive approach.

Понятие мотивации является довольно молодым в рамках современного языкознания. Хотя интерес к вопросу связи между словом и его значением стал возникать ещё во времена античности. Первые шаги в этом направлении сделал древнегреческий философ и ученый – Платон. Он заострял внимание на изучении того, как устроено имя от введенного им понятия и идеи. Это поспособствовало возникновению такого понятия как «идея имени», которое позже стало называться «внутренней формой слова» и на данный момент является одним из ключевых понятий в теории мотивации.

Более детально вопрос мотивированности слова был затронут уже Вильгельмом Гумбольдом. Именно он сформулировал мысль о том, что слово не будет являться лексической единицей, если имеет исключительно внешнюю форму. Оно обязательно должно нести в себе определенный смысл, который был закреплён за ним в процессе наименования, то есть «слово как элемент языка мотивировано тем характерным признаком предмета, который лег в основу его наименования и был закреплён языковой практикой; таких характерных признаков может быть много» [1, с.192].

Следующим ученым, внесшим весомый вклад в становление мотивологии как полноценного раздела языкознания, был Фердинанд де Соссюр. Швейцарский лингвист выразил мысль о том, что в мире не существует языков, лексические единицы которых не были бы мотивированны, однако нельзя говорить и о том, что есть язык, где каждое слово является мотивированным. Соссюр выдвинул идею классификации языков, основанной именно на этой оппозиции двух крайних точек мотивированности: «Во всех языках имеются двоякого рода элементы – целиком произвольные и относительно мотивированные, – но в весьма разных пропорциях, и эту особенность языков можно использовать при их классификации» [2, с.128].

Сам термин «мотивированность» возник ещё до того, как мотивология стала полноценным разделом лингвистики, и использовался в рамках различных научных дисциплин: в этимологии, ономастологии, словообразовании и др. Несмотря на большое количество неоднозначных дефиниций этого термина, встречающихся в современной научной литературе, наиболее правильным и актуальным считается определение О. И. Блиновой: «Мотивированность – это структурно-семантическое свойство слова, позволяющего осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности» [3, с. 137]. Е. А. Юрина отмечает, что именно эта дефиниция термина лежит в основе концепции сопоставительной мотивологии и позволяет «определить принципы,

методы, аспекты сопоставительной мотивологии, описать новые возможности осмысления феномена явления мотивации слов» [4, с. 180].

Мотивированность слова является комплексным явлением, включающим в себя как лингвистические, так и экстралингвистические аспекты [5] Это обуславливает наличие множества типологий в современных лингвистических исследованиях. Зачастую эта типология варьируется в зависимости от аспекта и подхода к анализу данного явления. В нашей работе рассматривается три основных подхода, которые являются наиболее значимыми в контексте изучения специфики мотивированности слова: ономаσιологический, структурно-семантический и когнитивный.

Так, в ономаσιологическом подходе к анализу языковых единиц, где значение слова изучается в направлении от плана содержания к плану выражения, типы мотивированности разделяются в зависимости от способа мотивировки – языкового или неязыкового [6]. В данном случае выделяется два типа мотивированности, такие как абсолютная и относительная [7].

Абсолютная мотивированность образуется за счёт сопоставления лексической единицы с внеязыковой действительностью. Для этого типа характерен фонетический тип мотивировки. В большинстве случаев сюда относят слова звукоподражания (ономатопеи), которые своим звучанием напоминают обозначаемые ими процессы живой или неживой природы. Звукоподражание в английском языке делится на три основные категории: подражание звукам животных, природы и окружающих предметов, а также подражание звукам человека. Например, croak – карканье, ring – звон, yawn – зевота [10, 11].

Относительная мотивированность характеризуется отношением и связью между лексическими единицами. В первую очередь, к данному типу относятся производные слова, например: слово – teapot, образованное путём словосложения, указывает на связь с такими языковыми единицами как tea и coffeepot; или слово – reddish, образованное с помощью аффиксации, демонстрирует связь со словами red и greenish. Также данный тип мотивированности находит свое отражение в лексико-семантическом варианте слов, например: слово – fox, которое имеет также значение «хитрый», указывает на связь с животным – лисцей, обладающей соответствующими качествами [11].

В работах современных учёных-лингвистов в области словообразования ведущая роль принадлежит двум подходам: структурно-семантическому и семантико-когнитивному. Остановимся на типологии мотивированности в структурно-

семантическом подходе. Данный подход рассматривает соотношение структуры и семантики производного слова, критерии отношений словообразовательной производности и направление этих отношений [8].

В структурно-семантическом подходе типы мотивированности выделяются в зависимости от средства мотивировки, к ним относятся морфологический и семантический типы.

Морфологический тип мотивированности характерен наличием взаимосвязи между морфологической структурой слова и его значением. Данный тип находит своё отражение в производных и сложных словах. Так, например, суффикс «-less» в английском языке служит для образования прилагательных от существительных и выражает отрицательную характеристику какого-либо объекта или явления: *heartless* – бессердечный, *homeless* – бездомный [10].

Необходимо также упомянуть, что морфологическая мотивированность делится ещё на два подтипа: полная и частичная.

Слова, обладающие полной мотивированностью, характеризуются наличием как лексической, так и структурной мотивированностью. Например, слово «*rethink*» – передумать, относится к данному типу, поскольку «*think*» отвечает за лексическую составляющую и несёт в себе определенный смысл, а префикс «*re-*» также обладает структурным значением – начать сначала, сделать ещё раз.

В словах с частичной мотивированностью присутствует только один из двух компонентов либо лексический, либо структурный. Примером является слово «*mulberry*» – шелковица. В данном случае морфема «*mul-*» не несёт в себе смысла, в то время как «*berry*» обладает лексическим значением «ягода».

Семантический тип мотивированности заключается в равенстве прямого и переносного значений, то есть на соединении старого смысла и нового в рамках одной и той же синхронной системы. Например, слово «*foot*» в английском языке обозначает «конечность человеческого тела», но оно также может означать «подножие стола или горы». В своем прямом значении слово «*foot*» не мотивировано это свидетельствует о том, что семантическая мотивированность является относительной. В переносном значении это может быть объяснено как метафорическое расширение центрального значения, основанное на сходстве различных классов референтов, обозначаемых словом [6].

В языкознании сущность когнитивного подхода заключается в исследовании лингвистических понятий с точки зрения заложенного в них концепта. Анализ языковых единиц включает в себя различную информацию, накопленную человеком

в ходе развития и взаимодействия с окружающей действительностью [6]. В рамках этого подхода выделяют три основных типа мотивированности: логический, символический (семиотический) и образно-ситуативный.

В основе логической мотивированности лежат логические мотивационные модели, базирующиеся на стратегиях с установкой на физические свойства объектов действительности. Также выделяют такую разновидность логической мотивированности, как логико-фразеологическая, которая детерминирована фразеологической рефлексией. Так, например, слово «eyewash», которое в прямом смысле переводится как «промывание глаз», однако оно также имеет и переносное значение – «очковтирательство», что означает обманывать кого-либо, на словах или на деле создавая видимость благополучия [10].

Символическая (семиотическая) мотивированность характеризуется ориентацией на различные образы-символы. Символическое значение могут приобрести предметы быта, части тела человека, явления природы и др. Например, слово *rein* (поводья, узда) приобрело такое значение как «держат в узде», то есть «кем-то управлять или сдерживать» [11].

Характерной чертой образно-ситуативной мотивированности является её связь с картиной мира определенного лингвокультурного сообщества. Сюда относят лексемы, в которых реализуется образное осмысление ситуаций, обусловленных спецификой быта [9]. К примеру, лексема *bean* (бобы) обладает целым рядом особенностей, связанных с культурными реалиями. *Bean counter* (бухгалтер), этимологически восходит к времени использования счетов, когда с помощью перемещения деревянных бусин (бобов) производились вычислительные действия, и сами бобы являлись единицей счета [10].

Таким образом, история возникновения такого понятия как «мотивированность слова» довольно древняя и неоднозначная, поскольку на протяжении длительного периода учеными отвергалась мысль о необходимости подробного изучения этого явления в языке. Тем не менее, на современном этапе, актуальность и важность исследования мотивированности уже не ставится под сомнение. Ученые продолжают выделять различные дефиниции и типологии данного понятия. Типология мотивированности обширна и во многом варьируется в зависимости от лингвистического подхода, в рамках которого происходит исследование, а также обусловлено тем, что в мотивационной структуре слов объективируются не только первичные, но и вторичные концептуальные признаки.

Список литературы

1. Гумбольдт В. Ф. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. 400 с.
2. Де Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. 695 с.
3. Блинова, О. И. Ключевые термины мотивологии: испытание временем (1971-2011 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. №10 (125). С. 136-140.
4. Юрина, Е. А., Жакупова, А. Д. Развитие идей О. И. Блиновой в лингвистических концепциях образного строя языка и сопоставительной мотивологии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 68. С. 170-193.
5. Николаева, Н. С. Специфика мотивированности терминов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Филологические науки. 2022. №1-2 (64). С. 30-32.
6. Малинка, А. В., Нагель, О. В. Лексическая номинация: ономаσιологический и когнитивный подходы // Язык и культура. 2011. №4 (16). С. 44-56.
7. Усманова, Х. С., Исраилова Л. Ю. Понятие мотивированности слов в английском языке // Рефлексия. 2019. №4. С. 57-59.
8. Аветисян, М.И. Структурно-семантический и семантико-когнитивный подходы к изучению проблем мотивации в словообразовании // Филологический науки. Вопросы теории и практики. 2017. №1-2 (67). С. 59-63
9. Сидорова, Т.А. Типология мотивированности слова в когнитивном аспекте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. №4. С. 65-72.

Список источников

10. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 15.02.2024).
11. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://oed.com> (дата обращения: 20.02.2024)

УДК 159.95

**Шугайло И.В. Автобиографический и психоаналитический дискурсы
в «Дневнике одного гения» Сальвадора Дали**

Шугайло Ирина Васильевна

кандидат философских наук, доцент, магистрант программы «Дискурс и вариативность английского языка», Санкт-Петербургский государственный университет Россия, г. Санкт-Петербург
vshugajlo@yandex.ru

**Autobiographical and psychoanalytic discourse in the
"Diary of a genius" by S. Dali**

Shugaylo Irina Vasilevna

PhD in Philosophical Sciences, docent Magister of the programme
"Discourse and variations of English language", St Petersburg University
Russia, St. Petersburg

Аннотация. Статья описывает язык автобиографического и психоаналитического дискурсов, использованных С.Дали в тексте его автобиографии. Автобиографический дискурс, являясь одним из самых древних, изучен исследователями с разных сторон, между тем как психоаналитический дискурс явно недостаточно и чаще как разновидность художественного при анализе художественных артефактов XX века. В статье дан анализ языка этих двух дискурсов, использованных в тексте дневника. Дали, являясь поклонником психоанализа, применяет его методы при описании собственной судьбы.

Ключевые слова: автобиографический дискурс, психоаналитический дискурс, двойники, нарциссизм, самопрезентация, сюрреализм.

Abstract. The article deals with the language of autobiographical and psychoanalytic discourses used by S. Dali in the text "Dairy of a Genius". Autobiographical discourse, being one of the most ancient, has been studied by researchers from different sides, while psychoanalytic discourse is clearly insufficient and more often was considered as a kind of artistic in the analysis of artistic artifacts of the XX century. The relevance of the article lies in the analysis of the language of these two discourses used in the text of this diary.

Keywords: autobiographical discourse, psychoanalytical discourse, doppelgangers, narcissism, self-presentation, surrealism.

*«...вместо того, чтобы прислушиваться к себе изнутри,
я начинаю слушать себя снаружи».*

С. Дали

Жанр автобиографии всегда имел большую значимость для воспитания молодого поколения. Его элементы появляются уже в античности в работах философов Древней Греции. Как пишет А.В. Ващенко, «Философия развивалась

древнегреческими мыслителями, с одной стороны, как теория (как дискурс), с другой стороны – как практика, практика жизни» [1, с. 26]. Наряду с вымыслом и покрывающими воспоминаниями, накладывающимися, как правило, во взрослом возрасте на детские впечатления и реминисценции, автобиография интересна еще и тем, что волей-неволей зачастую описывает социальный, политический, культурный фон происходящего [2; 3; 4; 5]. Учитывая большое количество социальной, политической, культурной, фактической информации в автобиографиях, дневниках, воспоминаниях, некоторые исследователи используют единственный термин, принятый в науке, для описания подобной литературы, – «документальная литература» [6]. Другие пользуются понятием «литература воспоминаний», или «мемуаристика» [7; 8; 9]. Начиная с работ В.И. Карасика, филологи могут говорить о автобиографическом дискурсе, когда мы имеем дело с агентом дискурса, с его личностным хронотопом, выстроенном в повествовании, особенными целями, задачами, прецедентными текстами этого дискурса, особыми клише и авторской поэтикой [10, с. 200 – 208]. Исследованию автобиографического дискурса посвящали работы отечественные и зарубежные авторы, такие как В. А. Даулетова, Т. Б. Дианова [11; 12]. Однако примеры автобиографического дискурса, как пишут исследователи, в произведениях художников изучены крайне мало. Между тем, как рядом исследователей признается огромная роль бессознательных мотивов и образов в творчестве [13; 14]. Э.К. Вежлева и И.В. Шугайло отмечают бессознательное как важнейший элемент в создании художественного произведения [15]. Шугайло выделяет внутри медицинского дискурса психотерапевтический, как обладающий собственной спецификой и опирающийся на иные прецедентные тексты, а «значимые «родительские фигуры» психотерапевта и психоаналитика, от которых ждут помощи и поддержки, наделяются статусом «носителя истины» [16].

Можем ли мы говорить об объективности, когда имеем дело с автором, ярко художественно одаренным и наделенным огромной фантазией? Думается, это вопрос спорный: в такой же степени описания реальности художником будут «объективны», как язык описания сновидений близок по содержанию к самому сновидению. Задача данной работы – показать особенности автобиографического и психоаналитического дискурса, интегрированного в художественный текст на примере «Дневника одного гения» С. Дали. В анализе текста «Дневника одного гения» автор использует интертекстуальный подход, показывая полифоническое переплетение двух типов дискурса, использует психоаналитические методы анализа, обращая внимание как на прецедентные тексты, так и на семиотический подтекст образов художника. Как

представитель сюрреализма, Сальвадор Дали стремился показать «изнанку» мысли, образа, прообраз, для чего широко использовал язык психоанализа, что очевидно в «Дневнике одного гения». Методы психоанализа служили теоретическим обоснованием для многих художественных находок сюрреализма, поэтому этот художественный текст отчасти будет и ключом к пониманию принципов и поэтики сюрреализма как художественного течения.

Думается, что автобиографический дискурс, находящийся на стыке художественной и документальной прозы, на примере С. Дали сочетается еще и с психоаналитическим дискурсом, содержит богатый потенциал для описания методов и средств этого микста. Очевидно, что этот необычный текст автобиографии содержит материал для изучения и практик самопрезентации художников. В данной статье предпринята попытка анализа указанных типов дискурса в автобиографии художника. Материалы анализа могут быть использованы на лекциях по теории языка, культуры, анализа рекламных текстов. Чтение и анализ автобиографических текстов, по мнению Е.В. Ковановой, «развивает воображение, расширяет кругозор, повышает общую культуру студентов и может быть использовано как материал анализа на семинарских занятиях, при выполнении творческих проектов» [3, с. 199]. Материал автобиографий интересен и тем, что откровения, фантазии, признания, воспоминания отражают и бытийный дискурс с его глубиной постановки и анализа проблем.

Агентом автобиографического дискурса в тексте «Дневника одного гения» выступает сам Сальвадор Дали. В тексте представлен как институциональный дискурс (так как автор описывает себя как представителя профессионального сообщества художников), так и личностно-ориентированный дискурс (большое количество фантазийного материала). Клиентами выступают простые люди, читатели, которые отделены от автора пропастью и совершенно иным качеством пространства и времени (хронотопом). Новаторство жанра автобиографии Дали дополняет нескромным дополнением: «это первый дневник, написанный гением» [17, с. 7]. Автор убежден в своем высоком предназначении, на что указывает ему знак его имени: «Как на то указывает мое собственное имя Сальвадор, Спаситель, я предназначен самой судьбою не более не менее как спасти современную живопись от ленности и хаоса» [17, с. 254]. Живопись для Дали, наряду с литературой, фотографией, кинематографом, любовью была способом познания мира. Художник пишет: «Мне необходимо было найти в живописи этот самый «квант действия», который управляет нынче микрофизическими структурами материи, и найти это можно было, только призвав

на помощь мою способность провоцировать – а ведь я, как известно, непревзойденный провокатор – всевозможные случайные происшествия, которые могли ускользнуть от эстетического и даже антимистического контроля, дабы иметь возможность общаться с космосом...живопись, живокисть, живописать..., космопись, космокисть, космописать» [17, с. 315]. Гений выступает исследователем гениальности и оригинальности даже в быту: так лакированные башмаки меньшего размера повышают усилить дар красноречия (элемент самопрезентации).

Наличие отца с трагической судьбой – верный знак рождение особого сына-героя. Гонение со стороны группы сюрреалистов – тоже знак особого качества, ибо «все они заурядные буржуа» [17, с. 20]. Новоприобретенный отец Андрэ Бретон, основатель группы художников-сюрреалистов, сразу устанавливает «сыну» ряд ограничений, а потом и изгоняет Дали из группы. Так осуществляется принцип навязчивого повторения: «Доводы, которые они приводили в пользу моего исключения, как две капли воды напоминали мне те, которыми мотивировалось мое изгнание из лона семьи» [17, с. 21-22]. Дополняет хронотоп Дали пространство галлюцинаций, сопровождаемых паранойю (которую можно рассмотреть как пространство, особо нагруженное знаками). Сам художник, желая подчеркнуть сознательное использование приемов повышенной знаковости реальности, называл этот метод параноидально-критическим. Сны, видения, грезы – это особый мир для художника, который ему предоставляет знаки для расшифровки потаенных смыслов. Образом Вильгельма Телля (одной из отцовских фигур для художника), являвшимся Дали во сне, был Ленин, с маленьким мальчиком на руках (которым был Дали). Таким образом, Дали мнил себя революционером или коммунистом. В образе женщины являлся Дали во сне и Гитлер, вызывая своим телом приступы безумия [17, с. 32].

Будучи большим поклонником психоанализа, Дали пытался исповедоваться своему невидимому анализанту, при этом он восклицал: «Я не безумец!» Как и при любом психоанализе, некоторые темы остаются не проработанными, что Дали тут же рационализирует: «по соглашению с редактором отдельные годы и дни в моем дневнике в настоящий момент должны остаться неопубликованными» [17, с. 8]. В «Дневнике» Дали выступает одновременно как агент и клиент психоанализа, уподобляясь самому З. Фрейду, который сам никогда не проходил психоанализа, а некоторым его подобием можно считать лишь переписку с врачом-отоларингологом Флиссом. Страницы исповеди Дали полны автобиографическим материалом, отраженным очень субъективно.

Немало страниц отведено размышлению о том, что художник ощущает в себе две личности: свою и своего родного брата Сальвадора, который умер младенцем незадолго перед рождением художника, и его имя было тоже Сальвадор. Отсюда мысль о том, что второй Дали – реинкарнация первого, желание жить за двоих пронизывает творчество художника постоянно.

Поскольку Дали убежден в своей гениальности, он живет и общается (виртуально) с теми гениями, которые жили до него. Дали мыслит себя если не сыном Бога, то героя наверняка. Подобно герою, художник свергает «отцов»-учителей, среди них Вольтер, Вермеер, Ницше, Матисс, Месонье, Бретон, Конт, Вагнер, Фрейд, Эйнштейн, Гитлер, Веласкес, Эвклид и мн. др., себя же он ставит только рядом с Рафаэлем и Леонардо. Себя он называет гением самой разносторонней духовности, истинно современным гением. Личные непростые отношения с собственным отцом у него подтверждаются положением о конфликте с отцом у мальчика, открытым З. Фрейдом и получивший название «Эдипов комплекс». У гениев Дали замечает и особые атрибуты гениальности – усы, которые есть воплощение духа. «Уж мои-то усы не будут нагонять тоску, – восклицает Дали, – наводить на мысли о катастрофах, напоминать о густых туманах и музыке Вагнера. Нет, никогда! У меня будут заостренные на концах, империалистические, сверхрационалистические усы, обращенные к небу, подобно вертикальному мистицизму, подобно вертикальным испанским синдикатам» [17, с. 16 – 17]. Можно сказать, что единственной темой творчества Дали был он сам (здесь мы видим предельную нарциссичность художника).

Дали мыслит себя и ницшеанским сверхчеловеком, и человеком, который просто не боится запретов, он антропоморфная энергетическая творческая воля, «изрыгающая» из себя невиданные ранее смыслы. В этом плане Дали подает себя как фигуру постмодерниста, где личность растворяется в своих субличностях, и самопрезентация ее визуального образа также отражает этот процесс. В «Дневнике» он пишет, что повседневная жизнь гения, его сон и пищеварение, его экстазы, ногти и простуды, его жизнь и его смерть в корне отличаются от всего, что происходит с остальной частью рода человеческого. Он как бы сравнивает свою расщепленную натуру: человеческое и гениальное.

Свою задачу автор дневников видит и как интерпретатора потаенных смыслов собственной судьбы: он пытается воплотить в реальность свои сны, страхи и желания, а грезы сделать гиперреалистичными. В этом проявляется психоаналитический подход и подход художника гиперреалиста. Очень характерен для Дали принцип

метаморфоз, перевоплощений. Он считает, что художник должен с легкостью перевоплощаться в кого-угодно, отсюда так велико желание стилизовать картины и стили великих мастеров. В музее города Фигераса, где жил художник, есть целый зал картин Дали-подражателя.

В тексте дневника можно выделить тему двойничества, поданную через бинарные оппозиции: брата-двойника и себя, рациональность и сумасшествие, человек и сверхчеловек, женщина (Гала) как альтер-эго художника. Два самых любимых символа художника: яйцо как символ мироздания и манекен с дырой – местом для души (около музея в Фигеросе и в ряде картин автора). В качестве противоположностей. Реальности и ее изнанки выступают космос и микрокосм, человек и антропоморфность.

Нарциссизм был свойственен художнику в высокой степени, с самовлюбленностью Нарцисса он поклонялся самому себе, его овладевали вакхические сновидения и видения, Дионис следовал за ним по пятам – так Дали буквально жил в потустороннем воображаемом мире мифов и был окружен мифологическими персонажами. Гала, по мнению Дали, является «уникальной мифологической женщиной нашего времени» [17, с. 7]. Образ матери совершенно вытеснен из его воспоминаний, а роль матери всецело занимает жена, которая, практически охраняет его, воспитывает как художника и создает гения, внушая ему его неординарность. Гала выполняет и функцию Анимы-души, женского начала Дали. Дали наделяет ее рядом мифологических имен: мой гений, победоносная Гала, богиня Гала Градива, Елена Троянская, блистательная, как морская гладь, Гала Галатея Безмятежная. У Галы есть и свой двойник – ее антропологическая сущность – падающая звезда [17, с. 24]. Ее неземную сущность он подчеркивает в портрете 1952 года – лик создан из фотонов, а тело буквально растворяется в пространстве.

Художник выражает себя через множество масок, которые ему приходится надевать для общества: он кубист, анархист, коммунист, сюрреалист, академик, мистик, маркиз де Пубол и т.п. Испытывая желание себя самого превзойти, стремление к особой насыщенности реальности, и ощущение своей неоднозначности делает его своеобразной «множественной личностью», субличностями которой он легко управляет. Поэтому Дали все ищет свою Аниму (архетип), женское начало, скрывающееся за тысячей масок. Как и Эйнштейн, Дали мыслит бесконечный мир, ощущает переходы в виртуальные пространства с различными характеристиками, видит себя одновременно везде и нигде.

Исследователь гениальности, генетики В. П. Эфроимсон, считал, что биосоциальные и социобиологические тормоза приводят к тому, что реализуется лишь один гений из десятка тысяч потенциальных [18]. Благодаря огромным адаптационным, даже «хамелеоновским» способностям и дару эмпатии гениям, благодаря чему он легко перевоплощался, Дали полагал: «Я принадлежу к редкой породе людей, которые одновременно обитают в самых парадоксальнейших и наглухо отрезанных друг от друга мирах, входя и выходя из них, когда заблагорассудится» [17, с. 230].

Дали сам выстроил себе судьбу мифологического героя. Так, судьбу своего отца он считал достойной Софокла. Отец художника был очень властным, не приветствовал эксцентричное поведение сына. В свою очередь, Сальвадор осознавал, что причинил отцу многочисленные страдания. «По Фрейдю, герой – это тот, кто восстал против отца и родительской власти, – пишет Дали, – и в конце концов смог одержать победу в этой борьбе. Именно так случилось у меня с отцом, который очень меня любил. Но у него было так мало возможностей любить меня, пока он был жив, что теперь, когда он на небесах, он оказался на вершине другой, достойной Корнеля трагедии: он может быть счастлив лишь в том случае, если я стану героем именно благодаря ему. Та же самая ситуация сложилась у меня и с Пикассо, ведь он для меня второй духовный отец» [17, с. 307 – 30]. Непреодоленный Эдипов комплекс актуализировался при всех изгнаниях и отвержениях художника его авторитетами. Отец парадоксальным образом приобщил сына к мистике: в обширной библиотеке отца сын обнаружил книги только атеистического содержания, что и подтолкнуло художника к увлечению мистикой. В домашней библиотеке Сальвадор обнаружил и работы Ф. Ницше, «слабака, позволившего себе слабость сделаться безумцем» [17, с. 15]. Но Дали хотел стать иррациональным Ницше, ему нравился ницшеанский сверхчеловек. «Главное в таком деле как раз в том и состоит, чтобы не свихнуться! – И продолжает: «Единственное различие между безумцем и мной в том, что я не безумец!» [4, с. 15]. Здесь мы можем констатировать, страсть извлекать ресурсы из состояния, максимально близкого к бессознательному и удерживать его усилием воли.

Дали, уроженец Испании, пытался противостоять рационализму Франции иррационализм и мистицизм каталонца. Кроме того, он полагал, что Творец не может обладать человеческим интеллектом, который есть изъян или болезнь человека. Ощущая себя героем, сыном божьим, художнику свойственно говорить как раз этим нерациональным языком. Дали записывает Ницше, сверхчеловека в свои двойники,

что указывает на ощущение необычайной близости с ним. Здесь также можно отметить и то же желание, что художник ощущал по отношению к умершему брату, отцу – превзойти их, пережить, войти в вечность. И если для большинства автобиографий исследователи отмечают важность категорий прошлого и настоящего, то для дневника Дали концепты «вечности» и «будущего» более значимы. Как девиз своей жизни, Дали призывает не бояться достигать совершенства, ибо оно недостижимо.

Дали иногда отождествлял себя с Богом, его страданиями. По свидетельствам биографов, после смерти первого Сальвадора на столе у матери Дали стояла репродукция с картины Веласкеса «Распятие». Этот факт стал одним из фрагментов бессознательных реминисценций художника. Одним из символов Бога была рыба. В галлюцинациях Дали он воображал себя рыбой, облепленной мухами (так выражалась фантазия о страданиях Создателя).

Сюрреализм знаково привлекал художника своей иррациональностью при видимом пристальном внимании к реальности. Тяга к разрушению рационального проявлялась через особое внимание к крови, экскрементам (которым посвящено немало страниц дневника), фигурам Гитлера и Ленина, нарушениям привычной последовательной связи между явлениями. Золото Дали лишал обычной его ценности, считал разновидностью экскрементов, которую производит гений. Отсюда неоднозначное отношение к золотым монетам, которыми он одаривал любовников Галы, протест против власти у Дали выразился и в преклонении перед евреями З. Фрейдом и А. Эйнштейном, которых Гитлер изгнал из Германии.

Таким образом, интерес к бессознательному был чрезвычайно характерен для Дали: сразу после пробуждения он начинал писать еще неостывшие образы сновидений, фантазии воплощал в жизнь, распаковывал смыслы метафор на холсте («время течет»). Сны для него носят и прагматический характер: «Всю ночь видел творческие сны. В одном из них была разработана богатейшая коллекция модной одежды, модельеру там хватило бы идей по меньшей мере на семь сезонов, на одном этом я мог бы заработать целое состояние» [17, с. 77]. Вот он, его метод, который он пробует воплотить в жизнь (в Фигерасе продается большое количество предметов, вдохновленных Дали и сделанных его последователями).

Среди любимых авторов художника нельзя не упомянуть еще и Отто Ранка и его книгу «Травма рождения». Согласно Ранку, самые серьезные травмы, которые переживает каждый человек: травма рождения, травма отлучения от груди и травма смерти. Мистическим образом эти три травмы были очень болезненны для

Сальвадора. О родной матери в «Дневнике» практически ничего не сказано, но описаны сильные переживания по поводу смерти родного брата Сальвадора. Вторая самая сильная травма Дали, которую он тяжело переживал, была связана со смертью Галы, жены и музы. Сама смерть художника, сгоревшего как Сфинкс, была ужасна. Аллюзии о Сфинксе приходили в голову Дали неоднократно. Каждый раз после его погружений в глубины бессознательного он ощущал себя более сильным и крепким, чем был до этого. Он ощущал постоянное возрождение, что говорит о психотерапевтическом эффекте акта творчества и уподоблении себя мифологическому персонажу. Дали – самый сублимированный персонаж, какой только можно вообразить.

Костыль, который присутствует в некоторых картинах Дали – символ опоры на реальность, на которую нужно опереться (чтобы не сойти с ума). Он балансировал, как Заратустра, на канате над пропастью, был бесстрашным и потому многим казался просто безумным. Но степень развитости способностей художника потрясает, а такое колоссальное количество работ не смог бы создать ни один сумасшедший. По его собственным признаниям, увлечение психоанализом помогало ему не только в самопознании и самотерапии, но и давало новые темы для творчества. Автор дневника писал: «Совершенно уверен, что по аналитическим и психологическим способностям я намного превзошел Марселя Пруста. И не только потому, что тот игнорировал многие методы, в том числе и психоанализ, которым охотно пользуюсь я, но прежде всего оттого, что я, по самой структуре мышления, ярко выраженный параноик» [17, с. 115]. Так, яйцо было для Дали одним из любимых символов, связанных с наукой фениксологией, которая учит, как развить заложенные в нас способности и стать бессмертными уже в этой земной жизни. «А добиться этого можно благодаря имеющимся у всех нас тайным способностям возвращаться в эмбриональное состояние, что без труда позволит нам на самом деле непрерывно возрождаться из своего же собственного пепла – совсем как та мистическая птица Феникс» [17, с. 127 – 128].

Фрагменты психоаналитического дискурса сочетаются с автобиографическим и в художественном, и в литературном, и в кинематографическом творчестве Дали. Так художник ставит перед собой рациональные, земные цели: «1. Постараться как можно раньше отсидеть в тюрьме. Это было своевременно исполнено. 2. Найти способ без особых трудов стать мультимиллионером. И это тоже мне с успехом удалось» [17, с. 47]. Дали упоминает и о событиях социальной жизни: «Должен заметить, что все это совпало по времени с велогонкой «Тур де Франс», все перипетии которой я слушаю на

радио в пересказе Жоржа Брике» [19, с. 56]. Но все эти события жизни тут же пересекаются с личными ощущениями художника-эгоцентриста и его слюновыделениями от удовольствия от живописания на холсте самых восхитительных ужасов. Свою самопрезентацию гения художник дополняет: я – сын Вильгельма Телля [17, с. 47]; «Настанет день, и я расскажу всю правду о том, как собирать эту золотую россыпь, благословенную самой Данаей» [17, с. 49]. Зачастую откровенности и откровения внушают отвращение (о слюноотделении и слюноиспускании, об испражнениях, например), поэтому автобиографию Дали никак нельзя считать образцом типичного автобиографического дискурса. «Я освобождаю судьбу от ее антропоцентрической оболочки», – пишет сам автор по поводу «героев» своей автобиографии [17, с. 223]. И в этом Дали не типичная языковая личность. Здесь нет не только фактов социальной и политической жизни, типичных для автобиографического дискурса, но даже привычного изложения событий, а все это подменено потоком свободных ассоциаций наподобие психоаналитического дискурса на кушетке психоаналитика. Но – Дали убежден, что это один из продуктивных стилей самопрезентации гения: «Чтобы добиться высокого и прочного положения в обществе, если вы к тому же наделены незаурядными талантами, весьма полезно еще в самой ранней юности дать обществу, перед которым вы благоговееете, мощный пинок под зад коленом» [17, с. 227].

Порой текст включает лишь короткие сентенции-афоризмы, типа: «Художник, ты не оратор! Так что замолчи и займись-ка лучше делом!» [17, с. 141]. Все эти «афоризмы мудрости гения» есть образец эгоцентричного текста интроверта. «Дневник» начинается с 1952 года. 1954, 1959, 1961годы вообще не присутствуют, хотя это были, по примечанию редактора, одни из самых активных в жизни художника, а последним годом дневника представлены мысли 1963 года. Множество воспоминаний посвящено Гале, картинам воспоминаний с ее участием, общению (мыслям и чувствам), связанными с художниками.

Он описывает свою каждодневную жизнь вплоть до малейших деталей. Но реальность высвечивает непривычными для остальных красками: так читая газету, он не читает новости, а рассматривает их, видит, слушая радио, он вспоминает о Браке, а далее идет поток ассоциаций: пушечные залпы по поводу похорон Брака – его коллажи из газет – посвященный ему портрет Сократа, написанный Дали – портрет как обложка для дневника гения. О чем бы ни писал Дали, все исходит и возвращается к нему самому. Единственное отвлечение от такого крайнего эгоцентризма – размышление о Гале. Останавливаясь на своих ошибках, он говорит: «В любой

ошибке всегда есть что-то от Бога. Так что не спеши поскорей ее исправить. Напротив, постарайся постигнуть ее разумом, докопаться до самой сути. И тебе откроется ее сокровенный смысл» [17, с. 54]. Дневник не заканчивается, а прерывается, но он и выстраивает бесконечное продолжение, используя краткое «Привет!»

Как мы видим, изучение языка автобиографического и психоаналитического дискурсов в «Дневнике одного гения» Сальвадора Дали дает нестандартную картину для автобиографии. Во-первых, соотношение этих дискурсов не пропорционально, а психоаналитический превалирует в соотношении примерно 90% на 10% в пользу психоаналитического. Преобладают я-предикативные конструкции и описание всех событий от первого лица. Во-вторых, налицо оценочные конструкции себя как другого (гения и двойника). В-третьих, часто присутствуют описания людей как антропоморфных существей, мифологических персонажей, что характерно для психоаналитического дискурса. Автобиографический и психоаналитический дискурсы в тексте Дали, обладая высокой риторической нагруженностью, предоставляют возможность для изучения ряда стратегий и тактик, среди которых стратегия направленности на себя, самоконструирование и семиотизация субъекта, о которой пишет Е.М. Болдырева [14, с. 243], стратегия положительной репрезентации самого себя, стратегия ведения дискурса методом свободных ассоциаций, стратегия защиты, стратегия сублимации и другие приемы, одинаково характерные как для автобиографического, так и для психоаналитического дискурсов.

Список литературы

1. Ващенко А. В. Самопознание в античной философской мысли и христианской традиции / Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. Вып.2. С. 24- 31.
2. Волошина С. В. Автобиографические тексты в Интернете: жанровый и дискурсивный аспекты анализа [Текст] / С.В. Волошина // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. – 2013. № 6 (26). С. 5-13.
3. Кованова Е. А. Анализ факторов, обуславливающих характер самопрезентации автора автобиографического дискурса // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по мат-лам XLVII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2015. № 47. С. 81-86.
4. Крузе С. В. Автопортрет как форма самопознания личности художника: автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.13. Ростов-на-Дону. 2004. 23 с.
5. Левченко И. А. Прагматика событийности нарративного пространства в автобиографическом дискурсе М. Шагала / И. А. Левченко. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2021. № 52 (394). С. 345-349. URL: <https://moluch.ru/archive/394/87308/> (дата обращения: 19.07.2023).
6. Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века) : дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.08. М., 2008. 246 с.

7. Ньюбина Л. М. Воспоминание и текст. Смоленск: СГПУ, 2000. 161 с.
8. Петрышева О. В. Жанр портрета во французской мемуарной литературе XVII века: Т. де Рео, Рец, СенСимон : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Нижний Новгород, 2008. 233 с.
9. Ньюбина Л. М. Воспоминание и текст. Смоленск: СГПУ, 2000. 161 с.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
11. Даулетова В. А. Вербальные средства создания автоимиджа в политическом дискурсе (на материале русской и английской биографической прозы) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / В. А. Даулетова. Волгоград, 2004. 22 с.
12. Дианова Т. Б. Автобиографический дискурс и устная фольклорная традиция: к методологии исследования [Текст] / Т.Б. Дианова // Традиционная культура. 2009. № 4. С. 4-10.
13. Спиркин А. Г. Сознательное и бессознательное в творчестве // Овчаренко В. И., Лейбин В.М. Антология российского психоанализа: В 2 т. Т.2. М.: Московский психолого-социальный институт Флинта, 1999. С. 97-109.
14. Болдырева Е. М. Автобиографизм и автобиография: самоконструирование и семиотизация субъекта // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 242-251.
15. Шугайло И. В., Вежлева Э. К. Грани бессознательного опыта как прелюдия творчества // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2012. № 2 (12). С. 94-108.
16. Шугайло И.В. Психотерапевт и психоаналитик как носители истины в психотерапевтическом дискурсе // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2023. № 09 (86). Режим доступа <https://scipress.ru/pedagogy/articles/psikhoterapevt-i-psikhoanalitik-kak-nositeli-istiny-v-psikhoterapevticheskom-diskurse.html> (Дата обращения: 30.09.2023)
17. Дали С. Дневник одного гения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-пресс, 1999. 464 с. (Серия «Антология мудрости»)
18. Эфроимсон В. И. Генетика гениальности: Биосоциальные механизмы и факторы наивысшей интеллектуальной активности. М.: Тайдекс Ко, 2002. 374 с.
19. Кисунько В. Сальвадор Дали: одиночество на миру. Предисловие к русскому изданию // Гибсон Я. Безумная жизнь Сальвадора Дали. М.: Арт-Родник, 1998. 734 с.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-115

**Черникова Е.О., Плескачёва Я.С. Проявления многозначности
в терминологии бережливой логистики: на материале русского
и английского языков**

Черникова Елена Олеговна

канд. филол. наук., доцент кафедры «Лингвистика»
Российский университет транспорта РУТ (МИИТ), РФ, г. Москва
elenach328@mail.ru

Плескачева Яна Сергеевна

старший преподаватель кафедры "Лингвистика"
Российский университет транспорта РУТ (МИИТ), РФ, г. Москва
pleskacheva-yana@yandex.ru

**Manifestations of ambiguity in green logistics terminology:
on the material of the Russian and English languages**

Chernikova Elena Olegovna

PhD in Philology, Assistant Professor of Linguistics Department
Russian University of Transport RUT (MIIT), Russia, Moscow

Pleskacheva Yana Sergeevna

Senior lecturer of Linguistics Department
Russian University of Transport RUT (MIIT), Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассматриваются различные проявления терминологической многозначности. На материале русско- и англоязычных специализированных источников проводится сравнительный анализ неоднозначных с семантической точки зрения терминов подотрасли «Бережливая логистика». Целью научной работы является выявление общих и специфических характеристик проявления описываемого явления в двух языках – русском и английском. Научная новизна проводимого исследования объясняется недостаточной изученностью терминологического аппарата данной области познания. Отмечено, что русско- и англоязычные терминоединицы подотрасли «Бережливая логистика» вступают как в полисемичные, так и омонимичные отношения. Приводятся примеры перевода лексических единиц рассматриваемой области знания, представленные полисемичными и омонимичными терминами в русском и английском языках.

Ключевые слова: терминологическая многозначность, бережливая логистика, сравнительный анализ, полисемия, омонимия.

Abstract. The article considers various manifestations of terminological ambiguity. On the material of the Russian and English-language specialized sources from subindustry «Green Logistics» a comparative analysis of semantically ambiguous terms is conducted. The aim of the scientific work is to identify general and specific characteristics of the described phenomenon in two languages – Russian and English. The scientific novelty of

the research is explained by the insufficient study of the terminological apparatus in this field of knowledge. It is noted that the Russian- and English-language «Green Logistics» terminology enter into both polysemic and homonymic relations. The examples of lexical units translation in this field of knowledge represented by the polysemic and homonymic terms in Russian and English are given.

Keywords: terminological ambiguity, green logistics, comparative analysis, polysemy, homonymy.

На сегодняшний день исследование терминологий различных отраслей знания представляет значительный интерес как для лингвистов, так и для специалистов конкретной профессиональной отрасли. Существование и развитие любой науки невозможно без терминов, ведь термины передают смысл новых или ранее существовавших понятий. Развитие науки и техники обуславливает постоянное появление новых терминов и терминологических словосочетаний, в связи с чем терминология становится всё более насыщенной частью научной литературы.

Терминология носит системный характер и основана на родовидовых отношениях. Каждый термин внутри терминологической системы имеет свое место, отражает определенное понятие и взаимокоррелирует с другими терминами.

Последнее десятилетие отмечено повышенным вниманием ученых и лингвистов к исследованию таких научно-технических терминологий и корреспондирующих им областей, как медицинская терминология [1;2], экологическая терминология [3], терминологии информационных технологий [4], транспортно-логистическая терминология [5] и др.

На современном этапе языковых исследований всё большую актуальность приобретает изучение терминологии бережливой логистики. Так, последние несколько лет уже отмечены рядом научных работ, посвящённых изучению терминологического аппарата данной области научных интересов: можно выделить научную работу Г.В. Рябковой и Д.В. Гиниятуллиной, в которой авторы проанализировали отдельные аспекты лингвистического изучения авиационно-логистической терминологии [6], а также статью М.А. Сигитовой, где учёный раскрывает основные понятия и этапы развития зеленой и экологической логистики [7].

Настоящая статья представляет собой сопоставительный анализ русско-и англоязычных многозначных единиц специальной лексики в терминологии бережливой логистики. Цель данной статьи – сопоставить проявления терминологической многозначности русско- и англоязычных терминов подотрасли бережливой логистики.

Для достижения поставленной цели в работе были использованы следующие научные методы: метод установления количественных и процентных характеристик; метод сопоставления дефиниций, метод сплошной выборки.

Актуальность данной работы обусловлена рядом факторов. С одной стороны, исследуемый нами тип терминов при переводе с английского языка на русский и с русского языка на английский может вызывать трудности в процессе осмысления основных понятий описываемой сферы научных изысканий как для переводчика, так и для разноязычных специалистов этой отрасли. В свою очередь, эффективность международного сотрудничества напрямую зависит от правильного владения подобными терминами и умения корректно переводить их с одного языка на другой. С другой стороны, изучение терминологии бережливой логистики имеет важное значение для специалистов в различных областях профессиональной деятельности. Изучение и понимание смысловой структуры ключевых терминов помогает специалистам в области экологии, устойчивого развития и природопользования более эффективно решать проблемы окружающей среды, разрабатывать стратегии устойчивого развития и принимать обоснованные решения в своей профессиональной деятельности.

Научная новизна предпринятого исследования обусловлена тем, что на сегодняшний день не существует единой и унифицированной классификации полисемичных терминов и терминов-омонимов в терминологии бережливой логистики. Более того, в области терминологии бережливой логистики выделяются лишь отдельные исследования на основе разных языков. Данный факт подтверждает новизну исследования.

Объектом исследования выступили русско- и англоязычные многозначные термины подотрасли бережливой логистики.

Материалом предпринятого исследования послужили 300 русскоязычных и 300 англоязычных терминов подотрасли «Бережливая логистика», которые были отобраны из новостных сайтов и рекламных текстов по направлению «Бережливая логистика» [14–30].

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов, в трудах которых наиболее емко отражены проблемы терминологии. Работы таких исследователей, как Н.К. Гарбовский [8], С.В. Гринев-Гриневич и др. [9], В.Н. Комиссаров [10] и др. послужили основой для написания данной статьи.

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по лексикологии, терминологии, сопоставительному языкознанию.

Многозначность является интригующим свойством слова, которое позволяет ему иметь несколько значений в различных контекстах. Это явление привлекало внимание ученых с древних времен, когда они активно спорили о происхождении и смысле слов. Демокрит, который ввел понятие «полисемия» или «многозначность», оказал значительное влияние на это направление исследований. Аристотель анализировал, как значения слов могут изменяться от общего к частному и наоборот, приводя примеры из поэзии и риторики. Его труды положили основы для изучения переносных значений слов [11, с. 512].

В XIX веке появилась семантика как наука о значении. М. Бреаль был одним из первых, кто применил термин «полисемия» и исследовал, как слова приобретают разные значения [12, с. 352]. По его концепции, полисемия связана с законом присвоения слову нескольких значений, включая процессы специализации, иррадиации, распределения, сужения и расширения смыслов.

Определение полисемии, предложенное В.В. Виноградовым, стало отправной точкой для дальнейших исследований семантической структуры многозначного слова. Теперь признаком полисемии считается наличие у слова двух или более значений, которые связаны по происхождению и смыслу [13, с. 480]. Важной характеристикой полисеманта является взаимосвязь между значениями в его структуре, которая определяется историческими факторами.

Таким образом, полисемия представляет собой явление, при котором одно слово или языковая единица имеет несколько связанных по смыслу значений. Омонимы, в свою очередь, это слова, звучащие или пишущиеся одинаково, но имеющие разные значения и происхождение.

Эти два явления связаны с многозначностью слов в языке и могут быть общими или специфическими для разных языков. Они могут возникать по различным причинам, таким как история, культура, метафора, метонимия и т.д. Таким образом, полисемия и омонимия являются разными стадиями развития многозначности слова.

Полисемия – это начальная стадия, когда слово имеет несколько значений с общим семантическим признаком. Омонимия – это конечная стадия, когда слово имеет несколько значений без общего семантического признака.

Полисемия имеет свою историю в русском и английском языках. Оба языка произошли от индоевропейской семьи языков и заимствовали определённую долю

слов из других языков, что привело к появлению новых значений у существующих лексических единиц. Однако русский и английский языки также отличаются по типологии, что оказало влияние на развитие многозначности как в общепотребительном языке, так и в специальной лексике.

Поскольку логистика как наука представляет собой конгломерат смежных научных направлений, её терминологический аппарат также характеризуется наличием явления многозначности. В настоящей работе под терминологической многозначностью мы подразумеваем использование одной словарной единицы для вербализации двух связанных понятий в пределах конкретной терминологии.

Так, на первом этапе нашего исследования нами были отобраны 300 терминов в русском языке и около 300 терминов в английском языке. В результате анализа дефиниций выбранных терминов подотрасли «Бережливая логистика» было обнаружено, что на долю многозначных лексических единиц приходится 67 терминов в русской терминологии и 102 единицы в англоязычной.

Для начала приведем некоторые примеры полисемичных терминов в составе отечественной терминологии. Показателен в этом плане термин *гибрид*, который может передавать следующие значения:

- *транспортное средство, работающее на двух или более источниках энергии, например, на бензине и электричестве, на дизеле и газе, на водороде и солнечной энергии. Например: «Принцип работы некоторых **гибридов** позволяет авто стартовать на электротяге. Лучшие модели проезжают до 50–100 км без запуска двигателя внутреннего сгорания – в городе они едут бесшумно, с нулевым выхлопом [14].*

- *Транспортное средство, сочетающее в себе черты разных видов транспорта, например, автобус и трамвай, велосипед и самокат, поезд и самолет. Например: «На Facebook Marketplace появилось объявление о продаже необычного транспортного средства, построенного из пикапа International Harvester 1974 года и трактора. Широко известный в сельских кругах Огайо 90-х годов прошлого века самодельный **гибрид** оценён в 6 тысяч долларов» [15].*

Другой пример – полисемичный термин *рециркуляция*, который может означать:

- *процесс повторного использования отработанных газов в двигателе внутреннего сгорания для снижения выбросов вредных веществ. Например: «В современных автомобилях большое внимание уделяется вопросам экологической безопасности, и даже в недорогом авто есть несколько систем, понижающих*

токсичность выхлопных газов. Одна из них – система **рециркуляции** выхлопных газов, которая успешно применяется уже сорок лет» [16].

- процесс повторного использования воды в системе охлаждения двигателя или в системе кондиционирования воздуха для экономии ресурсов. Например: «Если вы соберетесь заказывать монтаж водопровода в новом доме у специализированной компании, вам наверняка предложат организовать **рециркуляцию** горячей воды» [17].

На следующем этапе исследования рассматриваются примеры терминов-омонимов в русскоязычной терминологии. В качестве иллюстративного примера приведём термин **экокаршеринг**, который может иметь следующие определения:

- система аренды экологических автомобилей на короткий срок, которая позволяет снизить загрязнение воздуха и уменьшить пробки в городах: «В Нижнем Новгороде появится первый в стране **эко-каршеринг**. В тестовом запуске проекта будет участвовать 150 автомобилей [18].

- система совместного использования экологических автомобилей между владельцами, которая позволяет экономить деньги и ресурсы: «Таким образом, можно сказать, что **эко-каршеринг** более экологичен, чем личная машина, а в будущем, по мере совершенствования пассажирского транспорта и городской инфраструктуры, станет еще экологичнее» [19].

Интересен и показателен другой омонимичный термин – **экобус**, передающий следующие значения:

- автобус, работающий на биотопливе, электричестве или гибридном двигателе, который сокращает выбросы парниковых газов и других загрязнителей: «Аналоги первого российского **Экобуса**, на базе микротурбин Capstone, уже несколько лет успешно эксплуатируются в Америке, Великобритании, Новой Зеландии и других странах мира» [20].

- автобус, оборудованный специальными устройствами для сбора и переработки мусора, который способствует улучшению экологии города: «Разработчиком **экобусов** стал британский оператор общественного транспорта Go-Ahead, осуществляющий более миллиарда перевозок по железной дороге и на автобусах в Великобритании и за ее пределами. Автобусы обладают инновационной технологией фильтрации воздуха, благодаря чему удаляется до 99,5% твердых взвешенных микроскопических частиц пыли, превращают их в чистый воздух, который затем возвращают обратно в атмосферу» [21].

Исследуя примеры полисемичных терминов и омонимов в английском языке подотрасли «Бережливая логистика», важно отметить, что английский язык относится к аналитическому типу, другими словами, отношения между словами выносятся за рамки словоизменения; язык данного типа больше опирается на порядок слов и вспомогательные слова для выражения грамматических отношений.

Так, полисемичный термин *green* может передавать такие значения, как:

1) цвет, например: “*10 **Green Cars** to Help Celebrate St. Patrick's Day*” [22]. («*10 **зеленых автомобилей**, чтобы помочь отпраздновать День св. Патрика*» – здесь и далее перевод авторов статьи – Черникова, Плескачёва).

2) Экологичный: “*Fortunately, other **green cars** are gaining popularity. Electric cars, in particular, are showing promise*” [23]. («*К счастью, другие **зеленые автомобили** набирают популярность. Электрические автомобили, в частности, показывают перспективы*»).

3) Неопытный: “***Green Driver: Travel Behaviors Revisited on Fuel Saving and Less Emission***” [24]. («***Зелёный** водитель: Поведение путешественников пересмотрено в отношении вопросов экономии топлива и сокращения выбросов*»).

Еще один пример – термин *cycle*, который может означать:

- периодически повторяющийся процесс: “*The water **cycle** shows the continuous movement of water within the Earth and atmosphere*” [25]. («*Водный **цикл** показывает непрерывное движение воды в пределах Земли и атмосферы*»).

- Велосипед или парковка для подобного вида транспорта: “*The **ECO Cycle** is an automated bicycle parking facility developed with the concept of " Culture Aboveground, Function Underground*” [26]. («***ECO Cycle** – это автоматизированная парковка для велосипедов, разработанная с концепцией «Культура на земле, Функция Underground»*»).

- Группу элементов: “*The carbon **cycle** describes the flow of carbon between each of these places*” [27]. («*Углеродный **цикл** описывает поток углерода между каждым из этих мест*»).

Для сравнения, рассмотрим один из примеров терминов-омонимов в составе англоязычной терминологии «Бережливая логистика».

Так, у термина *plug* были отмечены следующие значения:

- разъем или штепсель для подключения электрического устройства к сети.

Например: “*The four types of providing power to your EV are the ubiquitous three-pin **plug**, Type 2, Chademo and CCS*” [28]. («*Существуют четыре способа*

обеспечения мощности вашего электромобиля: повсеместно распространенный трехконтактный **штекер**, тип 2, Chademo и CCS»).

• Пробка или заглушка для закрытия отверстия или трубы: “A clean out **plug** is a lid or cap that closes off the drain cleanout pipe” [29]. («Очистительная **пробка** – это крышка или заглушка, закрывающая сливную трубу»).

• маленькое молодое растение в небольшом количестве почвы, часто продаваемое в контейнере с секциями, каждая из которых содержит растение: “Before you unpack the **plugs**, make sure your potting area, pots, and soil are ready to go” [30]. («Перед тем, как распаковать **рассаду**, убедитесь, что зона для горшков, горшки и почва готовы к транспортировке»).

Таким образом, в результате предпринятого сопоставительного анализа многозначных терминов в составе терминологии «Бережливая логистика» мы получили следующие результаты: в русской терминологии из 67 многозначных терминов, 38 терминов относятся к категории полисемичных и 29 лексических единиц к категории омонимов. Согласно результатам исследования англоязычного материала сферы «Бережливой логистики», при опоре на метод сопоставления дефиниций было также установлено процентное соотношение полисемичных терминов и терминов-омонимов в составе описываемой терминологии: из 102 многозначных лексических единиц 57 терминов отражают явление полисемии и 45 терминов передают омонимичные значения.

При этом, стоит отметить, что английский язык относится к аналитическому типу, то есть ему не присущ процесс словоизменения; к тому же в английском языке прослеживается опора на порядок слов и вспомогательные слова для выражения грамматических отношений.

Русский язык относится к синтетическому типу языков: он обладает богатой системой словоизменения и в большей степени опирается на окончания и приставки для выражения грамматических отношений.

Данный факт свидетельствует о том, что английский язык располагает возможностями для создания новых словарных единиц путем сращения, суффиксации, префиксации и композиции, в то время как русскому языку свойственна тенденция к созданию новых значений путем изменения формы слова. Это приводит к тому, что в английском языке функционирует большее количество многозначных слов, чем в русском, а также о том, что полисемия в английском языке чаще связана с лексическими, а в русском – с грамматическими факторами.

Список литературы

1. Джабраилова С.Г. Английская медицинская терминология как объект изучения в медицинском вузе / С.Г. Джабраилова, Т.В. Лукоянова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 8-1(71). – С. 68-70. – DOI 10.24412/2500-1000-2022-8-1-68-70. – EDN GCWEQH.
2. Рудинская Л.С. Термины-эпонимы как средство терминообразования (на материале английской гематологической терминологии) / Л.С. Рудинская // Концептуально-терминологическое пространство медицинского знания: Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции, посвященной 50-летию кафедры латинского языка и основ терминологии МГМСУ им. А.И. Евдокимова, Москва, 28–29 января 2021 года. – Москва: Клио, 2021. – С. 210-214. – EDN QBWKTQ.
3. Чернышова Л.А., Черникова Е.О. Непроизводные термины экологии как предмет сопоставительного антропоцентрического анализа / Л.А. Чернышова, Е.О. Черникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 9. – С. 2990-2996. – DOI 10.30853/phil20220501. – EDN AKDYVQ.
4. Юсупова Л.Г., Кузьмина О.Д. Особенности образования компьютерной терминологии английского, немецкого и русского языков // Казанский лингвистический журнал. 2020. №2.
5. Хохлова М.А. Терминология в логистике / М.А. Хохлова // Транспортные системы: безопасность, новые технологии, экология, Якутск, 08 апреля 2022 года. – Якутск: Якутский институт водного транспорта - филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Сибирский государственный университет водного транспорта", 2022. – С. 378-383. – EDN NPGVXS.
6. Рябкова Г.В., Гиниятуллина Д.Р. Научно-технический текст авиационно-экологической тематики в современном английском языке как объект лингвистических исследований // Современное педагогическое образование. 2020. №6
7. Сигитова М.А. Зеленая и экологическая логистика: вектор развития / М.А. Сигитова К.Н. Григорьев // Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий : материалы Международной научно-практической конференции, Хабаровск, 30 апреля 2022 года. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2022. – С. 141-146. – EDN RENMQA.
8. Гарбовский Н.К. Теория перевода : учебник и практикум для академического бакалавриата / Н.К. Гарбовский. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2017. – 413 с. – (Бакалавр. Академический курс).
9. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Викулова Л.Г. Теория языка: Антропологическая лингвистика: учебное пособие. Москва: Издательский дом ВКН, 2021. 256 с.
10. Комиссаров В.Н. Теория перевода: лингвистические аспекты. – М.: Высш. шк., 1990. – 250 с.
11. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель; пер. с древнегреч. – Минск : Литература, 1998. – 512 с.
12. Bréal M. Essai de sémantique (Science des significations) / M. Bréal. – Paris : Librairie Hachette et Cie, 1897. – 352 p.
13. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1972. – 480 с.

14. Рольф. Гибридные автомобили: какими они бывают. Режим доступа: https://www.rolf.ru/blog/kak_rabotaet_gibridnyi_avtomobil__princip__osobnosti__rashod_topliva/ (Дата обращения: 17.03.2024)
15. Auto.ru. Журнал. Режим доступа: <https://auto.ru/mag/article/trucktorforsale/> (Дата обращения: 17.03.2024)
16. Авто Альянс. Система рециркуляции выхлопных газов. Режим доступа: <https://www.autoopt.ru/articles/products/3853576> (Дата обращения: 17.03.2024)
17. DNS. Горячая вода с циркуляцией: что это и как сделать в своём доме. Режим доступа: <https://club.dns-shop.ru/blog/t-21-boileryi-kosvennogo-nagreva/74035-goryachaya-voda-s-retsirkulyatsiei-cto-eto-i-kak-sdelat-v-svoem-dom/> (Дата обращения: 17.03.2024)
18. Комсомольская правда. В Нижнем Новгороде появится первый в стране экокаршеринг. Режим доступа: <https://www.nnov.kp.ru/online/news/4115383/> (Дата обращения: 17.03.2024)
19. Сберегаем вместе. Что экологичнее: каршеринг или личная машина. Режим доступа: <https://sberegaem-vmeste.ru/publications/chto-ekologichnee-karshering-ili-lichnaia-mashina> (Дата обращения: 17.03.2024)
20. Экобус. Режим доступа: https://manbw.ru/analytics/ecobus_microturbine.html (Дата обращения: 17.03.2024)
21. Метеовести. Прогноз погоды и новости от Фобос. Режим доступа: <https://www.meteovesti.ru/news/63715641665-ekobusy-royavyatsya-v-velikobritanii> (Дата обращения: 17.03.2024)
22. Car and Driver. News. Ten green cars to help celebrate St. Patrick's Day. Режим доступа: <https://www.caranddriver.com/features/g31449352/10-green-cars-gallery/> (Дата обращения: 17.03.2024)
23. Blue and Green tomorrow. Are electric cars become more popular recent years? Режим доступа: <https://blueandgreentomorrow.com/energy/are-electric-cars-becoming-more-popular-in-recent-years/> (Дата обращения: 17.03.2024)
24. ResearchGate.net. Publications. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/322782278_Green_Driver_Travel_Behaviors_Revisited_on_Fuel_Saving_and_Less_Emission#pf5 (Дата обращения: 17.03.2024)
25. National Oceanic and Atmospheric Administration. Режим доступа: <https://www.noaa.gov/education/resource-collections/freshwater/water-cycle#:~:text=The%20water%20cycle%20shows%20the,form%20of%20rain%20and%20snow.> (Дата обращения: 17.03.2024)
26. Giken Ltd. ECO Cycle. Режим доступа: <https://www.giken.com/en/products/ecocycle/> (Дата обращения: 17.03.2024)
27. National Geographic. Education. Режим доступа: <https://education.nationalgeographic.org/resource/carbon-sources-and-sinks/> (Дата обращения: 17.03.2024)
28. BBC Top Gear. Electric. Режим доступа: <https://www.topgear.com/car-news/electric/what-sockets-do-electric-cars-use-and-what-do-they-mean> (Дата обращения: 17.03.2024)
29. J. Blanton. Plumbing. Режим доступа: <https://jblantonplumbing.com/what-is-a-clean-out-plug-and-how-does-it-work/> (Дата обращения: 17.03.2024)
30. Bonnie Plants. How to grow and care for plants? Режим доступа: <https://bonnieplants.com/blogs/how-to-grow/how-to-grow-and-care-for-plugs> (Дата обращения: 17.03.2024)

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81" 33

Сафроненкова Е.Л. Композиционные особенности англоязычной рецензии

Сафроненкова Елена Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка
Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Архангельск
e.safronenkova@narfu.ru

Structural features of an English book review

Safronenkova Elena Leonidovna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal
University named after M.V. Lomonosov. Russia, Arkhangelsk, Severnaya Dvina emb.

Аннотация. В статье рассматривается научно-критический текст рецензии на монографию. Целью статьи является выявление композиционных особенностей англоязычной рецензии. Анализ примеров показал, что композиция англоязычной рецензии состоит из двух блоков: информационного и оценочного. Для информационного блока типична прямая номинация цели, вопросов, обсуждаемых в рецензируемой книге: *subject, topic*, а также высокочастотны глаголы со значением «изучать»: *to present, to explore, to deal with* и др.; глаголы, выражающие последовательность элементов монографии: *to consist of, to begin, to move on* и др. Оценочный блок представлен оценочными лексемами, выражающими положительную и негативную критику работы: *successful, valuable, well-balanced, thoroughly researched, important, eloquently written, the least satisfying, limited, little, strained, sadly*. Типична прямая номинация критикуемых аспектов: *approach, investigation, questions, argument, analysis, chapter, book, volume, work, illustrations, sections, evidence*.

Ключевые слова: научно-критический текст, научная рецензия, композиция, критика, оценка.

Abstract. The paper analyzes structural features of an English academic book review. The results indicate that the structure of an English academic book review consists of two sections: an informative part and an evaluative one. The informative section is mainly represented by direct nomination of aims, issues covered in the book under review: *subject, topic*; verbs meaning "to study" are also frequently used *to present, to explore, to deal with, etc.*; verbs denoting sequence of book elements are used in this part: *to consist of, to begin, to move on, etc.* The evaluative section of a book review is expressed through the use of positive and negative evaluative lexemes: *successful, valuable, well-balanced, thoroughly researched, important, eloquently written, the least satisfying, limited, little, strained, sadly*. Direct nomination of criticized aspects is widely used in this part: *approach, investigation, questions, argument, analysis, chapter, book, volume, work, illustrations, sections, evidence*.

Keywords: an academic text, an academic review, structure, criticism, evaluation.

Процедура рецензирования является ключевым этапом в сложившейся системе оценивания научного результата. Специалисты признают все возрастающую роль рецензирования в научном сообществе. В современной науке процедура оценивания сохранила свое центральное назначение создавать и поддерживать барьеры, фильтры на входе в мир науки и поддерживать механизм накопления авторитета и доверия в науке. Роль рецензирования считается значимой и «безальтернативной», ср.: [1, р. 131]. Рецензирование оказывает существенное влияние на формирование новых исследовательских направлений, на специализацию науки. Рецензия рассматривается как один из ключевых коммуникативных инструментов науки и главная составляющая академической среды.

В рамках данной статьи рассматривается научно-критический текст в современной научной коммуникации, а именно рецензия. К научно-критическим текстам кроме рецензии также принято относить обзор, отзыв о диссертации, заключение о возможности опубликования работы. Главными признаками научно-критических текстов являются обсуждение, критический разбор и оценка первичного текста. Рецензии в свою очередь можно подразделить на рецензии на опубликованную работу (статью/монографию) и рецензии на неопубликованную работу (квалификационную работу/ статью). В этой связи следует отметить, что оба типа рецензий имеют свою специфику. Так, рецензирование квалификационных работ имеет более формализованный характер и непосредственно связано с процедурами присвоения научных степеней, влияет на получение административного поощрения. Рецензия на неопубликованную работу доступна узкому кругу специалистов. Рецензирование же опубликованных монографий носит постпубликационный характер и реализуется в форме публичного высказывания [2]. Рецензия на опубликованную работу всегда доступна широкому кругу специалистов, экспертов, читателей. При этом роль монографии в распространении нового научного знания наиболее существенна, именно монография считается сутью индивидуального вклада в науку и традиционно связывается с новым результатом и продвижением знания в научном дискурсе.

В фокусе внимания данной статьи находится рецензия на опубликованную работу. Интерес именно к данному типу рецензий обусловлен выделенностью рецензионного суждения из общего потока научной дискуссии. Рецензии на монографии включены в самостоятельный раздел научного журнала, так как именно монография выступает квинтэссенцией индивидуального вклада в науку, а ее выходу

в свет придается статус события в научной жизни. Кроме того, рецензии выступают важным элементом информационной инфраструктуры науки. Несмотря на то, что в качестве средства мониторинга рецензии в последнее время уступают место электронным базам и системам поиска, их значение как информационного источника все же сохраняется. Подтверждением этого может служить появление специализированных систем поиска рецензий.

Материалом для исследования послужили 40 англоязычных рецензий, опубликованных в научных журналах гуманитарного профиля *The American Journal of Philology* (2010-2018), *English Studies* (2018-2020), *Journal of Multilingual and Multicultural Development* (2017-2020).

Целью данной работы является анализ композиционных особенностей англоязычной рецензии. Композиция предполагает подход к тексту со стороны его содержательного (смыслового) наполнения: и применительно к научному тексту, «формальное выражение логической структуры отраженных в тексте научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ» [3, с. 48]. Таким образом, в композиционном членении объединяются формальный и смысловой аспекты научного текста. Известно, что рецензия представляет собой вторичный текст [4], который содержит конечные результаты аналитико-синтетической переработки первичного текста, созданного другим автором. Основной задачей научных текстов вторичного характера является распространение в научном обороте информации о новых достижениях, и они выполняют коммуникативно-посредническую функцию.

К структуре англоязычной рецензии обращался в своих работах Д. Мотта-Рот. В работах данного автора были представлены типичные текстовые приемы (риторические шаги), характерные для структуры рецензии: представление книги, характеристика содержания, характеристика частей текста и оценка книги [5]. Основываясь на коммуникативных функциях рецензии, В.Е. Чернявская представила структуру данного жанра научно-критического текста (на материале русскоязычных рецензий), состоящую из следующих композиционных блоков: информационно-дескриптивный (описательный), информационно-оценочный, экспликативно-оценочный и аргументативно-оценочный [6].

Анализ корпуса англоязычных рецензий позволил выделить следующие особенности композиции. Композиционная модель английской рецензии состоит из информационного и оценочного блоков. Информационный блок включает в себя следующие компоненты: сообщение информации о первичном тексте, его цели, рассматриваемых вопросах, научной области, в которой представлен научный

результат, характеристика основных положений авторской концепции. В данном блоке рецензент также представляет структуру работы автора, дает общую характеристику каждого их элементов содержания (глав монографии). Для иллюстрации приведем примеры из проанализированного корпуса рецензий:

1) **The subject of Burns' study** is the long, wide, colonnaded streets that acted as a "central unifying element" (vii) of the urban layout primarily among the cities of the Roman East. [1, p.814]

2) **The new book by Hewings**, assesses evidence for associations in Roman and late Roman Egypt from the annexation of the province in 30 BCE until the seventh century [2, p.224]

3) This rhythm, and the people who enacted it, are **the main organizing principles of the book** [3, p.722].

4) **Strunk presents his arguments in four substantial chapters**, each of which engages with a distinct aspect of Tacitus' understanding of *libertas*. [4, p.355]

5) **The book consists of six chapters**, as well as an Introduction and Conclusion [1, p.814].

6) **Chapter 1, the introduction, begins by** laying out the main arguments of the book, and then proceeds with a programmatic example [4, p.355].

Типична прямая номинация цели, вопросов, обсуждаемых в рецензируемой книге: *subject, topic, theme, aim, purpose, study, book, chapter*. Высокочастотны глаголы со значением «изучать, рассматривать», используемые автором для описания частей (глав) монографии: *to present, to explore, to deal with, to treat, to focus, to analyse, to argue, to discuss, to address*; глаголов, выражающих последовательность, структуру элементов монографии: *to consist of, to begin, to move on, to introduce, to turn*.

Оценочный блок включает в себя положительную и/отрицательную оценку рецензируемой работы. Критик выделяет наиболее значимые достоинства и недостатки работы, аргументирует свою оценку, цитируя элементы содержания первичного текста. При этом содержанием оценки могут служить как содержание книги, так и форма изложения. Оцениваемые содержательные компоненты включают в себя новизну, оригинальность, актуальность, перспективность исследования. Среди формальных аспектов, подвергаемых критике: наглядность, ясность, степень разработанности материала, практическая значимость результатов. Техническое оформление работы (качество иллюстраций, опечатки и т.д.) также может оцениваться в данном блоке. Заключительный параграф рецензии, как

правило, содержит четко сформулированную позицию автора о рецензируемой работе. На данном этапе критик рекомендуют или не рекомендуют анализируемый текст к прочтению. Примеры, иллюстрирующие критику содержательных аспектов работы:

7) *Such a well-balanced approach is successful and less liable to cause disagreement than more extreme views* [5, p.723].

8) *This is a valuable and thoroughly researched investigation, which asks important questions about the development of Athens and the funding of its religious observances* [3, p.721].

9) *This is the part of the book that is the least satisfying, and the reader wishes that the writer would have done more investigation into the nature of that dynastic or elite-factional dynamic* [1, p.815].

10) *This argument feels strained and there is little reference to recent scholarship* problematizing the very plasticity of such foundation legends [5, p.724].

11) *Strunk's analysis is lively and engaging, but there were some aspects which struck this reviewer as being somewhat problematic* [4, p.356].

Примеры, иллюстрирующие критику формальных аспектов работы:

12) *Each chapter and the whole are logically organized, clearly signposted, and eloquently written. The whole book is a pleasure to read, and the argument is easy to follow, without sacrificing rigor or subtlety* [2, p.225].

13) *This will make Burns' volume accessible to a wider audience and so his will be a more useful addition to any university or college library, although its exorbitant price tag might make such a purchase difficult* [1, p.815].

14) *Overall Rogerson's work is a useful contribution to Roman urban studies. It is thoroughly researched, well-argued, and well-illustrated* [6, p.167].

15) *It usefully features many hand-drawn illustrations, although it would have been helpful if the pages on which they are featured were included in the "List of Figures" (xiii–xvii), since some are cited only by their figure number in sections other than the ones where the image appears. But this is a very minor complaint and the book is very well produced in both its hard copy and online versions* [4, p.356].

16) *Sadly, there are only two cartoons and two portraits reproduced in the book so there is limited evidence for this claim* [6, p.168].

17) *In sum, I think that McCarter's book is a very good contribution to Horatian studies and will be of great help both to the specialist (particularly interpreters*

and commentators) and to general readers interested in an up-to-date and reliable introduction to the Epistles [7, p.750].

В приведенных примерах использованы оценочные лексемы, выражающие положительную критику работы, такие как *successful, valuable, well-balanced, thoroughly researched, important, eloquently written, useful, lively and engaging*, а также лексемы, актуализирующие негативную критику - *the least satisfying, limited, little, strained, sadly*. Типична прямая номинация критикуемых аспектов: *approach, investigation, questions, argument, analysis, chapter, book, volume, work, illustrations, sections, evidence*.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы. Научно-критический текст рецензии предстает сегодня в функциональной и жанровой вариативности. Композиционная модель англоязычной рецензии включает в себя два основных блока; информационный и оценочный, каждый из которых актуализируется типичными языковыми структурами. Информационный блок занимает значительную часть английской рецензии. Критика, выражаемая в рецензиях англоязычных авторов, сдержанна, степень ее категоричности невысокая.

Список литературы

1. Reinhart M., Krüger A., Hesselmann F. Nach der Bewertung ist vor der Bewertung – Sichtbarkeit und Emotionalität als verbindende Elemente von Bewertungsprozessen. Nicolae et al. (Hrsg.) (Be) Werten. Beiträge zur sozialen. In *Soziologie des Wertens und Bewertens*. Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH. 2019. P. 125–145.
2. Долгорукова Н.М., Плешков А.А. Научное рецензирование в гуманитарных дисциплинах: Жанр, исследования, тексты: коллект. моногр. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 287 с.
3. Степанов Г. Б. О художественном и научном стилях речи // Вопросы языкознания. М., 1994. № 4. С. 45-52.
4. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: Учебное пособие. Изд.4-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 128 с.
5. Motta-Roth D. Discourse Analysis and Academic Book Reviews: A Study of Text and Disciplinary Cultures. In *Genre Studies in English for Academic Purposes*. Coll J. F., Fortanet I., Palmer J. C., Posteguillo S. (Eds). Castello de la Plana, Spain: Universitat Jaume. 1998. P.29–58.
6. Chernyavskaya V. E. Negative evaluation in Russian academic book review: across critical reflection and ritual genre (based on reviews of monographs on sociology in 2015–2022)// J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.. 2022. 15(11). P. 1680–1698.

Источники иллюстративного материала

1. Denton J.M. Book review: Burns M. Sound Change and the History of English. Oxford: Oxford University Press, 2009. 262 pp. // *English Studies*, 2010.91:7. P. 814-815. Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/toc/nest20/91/7?nav=toCList> (Дата обращения: 05.03.2024)

2. Rainsford D. Book review: Hewings A., Prescott L., Sargeant P. *Futures for English Studies: Teaching Language, Literature and Creative Writing in Higher Education*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. 268 pp. // *English Studies*, 2018. 99:2, P.224-226. Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/toc/nest20/99/2?nav=toCList> (Дата обращения: 05.03.2024)
3. Westall R. Book review: Muntz Ch.E. *Diodorus Siculus and the World of the Late Roman Republic*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 284 pp.// *The American Journal of Philology*. 2018. Vol 139. №4. P.719-722. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/e48504587> (Дата обращения: 05.03.2024)
4. Ash R. Book review: Strunk T.E. *History after Liberty: Tacitus on Tyrants, Sycophants, and Republicans*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2017. 221 pp. // *The American Journal of Philology*. 2018. Vol 139. №2. P.353-356. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/e48502577> (Дата обращения: 05.03.2024)
5. Clark J.H. Book review: Cornwell H. *Pax and the Politics of Peace*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 272 pp. // *The American Journal of Philology*. 2018. Vol 139. №4. P.722-724. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/e48504587> (Дата обращения: 05.03.2024)
6. Pogorzelski R.J. Book review: Rogerson A. *Virgil's Ascanius: Imagining the Future in the Aeneid*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 237 pp.// *The American Journal of Philology*. 2018. Vol 139. №1. P.165-168. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/e48502576> (Дата обращения: 05.03.2024)
7. Cucchiarelli A. Book review: McCarter S. *Horace between Freedom and Slavery: The First Book of Epistles*. *Wisconsin Studies in Classics*. Madison: University of Wisconsin Press, 2015. 378 pp.// *The American Journal of Philology*. 2017. Vol 138. №4. P.747-750. Режим доступа: https://www.jstor.org/stable/48545446?read-now=1#page_scan_tab_contents (Дата обращения: 05.03.2024)

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

УДК 811.1

Симов Д. С. Новый уголовный кодекс Индии (*Bharatiya Nyaya (Second) Sanhita Bill 2023 (BNS2)*): терминологический анализ и особенности перевода

Симов Дмитрий Сергеевич

Магистрант, Российский государственный социальный университет, РФ, Москва
simow.d@mail.ru

The New Indian Penal Code (*Bharatiya Nyaya (Second) Sanhita Bill 2023 (BNS2)*): Terminological Analysis and Translation Peculiarities

Simov Dmitry Sergeevich

Master's student, Russian State Social University, Russia, Moscow

Аннотация. В данной работе была предпринята попытка анализа и перевода некоторых юридических терминов *Bharatiya Nyaya (Second) Sanhita Bill 2023 (BNS2)* на русский язык. Проанализировав особенности новых терминов *BNS2* и новые толкования терминов, ранее представленных в *Indian Penal Code 1860 (IPC)*, а также сравнив их с терминами российского права, были описаны сложности, стоящие на пути точного перевода. Как видно из работы, для передачи точного смыслового объема терминов необходимо глубокое понимание правовой системы. Данная работа может представлять интерес не только для лингвистов и переводчиков, но и для юристов, занимающихся сравнительным правоведением.

Ключевые слова: юридический перевод, индийское право, юридический термин, функциональный эквивалент, уголовный кодекс Индии

Abstract. In this paper an attempt has been made to translate some of the legal terms of *Bharatiya Nyaya (Second) Sanhita Bill 2023 (BNS2)* into Russian. By analyzing the features of the new *BNS2* terms and the new interpretations of the terms earlier introduced in the *Indian Penal Code 1860 (IPC)* and comparing them with the terms of Russian law, the difficulties standing in the way of accurate translation have been described. As can be seen from the paper, a thorough understanding of the legal system is required to convey the exact semantic scope of the terms. This work may be of interest not only to linguists and translators, but also to lawyers engaged in comparative jurisprudence.

Key words: legal translation, Indian law, legal term, functional equivalent, Indian Penal Code

Введение. 11 августа 2023 года министр внутренних дел Республики Индии Амит Шах (*Amit Shah*) на заседании нижней палаты парламента Индии (*Lok Sabha*) представил 3 законопроекта: *Bharatiya Nyaya Sanhita Bill 2023 (BNS)*, *Bharatiya Nagarika Suraksha Sanhita Bill 2023 (BNSS)* и *Bharatiya Sakshya Bill 2023 (BSB)*. Уже к концу 2023 года все 3 документа года были доработаны и приняты как нижней

палатой (*Lok Sabha*), так и верхней палатой (*Rajya Sabha*) парламента, а также получили одобрение президента Индии Драупади Мурму (*Draupadi Murmu*). Как отмечается, новые законы призваны избавиться от британского колониального наследия, защитить конституционные свободы, а также сохранить «индийскую душу» [9; 17]. Несмотря на то, что в индийском обществе высказываются сомнения о соответствии содержания новых документов указанным целям [14; 18], в них отсутствуют ранее существующие термины такие, как *British calendar, Her Majesty Queen, British India, British Crown, Court of Justice in England, adultery, sedition, unnatural offences* и т. д. В данной работе мы подробнее остановимся на терминологических и переводческих особенностях доработанного законопроекта *Bharatiya Nyaya (Second) Sanhita Bill 2023 (BNS2)*.

Цели и методы исследования. Качество перевода определяется в первую очередь адекватной и эффективной смысловой передачей содержания, что предполагает решение определенных задач. Современная теория юридического перевода выделяет различные методы и стратегии в качестве инструментов перевода. Однако на практике переводчики сталкиваются с определенными трудностями при их выборе, поскольку необходимо учитывать различные факторы лингвистического и/или экстралингвистического характера. Цели данной работы – раскрыть особенности терминов *Bharatiya Nyaya (Second) Sanhita Bill 2023 (BNS2)*, а также определить стратегию их перевода на русский язык. Ради достижения этих целей применяются следующие методы: метод сплошной выборки, благодаря которому нами были отобраны термины для анализа и перевода, метод сравнительного анализа, который заключается в описании сходств и различий семантического объема определений юридических терминов *Bharatiya Nyaya (Second) Sanhita Bill 2023 (BNS2)*, *Indian Penal Code 1860 (IPC)* и российского права; и метод контекстуального анализа, который способствует выявлению значения термина в определенном контексте в пределах минимального отрезка текста.

Краткая история формирования и развития индийского права. Перед тем, как приступить непосредственно к изучению терминологических особенностей *BNS2*, необходимо дать краткий комментарий по истории становления индийского права, чтобы иметь более точное представление об индийском праве вообще.

Индия располагает одной из старейших правовых систем в мире, ее законы уходят корнями в глубь веков. Историю становления права в Индии можно условно разделить на 4 периода:

1. *Ведический период.* В данный период формировалось классическое индуистское право, в котором основными источниками признавались Шрути (*Sruti*), Смрити (*Smirti*), состоящий из 4 Вед (*Veda*), дхармасутры и дхармашастры и другие обычаи [1, с. 19-26]. Главной целью закона в Ведический период было соблюдение дхармы (*dharma*). Важно отметить, что в этот период санскрит сыграл значительную роль в формировании языка индийских юридических документов. Использование санскрита в юридических документах обеспечило стандартизацию и согласованность в различных регионах. Появление местных языков, таких как хинди, тамильский, бенгальский и другие, обеспечило большую доступность и понимание среди населения в целом. Юридическая терминология была переведена на эти языки, чтобы сделать правовую систему более доступной.

2. *Исламский период.* Исламское право (шариат и фикху) формировалось во время правления династии Мамлюков (1206-1290 гг. н.э.), династии Хильджи (1290-1321), династии Туглукидов (1321-1413), династии Лоди (1451-1526) и династии Сур (1539-1555), а также империи Великих Моголов (1526-1540 и 1555-1858). В этот период шариатский суд рассматривал дела, связанные с мусульманским общинно-персональным правом (*Muslim personal law*) [14]. Здесь основными языками права были арабский и персидский.

3. *Британский колониальный период.* Вместе с Британской Ост-Индской компанией в Индию пришло общее право. Компания получила хартию от короля Георга I в 1726 году на учреждение судов в Мадрасе, Бомбее и Калькутте (ныне Ченнаи, Мумбаи и Колката соответственно). В этот период британцы активно внедряли принципы общего права, при этом сохраняя и/или изменяя некоторые особенности индуистского и исламского права. В этот период английский язык стал средством общения в судах, законодательных органах и в юридических документах.

4. *Современный период.* Современная Республика Индия, получившая независимость в 1947, обладает уникальной системой права, поскольку сочетает в себе особенности англо-американской, романо-германской, индуистской и исламской правовых семей [2; с. 44-45]. Такое сочетание разнообразных правовых систем приводит к заключению, что индийская правовая система является смешанной. Однако она во многом зиждется на именно принципах общего права, введенных в колониальный период. Например, в судах Индии по-прежнему ссылаются на прецеденты колониальной эпохи, а также действуют законы, принятые в тот же период (*Indian Penal Code, 1860, Indian Contract Act, 1872, The Transfer of Property Act 1882 и т. д.*). Как было указано во введении, в современный период наблюдается

тенденция отхода от колониальных практик, однако значение английского языка по-прежнему велико – именно он является основным языком суда [12].

Краткое описание *Bharatiya Nyaya (Second) Sanhita Bill 2023 (BNS2)*. *BNS2* заменит собой уголовный кодекс Индии (*Indian Penal Code 1860 (IPC)*), который был, как отмечается, «точной копией британской уголовной практики, подготовленной не для помощи и защиты индийского населения, а для его контроля и наказания» [8]. Новый уголовный кодекс (*BNS2*) структурно и содержательно значительно отличается от предыдущего уголовного кодекса *IPC*. Так, в *BNS2* всего 358 статей, в то время как в *IPC* – 511. Кроме того, *BNS2* уделяет приоритетное внимание преступлениям против женщин и детей, а также наказанию за разные формы убийства, объединяя разрозненные положения предыдущего уголовного кодекса в отдельную главу – Глава V (*Chapter V*). Примечательно, что законодательство вводит некоторые гендерно нейтральные положения, строгие наказания за преступления, организованные группой лиц, и терроризм, а также новые правонарушения, связанные с призывом к сепаратизму и деятельностью, ставящей под угрозу суверенитет и целостность Индии. Кроме того, увеличиваются штрафы и сроки отбывания наказания за различные преступления.

Терминологический анализ и особенности перевода *BNS2*. Некоторую сложность для перевода представляют следующие термины, найденные в *BNS2*: «*child*», «*boy*», «*girl*», «*man*», «*woman*». Согласно определению, «*child*» означает «*any person below the age of eighteen years*» («любое лицо, не достигшее восемнадцати лет») [16, ст. 2 п.3]. Данный термин примечателен тем, что в новом документе он понимается широко, поскольку подчинил себе термин «*minor*» («несовершеннолетний/-ая»), который наравне с «*child*» используется в *IPC* [17]. В *IPC* эти 2 термина имеют несколько разное значение и контекст использования. Так «*child*» применяется в словосочетаниях «*child under seven years of age*» («ребенок, не достигший семи лет») [11, ст. 82], «*child above seven and under twelve years*» («ребенок старше семи и младше двенадцати лет» [там же, ст. 83] и «*child under ten years*» («ребенок, не достигший десяти лет») * [там же, ст. 369]. «*Minor*», в свою очередь, используется, например, в словосочетании «*minor girl under the age of eighteen years*» («несовершеннолетняя девушка, не достигшая восемнадцати лет») [там же ст. 365 п. А]. В ст. 87 ч. 1 Уголовного кодекса РФ также существует термин «несовершеннолетние», которому дано несколько иное определение: «...лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет» [5]. В Гражданском кодексе РФ присутствует термин

«малолетние», который означает несовершеннолетних, «не достигших четырнадцати лет» [3]. Как представляется, в поисках более точного эквивалента слова «*child*» в его новом значении можно прибегнуть к ст. 1 Семейного кодекса РФ [4], в котором указано, что ребенок – это «лицо, не достигшее восемнадцати лет». Но в зависимости от контекста использования данный термин следует уточнять: «ребенок, не достигший семи лет», «ребенок, не достигший десяти лет», «ребенок, не достигший двенадцати лет». Термины «*man*» и «*woman*» в тексте *BNS2* также определяются широко – «*man*» означает «*a male human being of any age*» («“мужчина” означает лицо мужского пола любого возраста»), а «*woman*» – это «*a female human being of any age*» («“женщина” означает лицо женского пола любого возраста»). Так, например, ст. 65 ч. 1 и 2 предусматривает наказание для мужчины, совершившего «*rape on a woman under sixteen years of age*» («изнасилование женщины, не достигшей шестнадцатилетнего возраста») и «*rape on a woman under twelve years of age*» («изнасилование женщины, не достигшей двенадцатилетнего возраста»). Таким образом, термины «*man*» и «*woman*» существуют в качестве противопоставления другу по половому признаку и, как правило, употребляются в контексте преступления мужчины против женщины. В этой связи также важно рассмотреть соотношение терминов «*boy*» и «*girl*». Оба термина встречаются в ст. 141 о наказании за незаконный импорт из других стран и понуждение к половому сношению «*any girl under the age of twenty-one years or any boy under the age of eighteen years*» («любой девушки, не достигшей двадцати одного года или любого юноши, не достигшего восемнадцати лет»). Таким образом, 4 термина «*child*», «*man*», «*woman*», «*boy*» и «*girl*» имеют некоторое семантическое пересечение, поскольку некая X может одновременно выступать в качестве «*child*», «*girl*» и «*woman*», а некий Y – в качестве «*man*», «*child*» и «*boy*». Для избежания путаницы, переводчику, как нам кажется, следует применить стратегию форенизации, а также дополнительно указывать возраст лиц там, где это требуется.

Еще одной переводческой сложностью выступает термин «***transgender***». В *BNS2* с ссылкой на *Transgender Persons (Protection of Rights) Act, 2019* [16] представлено следующее определение этого понятия: “*Transgender person*” means a person whose gender does not match with the gender assigned to that person at birth and includes trans-man or trans-woman (whether or not such person has undergone Sex Reassignment Surgery or hormone therapy or laser therapy or such other therapy), person with intersex variations, genderqueer and person having such socio-cultural identities as kinner, hijra, aravani and jogta» (перевод: “Трансгендер” означает лицо,

чей пол не совпадает с полом, приписанным ему при рождении, а именно транс-мужчину или транс-женщину (независимо от того, подвергалось ли такое лицо операции по изменению пола, гормональной терапии, лазерной терапии или другой терапии), лицо с интерсексуальными вариациями, гендерквир и лицо с такой социокультурной идентичностью, как киннер, хиджра, аравани и джогта). Определение, безусловно, является широким и требует подробного анализа, но здесь мы бы хотели остановиться на понятиях «*kinner*», «*hijra*», «*aravani*» и «*jogta*». Слово из хинди «*hijra*» (часто в пейоративном значении), которое означает «евнух», «интерсекс», «гермафродит». Во многих странах Южной Азии «*hijra*» официально признаны третьим «полом» [9]. Как отмечается, «*hijra*» относят себя к разным древним школам мысли, которые, например, относят себя к гермафродитам и негативно относятся к рынку сексуальных услуг, а также верят, что за счет соблюдения древних практик и богослужебных обрядов можно обеспечить себе праведную жизнь и пропитание. Другие – рождаются биологическими мужчинами, но поведением и внешним видом соотносят себя с женщинами, а также зачастую работают на рынке сексуальных услуг и попрошайничают [10]. Переводчику, как представляются, данные знания лингвокультурных и правовых традиций необходимы для более полного перевода, поэтому при переводе понятия «*transgender*» предлагается указать, с помощью транслитерации, что в это понятие входят «лица с такой социокультурной идентичностью, как киннер, хиджра, аравани и джогта».

Следующей сложностью при переводе выступают термины «*unsound mind*» и «*immature understanding*». Оба вышеназванных термины также указаны в *IPC* наравне с «*idiot*», «*lunatic*», «*insane*», однако от употребления последних в новом документе решили отказаться в связи с их оскорбительным значением. В *BNS2* нет определений данных терминов, а также ссылок на иные источники, где бы раскрывалось их значение. Тем не менее, эти термины имеют разный контекст использования, соответственно, должны иметь разный перевод. Так, понятие «*unsound mind*» используется в контексте способности нести уголовно-правовую ответственность за совершенное преступление. В ст. 36 п. (а) приведен пример: «*Z, a person of unsound mind, attempts to kill A; Z is guilty of no offence. But A has the same right of private defence which he would have if Z were sane*» (перевод: «*Z, лицо, признанное невменяемым, совершает попытку убийства лица А; Z признается невиновным в совершении правонарушения. Но А имеет такое же право на необходимую самооборону, которым мог бы обладать Z, если бы был вменяемым*»). Как видно из примера, «*unsound mind*» сопровождается словом «*sane*» (вменяемый,

здравомыслящий). Как нам представляется, термин «невменяемый», взятый на основании ст. 21 УК РФ, может служить примером применения стратегии доместификации при переводе термина «*unsound mind*». «*Immature understanding*», в свою очередь, используется в качестве основания для освобождения от ответственности ребенка от 7 до 12 лет, который, как указано в ст. 21 «... *has not attained sufficient maturity of understanding to judge of the nature and consequences of his conduct on that occasion*» («...не достиг достаточной психической зрелости, чтобы судить о характере и последствиях своего поведения в указанном случае»). В качестве перевода термина «*immature understanding*» предлагается раскрыть сущность этого термина, а также возраст, к которому он относится: «психическая и социальная незрелость ребенка от 7 до 12 лет».

Далее мы рассмотрим термин «***petty organised crime***». Это новый термин *BNS2*, к которому, в отличие от «*organised crime*», относятся менее тяжкие преступления, совершенные группой лиц, организованной группой или преступным сообществом, такие, как кража, незаконная продажа билетов, незаконные организация и проведение азартных игр и т. д. К «*organised crime*», в свою очередь, относятся следующие преступления: похищение человека, грабеж, организация и осуществление заказных убийств, торговля людьми, наркотиками, оружием, киберпреступления и т. д. Статья 15 УК РФ выделяет следующие 4 категории преступления: преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления. Вероятно, в качестве эквивалента слова «*petty*» может выступать словосочетание «небольшой тяжести», которое, хоть и не охватывает всех особенностей *BNS2*, но передает их сущность и разграничивает термины просто «*organised crime*» («преступление, организованное группой лиц») и «*petty organised crime*» («преступление небольшой тяжести, организованное группой лиц»).

В этой статье присутствует еще один термин, требующий нашего внимания, – «***hawala transaction***». Хавала или хевала (حوالة) – это слово арабского происхождения, которое означает передачу, доверенность, расписку [12]. В Индии ее также называют «*hundi*» («хунди»). Это неформальный, нерегулируемый способ перевода иностранной валюты в страну и за рубеж. Такая система зародилась в странах Южной Азии, в частности, в исламском обществе в VIII веке. Такие транзакции осуществляются через посредника, которого называют «*hawaladar*» («хаваладар»). Транзакции совершаются исключительно на основе доверия, которое лицо оказывает хаваладару [там же]. В российском праве нет точного соответствия

данному термину, однако «неправомерный оборот средств платежей», указанный в ст. 187 УК РФ, может выступать в качестве функционального эквивалента. Таким образом, предлагается следующий перевод термина «*hawala transaction*» — «транзакции хавала (незаконный оборот средств платежей)».

Другой термин, требующий анализа, — это «*deceitful means*». Этот термин применяется в ст. 69 *BNS2* о наказании мужчины за вступление в половую связь с женщиной путем ложного обещания жениться на ней, а также с помощью «*deceitful means*». В «Объяснении» («*Explanation*») сказано, что под «*deceitful means*» понимается «...*inducement for, or false promise of employment or promotion, or marrying by suppressing identity*» («...*побуждение уволиться с основного места работы и устроиться на работу к заинтересованному лицу, ложное обещание трудоустройства или продвижения по службе, а также вступление в брак путем сокрытия личности*»). Для перевода данного многозначного термина предлагается использовать словосочетание «обманным путем», которое, исходя из контекста, стоит пояснить – «ложное обещание трудоустройства», «вступление в брак путем сокрытия личности».

Заключение. Науке о переводе известны различные стратегии, которые могут быть применены при переводе юридических терминов. В данной работе на материале терминов *Bharatiya Nyaya (Second) Sanhita Bill 2023 (BNS2)* нами были использованы форенизация, доместификация, подбор функционального эквивалента, описательный перевод, транслитерация. Каждая из примененных стратегий имеет свои ограничения, поэтому переводчику следует подробнее знакомиться с особенностями индийского и российского права и рассматривать каждый термин отдельно, чтобы решить, какую из стратегий и способов перевода следует применить.

Примечания

* Все названные использования сохраняются и в *BNS2* – Д.С.

Список литературы

1. Крашенникова Н. А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты [Текст] / Крашенникова Н. А. — . — Москва: НОРМА, 2009 — 303 с.
2. Пчелинцева В.В. Общая характеристика смешанной правовой системы Республики Индия // Евразийский Союз Ученых. 2020. №1 (70). С. 38-44.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: [ред. от 29.12.2017] // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
4. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 223-ФЗ: редакция от 29 мая 2019 года: принят

- Государственной думой 8 декабря 1995 года. – Текст: электронный // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.
5. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК: текст с изменениями и дополнениями на 1 августа 2017 года: [принят Государственной думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. – Москва: Эксмо, 2017. – 350 с.; 20 см. – (Актуальное законодательство). – 3000 экз. – ISBN 978-5-04- 004029-2. – Текст: непосредственный.
 6. Abdullah, Muhammad & Basharat, Zeeshan & Kamal, Bilal & Sattar, Nargis & Hassan, Zahra & Jan, Asghar & Shafqat, Anum. (2012). Is social exclusion pushing the Pakistani Hijras (Transgenders) towards commercial sex work? a qualitative study. BMC international health and human rights. 12. 32. 10.1186/1472-698X-12-32.
 7. Bharatiya Nyaya Sanhita, 2023 / [Электронный ресурс] // Free Law: [сайт]. - URL: <https://www.freelaw.in/legalarticles/Bharatiya-Nyaya-Sanhita-2023> (дата обращения: 26.03.2024).
 8. Bharatiya Nyaya (Second) Sanhita Bill 2023
 9. Bhaumik A. Revised criminal law bills: Key changes explained / Bhaumik A. [Электронный ресурс] // The Hindu: [сайт]. — URL: <https://www.thehindu.com/news/national/revised-criminal-law-bills-the-key-changes-explained/article67637348.ece> (дата обращения: 26.03.2024).
 10. Hossain, Adnan. (2017). The paradox of recognition: hijra, third gender and sexual rights in Bangladesh. Culture, health & sexuality. 19. 1-14. 10.1080/13691058.2017.1317831.
 11. India Penal Code 1860
 12. Karunashankar K.N Hawala Transactions: Amazing facts to know about it / Karunashankar K.N [Электронный ресурс] // iPleaders: [сайт]. — URL: <https://blog.ipleaders.in/hawala-transactions-amazing-facts-to-know-about-it/> (дата обращения: 30.03.2024).
 13. Language of this court is English, Supreme Court tells litigant who argued in Hindi; provides lawyer / [Электронный ресурс] // The Times of India: [сайт]. — URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/language-of-this-court-is-english-supreme-court-tells-litigant-who-argued-in-hindi-provides-lawyer/articleshow/95601073.cms> (дата обращения: 30.03.2024).
 14. Rahiman, Abdul, K.K. "History of the Evolution of Muslim Personal Law in India" (PDF). Journal of Dharma: Dharmaram Journal of Religions and Philosophies. Archived from the original (PDF) on 23 November 2018. Retrieved 1 December 2017.
 15. Prasanna, A. (2023). Abortion and the Bharatiya Nyaya Sanhita. Economic and Political Weekly.
 16. Transgender Persons (Protection of Rights) Act, 2019
 17. Tripathi R. Amit Shah introduces three bills to replace IPC, CrPC, Evidence Act / Tripathi R. [Электронный ресурс] // The Economic Times: [сайт]. — URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/amit-shah-introduces-three-bills-to-replace-ipc-crpc-evidence-act/articleshow/102659477.cms?from=mdr> (дата обращения: 26.03.2024).
 18. Vageshwari D. Bharatiya Nyaya Sanhita: A critical analysis of the proposed law / Vageshwari D. [Электронный ресурс] // The Times of India: [сайт]. — URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/legally-speaking/bharatiya-nyaya-sanhita-a-critical-analysis-of-the-proposed-law/> (дата обращения: 27.03.2024).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 1751

Оздоева Л.М., Хаджиева А.А. Изображение героического подвига лейтенанта Игоря Ивановского в повести В.В. Быкова «Дожить до рассвета»

Оздоева Лейла Магомедовна
магистрантка кафедры «Русская и зарубежная литература», ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет» РФ, г. Магас

Хаджиева Айна Ахметовна
канд. филол. наук, доцент кафедры «Русская и зарубежная литература»
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет» РФ, г. Магас
hadzieva_aa@mail.ru

The image of the heroic feat of Lieutenant Igor Ivanovsky in the story of V.V. Bykov "To live until dawn"

Ozdoeva Leila Magomedovna
Master's Student of the Department of Russian and Foreign Literature
Ingush State University of the Russian Federation, Magas

Khadzieva Aina Akhmetovna
PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature
Ingush State University of the Russian Federation, Magas

Аннотация. В статье, согласно теме, анализу подвергается недостаточно раскрытый в исследовательской литературе героический подвиг лейтенанта Игоря Ивановского. Изучение повести В.В. Быкова «Дожить до рассвета», несомненно, актуально. Жизненность статьи определяется возросшим интересом к проблеме подвига в художественной литературе. Анализ сюжета и композиции произведения дает автору возможность аргументировать, что в героическом поступке лейтенанта воплощаются устойчивые представления о мужестве советского народа, проявленное в годы Великой Отечественной войны. В работе указывается, что сам В.В. Быков, пройдя сложный путь кадрового военного человека, мастерски описывает суровую картину времени. Научная новизна видится в том, что автор рассматривает героический подвиг на литературном материале, доказывает, что в поступках лейтенанта воплощаются устойчивые представления и особенности сознания русского народа. Полученные результаты показали, что обращение к этой теме подразумевает память о давно минувшей войне, ориентацию на вечные ценности общества и их преемственность в будущем.

Ключевые слова: повесть, война, командование, героический подвиг, солдаты, сюжет, композиция, образы, кульминация, лейтенант, картина времени, природа.

Abstract. In the article, according to the theme, the heroic feat of Lieutenant Igor Ivanovsky, insufficiently disclosed in the research literature, is analyzed. The study of the story by V.V. Bykov's "To Live to Dawn" is undoubtedly relevant. The vitality of the article is determined by the increased interest in the problem of the feat in fiction. The analysis of the plot and composition of the work gives the author the opportunity to argue that the heroic deed of the lieutenant embodies stable ideas about the courage of the Soviet people, shown during the Great Patriotic War. In the work it is pointed out that V.V. Bykov, having passed the difficult path of a cadre military man, masterfully describes the harsh picture of the time. Scientific novelty is seen in the fact that the author considers the heroic feat on the literary material, proves that the actions of the lieutenant embodies the stable representations and features of consciousness of the Russian people. The results showed that the appeal to this theme implies the memory of the long-past war, orientation to the eternal values of society and their continuity in the future.

Keywords: story, war, command, heroic feat, soldiers, plot, composition, images, climax, lieutenant, picture of time, nature.

Не ослабевает интерес к теме Великой Отечественной войны у современных читателей: «Великая Отечественная война продолжает оставаться тем явлением, смысл которого каждое новое поколение старается постичь самостоятельно» [2, с. 1]. Как отмечает А.А. Хаджиева в статье «Философия принятия жизни со всей ее трагичностью (Тема исторической памяти)»: «Проблема судьбы народа, его духовного и нравственного здоровья все больше привлекает поэтов и писателей наших дней. Они неизменно сравнивают прошлое и настоящее, анализируют социальные коллизии и их истоки, пытаются предугадать будущее. Обращение художников слова к историческому прошлому народа не случайно, он вызвано возросшим интересом общества к глубинным процессам обновления» [4, с. 194].

В 50-е годы В.В. Быков создает первые военные рассказы и повести о войне. Широкое признание читателя писателю принесли «Журавлиный крик» (1959), «Третья ракета» (1961), «Альпийская баллада» (1963), «Дожить до рассвета» (1972), «Сотников» (1970), «Знак беды» (1983) и др. Особое интерес рождает повесть В.В. Быкова «Дожить до рассвета», она носит автобиографический характер. Пройдя сложный путь кадрового военного, В.В. Быков понимает, что война полна жестокости и непредвиденных случайностей: «В первый год войны все еврейское население оккупанты согнали в Ушачи и расстреляли возле кладбища. Перед самым освобождением Кубличи беспощадно разбомбили и сожгли» [1, с. 2].

Бесспорно, В.В. Быков создал необыкновенную повесть, в которой колоритно изображен героический подвиг лейтенанта Игоря Ивановского: «В первую очередь это относится к проблеме героического: героический характер, социальная природа подвига. В сущности, для литературы о Великой Отечественной войне эта проблема центральная и в плане идейном, и в плане эстетическом, и отнюдь не случайно, что в

наше время она стала своего рода передним краем ожесточенной идеологической войны», – полагает Козлов И.Т. [2, с. 2].

Думается, что всестороннее изучение доблестного подвига Игоря Ивановского в повести В.В. Быкова «Дожить до рассвета» предполагает постановку круга проблем, одним из которых является вопрос о характере героя. Считаем, что талантливое произведение обязательно воплощает в себе печать психологического духа. Особая роль в системе образов повести принадлежит главному герою. Из десяти героев, входящих в художественную картину произведения, именно Игорь Ивановский выступает эстетическим идеалом В.В. Быкова. Произведение интересно не только героическим подвигом лейтенанта, но и мастерски построенным сюжетом. События в произведении происходят в период Великой Отечественной войны, главным героем является Игорь Ивановский, рядом с которым находятся его боевые товарищи – старшина Дюбин, сапер Судник, рядовой Пиваваров и др.

Сюжет показывает, как выходя из окружения, лейтенант натывается на крупный склад фашистских боеприпасов, о чем он сообщает советскому командованию. После этого его с группой бойцов отправляют для выполнения особого задания. Солдат понимает, на какие жертвы ему придется идти, выполняя сложное поручения военного руководства. Вместе с боевыми товарищами Игорь Ивановский должен подорвать вражеский склад боеприпасов. В.В. Быков изображает, как война испытывает, формирует характеры людей: «Коротенький строй настороженно замер, темные, истомленные ожиданием лица строго и покорно смотрели из-под бязевых капюшонов на своего командира, который теперь безраздельно брал под свое начало их солдатские судьбы» [6, с. 4].

В экспозиции сюжета В.В. Быков изображает, как главнокомандующий в своем коротком напутствии солдатам перед выходом для выполнения специального задания упорно рекомендует больше всего воспользоваться ночной темнотой: «Только ночь сулила им какую-то надежду на успех; днем, обнаружив их, немцы, конечно, постараются истребить всех до единого. А ночью они еще смогли бы оторваться и уйти. Что это именно так, лейтенант отлично понимал без доказательств, но все-таки он был признателен генералу за его заботу и добрый совет, в которых чувствовалось что-то совсем не генеральское, а, скорее, отцовское по отношению ко всем им и к лейтенанту тоже. Безусловно, они тоже понимали, что на них возлагалось. С этой ночи они становились единовластными хозяевами своей судьбы, потому что в трудную минуту помочь им не сумеет никто – ни генерал, ни сам Господь Бог» [6, с. 41].

Композиция повести «Дожить до рассвета» формируется из тринадцати глав, в каждой из них изображается определенный этап продвижения отряда. В первых двух главах описывается движение группы в глубокий немецкий тыл: «Надо было как можно скорее одолеть эту пойму: переднего края они еще не прошли, еще предстоял самый опасный путь вдоль речушки. Но и так уже все притомились, группа начала заметно растягиваться» [6, с. 7].

Природа в повести В.В. Быкова «Дожить до рассвета» – это отражение состояния души его героев, она сопутствует кульминации произведения. Природа в сюжете соотносится с бурным течением человеческих судеб. Олицетворения «снегопад затихал», «наступила тихая зимняя ночь», «промерзшая земля под локтями глухо, глубинно подрагивала», «природа становилась неясной»; эпитеты «щедрая природа», «серое небо», «темные тучи», «лиственный лес» в изображении героического подвига лейтенанта Игоря Ивановского играют немаловажную роль.

Кроме того, правильно выстроенная композиция и точно изложенный сюжет, а также богатая изобразительно-выразительная лексика произведения, позволила писателю создать яркую картину героического подвига русского солдата, оказавшегося в ситуации выбора между жизнью и смертью. Повесть «Дожить до рассвета» строится В.В. Быковым так, что внимание читателя сосредоточено на конкретном столкновении жизненных позиций. Писатель доставляет всем героям одинаковые возможности для «самовыявления», для того, чтобы выставить все внутренние аргументы, обосновывающие линию жизненного поведения каждого из них.

В третьей и пятой главах идет повествование об отряде Ивановского, вынужденного остановиться у неприметного леска, которого не было на карте. Группа запуталась из-за сильной метели и русских солдат обстреляли, лейтенанта ранило в бедро, а Хакимова – в живот, что создавало препятствие для оперативного выполнения поручения командующего.

В шестой-восьмой главах рисуется суета, образовавшаяся на дороге: тяжелые грузовики, конные обозы, легковой автомобиль с немецким руководителем, – все это стало препятствием для перехода в нужное место. Советским солдатом пришлось укрыться в старом противотанковом рву, который вел к шоссе. Дюбин с Зайцевым не смогли их догнать, а Лукашова изводило сомнение об измене старшины, но Игорь Ивановский не поверил в то, что спокойный, основательный Дюбин способен на предательство.

В заключительных двух главах В.В. Быков с болью в сердце констатирует, что

лейтенант остался без товарищей, часть отряда погибла при переходе линии фронта, а оставшимся пришлось идти на лыжах, волоча за собой израненного товарища. Самое страшное заключалось в том, что фашисты перебазировали свой склад в другое место. Лейтенант нелегко переносит неудачу группы, поэтому вместе с Пивоваровым принимает решение начать поиски немецкого оружия в другом населенном пункте, а группа вынуждена была вернуться в тыл: «Ивановский слегка удивился – на карте в здешних местах не значилось никакого леса, тем более хвойного; он подумал, что, может, потерял направление, и стал поспешно сверяться с компасом. Но нет, все было верно, направление он держал, как и полагалось, точно в двести десять градусов, но почему тогда лес? И как с ним поступить – пройти насквозь, не меняя маршрута, или обойти? И в какую сторону обходить?» [5, с. 24]. Задача командира группы, решившегося добровольно взять на себя поручение по подрыву врага, оказалось невыполнима, поэтому он, очутившись в окружении фашистов, вынужден был взорвать себя вместе с фашистами: «Вот, пожалуй, главный вопрос, лейтмотивом, проходящий через всю книгу» [5, с. 7]. Кульминация повести здесь достигает наивысшего напряжения.

Образы солдат отряда – Шелудяк, Дюбин, Хакимов, Судник, Заяц, Лукашов, Кудрявцев, Фих, Балаенко, Рукавицын, Волох, Погрябняк, Краснокуцкий, Пивоваров, с нашей точки зрения, олицетворяют собой героизм и мужество. В сложных военных условиях солдаты проявили свои лучшие качества. В распоряжении рядовых оставалось двенадцать часов, за этот период им предстояло пройти шестьдесят километров: «Их никто не провожал тут, вся торопливая подготовка по переходу была закончена раньше... Ивановский оглянулся и впервые остался доволен – коротенькая колонна его послушно подобралась, никто не отстал, не замешкался; остановился он, и почти одновременно остановились все остальные. Дальше следовало подождать, может, передохнуть даже, залечь – с вершины холма их могли уже заметить немцы» [6, с. 5-6].

Форма авторского повествования позволяет В.В. Быкову свободно проникать в сознание героев, осмыслить их поступки. Используя такую форму, писатель показывает своеобразие мышления героев, передает их морально-нравственные представления. Автор мастерски описывает суровую картину военного времени: «Завязалась перестрелка. Ивановский был тяжело ранен. Но и теперь он сопротивляется обстоятельствам и делает еще одну попытку. Не думая о себе, о возможности спасения, посылает в разведку своего единственного бойца Пивоварова. Солдат не вернулся. Лейтенант начинает мучительный путь назад, к штабу, в поисках

Пивоварова, которого он обнаружил расстрелянным в упор автоматными очередями. Теперь все надежды рухнули. Последнее решение – погибнуть не напрасно, добраться до дороги и взорвать вместе с собой единственный гранатой какую-нибудь штабную машину с начальством. И начинается героический поединок воли и чувства со смертью, с обреченностью. Нельзя забывать, что Ивановскому всего двадцать два года» [6, с. 8].

Таким образом, весь сюжетно-композиционный строй повести раскрывает один эпизод войны, когда группа лейтенанта Игоря Ивановского была отправлена в немецкий тыл для уничтожения военного объекта. Пройдя шестьдесят километров на лыжах, поредевший отряд, не находит объект, который фашисты еще за неделю перенесли ближе к фронту. Поручение русского командования не выполнено, и все солдаты погибли. Сама структура повести, ее сюжет, система образов, выразительные средства языка показывают, что события с самого начала пошли не так, как было задумано. Постепенно группа потеряла активность и скорость передвижения, а выполнение специального задания стало проблематичным.

Думаем, что В.В. Быков своей повестью утверждает, что фашизм по своей природе разрушителен, он основан на ненависти и жестокости. Образ Игоря Ивановского раскрывается как олицетворение нации с характерным мироощущением и мировосприятием, с присущими русскому народу чертами. Писатель проводит лейтенанта через массу острых испытаний, но герой не теряет достоинства, он совершает доблестный подвиг во имя жертвенной любви к родине.

Образ лейтенанта изначально сопряжен с мучениями во имя других людей и всеобщего мира. В художественной интерпретации Игоря Ивановского, обладающего своими принципами, есть героика и в тоже время есть реальность войны. Используя авторское повествование в сочетании с внутренним размышлением В.В. Быков точно показывает душевное состояние лейтенанта. Грустные мысли о жизни и смерти товарищей, о своей собственной кончине пробуждают в Ивановском безапелляционное убеждение: «Он делал последний свой взнос для Родины во имя своего солдатского долга. Другие, покрупнее, взносы перепадут другим. Будут, наверно, и огромные базы, и надменные прусские генералы, и злобные эсэсовцы. Ему же выпали обозники. С ними он и столкнется в своем последнем бою, исход которого был предрешен заранее. Но он должен столкнуться – за себя, за Пивоварова, за погибших при переходе передовой Шелудяка, Кудрявца, за капитана Волоха и его разведчиков. Да мало ли еще за кого..., и он зубами вырвал из рукоятки тугое кольцо чеки» [6, с. 99].

В.В. Быков подробно останавливается на процессе формирования своего героя от начала и до последних минут жизни. Юные годы у Игоря Ивановского были трудными. С детства рос без матери, жил с отцом в военных городках и погранзаставах. После окончания училища началась Великая Отечественная война: «Но в короткой мирной жизни лейтенанта Ивановского и в общении с товарищами по армии и фронту в дни войны, в испытаниях первых месяцев тяжелых боев и вынужденных отступлений созревало и крепло в нем чувство личной ответственности за происходящее, за конечный исход борьбы. Овладевая трудным и смертельно опасным ремеслом солдата, командира, он учился, выполняя долг, думал больше, чем о себе, о тех людях, которые шли рядом с ним, доверяя ему свою жизнь» [6, с. 101].

Конечно, обратившись к повести «Дожить до рассвета», современный исследователь сталкивается с простыми формами повествования, со строгой схемой конфликта, героев и их образов, предполагаемым развитием сюжета. Главный герой В.В. Быкова – простой русский солдат, каждодневно находящийся в ситуации выбора. Даже перед смертью лейтенант продолжает думать о других. Патриотическое чувство определяет нравственную высоту последних моментов жизни солдата. Картина смерти усиливают этот смысл, Игорь Ивановский рассуждает о своей дальнейшей судьбе, что «он, разумеется, исчезнет, теперь уж ему оставались считанные секунды... Но останутся жить другие. Они победят, им отстраивать эту зеленую счастливую землю, дышать полной грудью, работать, любить. Но кто знает, не зависит ли их великая судьба от того, как умрет на этой дороге двадцатидвухлетний командир взвода, лейтенант Ивановский...» [6, с. 120].

Безусловно, что у В.В. Быкова отлично удался образ лейтенанта Игоря Ивановского. Акцентируя внимание на героическом подвиге солдата, автор пишет, что именно такие, как он, первыми поднимались под шквальным пламенем из подземных блиндажей, пробуждали в солдатах лучшие порывы, погибали ради всеобщего мира: «Лейтенант пропустил мимо себя Хакимова, Зайца, Судника, еще кого-то, чье лицо он не рассмотрел под низко надвинутым капюшоном, и дождался старшину Дюбина... Сержант Лукашов не отставал ни на шаг, и когда лейтенант остановился в нерешительности, тот пополз рядом» [6, с. 9-11]. Образ лейтенанта Игоря Ивановского несет в себе черты поколения, он узнаваем. Судя по отношению писателя к своему герою, это поколение особое, хранящее в себе все лучшее, что есть в характере советского народа: мужество, героизм, способность жертвовать своей жизнью ради других.

Хотя Ивановскому не удается выполнить, по сути, добровольно взятое на себя

задание взорвать базу боеприпасов фашистов, считаем, что жизнь лейтенанта, борющегося с врагом до последнего дыхания, олицетворяет собой судьбу русского народа, непреодолимой силой восставшего против фашистских захватчиков. Герой приходит к выводу, что именно ему необходимо остаться на дороге, Игорю Ивановскому, истекающему кровью, беспомощному, чтобы сохранить себя как личность! Сжимая гранату, умирающий, он ждал генеральскую машину на шоссе, а вышли два обозника и сани с сеном: «Он, разумеется, исчезнет, теперь уж ему оставались считанные секунды, за которыми последует Вечное Великое Успокоение. В его положении это даже было заманчиво, так как разом освобождало от всех страданий. Но останутся жить другие. Они победят, им отстаивать эту зеленую счастливую землю, дышать полной грудью, работать, любить. Но кто знает, не зависит ли их великая судьба от того, как умрет на этой дороге двадцатидвухлетний командир взвода лейтенант Ивановский» [6, с. 120].

Честь, совесть, человеческое достоинство, верность своему долгу – именно эти вопросы затрагиваются писателем. Но все-таки главной проблемой повести «Дожить до рассвета» В.В. Быкова стала, на наш взгляд, проблема героизма. Причем писателя интересует не столько внешнее проявление доблести, сколько то, каким путем человек приходит к подвигу, к самопожертвованию, почему, во имя чего совершает этот поступок. Характерной особенностью повести является то, что в центре изображения оказывается молодой человек, попавший в экстремальную ситуацию, и положение таково, что герой должен немедленно сделать выбор: героическая смерть или позорная жизнь. И к такому приему автор прибегает не случайно, ведь в обычной обстановке не может полностью раскрыться характер человека.

Таким образом, в повести В.В. Быкова «Дожить до рассвета» описан героический подвиг лейтенанта Игоря Ивановского в первый же год Великой Отечественной войны. Главный герой олицетворяет собой мужество, стойкость, умения довиться поставленных целей. Произведение вызывает множество вопросов, которые возникают уже при осмыслении названия повести. Чему конкретно посвящена повесть, что вкладывается в понятие «героический подвиг» выносятся в заглавие. Писатель одобряет поступок своего героя, но осуждает жестокость фашистов, а идентификация Ивановского в художественной концепции повести с русским народом соответствует правде жизни, преемственности во время Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Козлов И.Т. Война и проблемы литературы // Обзоры и рецензии. № 11. 1971.С.223-228.
2. Понарина Н.Н. Философское осмысление значения Великой Отечественной войны на современном этапе // Современные научные исследования. Выпуск 5. Тихорецк. 2016.С.1-4.
3. Хадзиева А.А. Философия принятия жизни со всей ее трагичностью (Тема исторической памяти) // Материалы Международной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. 2-ая часть. Элиста,13-18.09. 2009.С.194-196.
4. Шагалов А. Василь Быков // Повести о войне. М., 1989. 430 с.

Список источников

5. Быков В. В. Повести. Пермь, кн. изд., 1976.

УДК 1751

**Хадзиев Ю.И., Хадзиева А.А. Проблема становления личности в повести
А.А. Лиханова «Теплый дождь»**

Хадзиев Юсуп Иссаевич

магистрант кафедры «Русская и зарубежная литература»
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет» РФ, г. Магас
informatika2023@mail.ru

Хадзиева Айна Ахметовна

канд. филол. наук, доцент кафедры «Русская и зарубежная литература»
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет» РФ, г. Магас
hadzieva_aa@mail.ru

The problem of personality formation in the story of A.A. Likhanov "Warm Rain"

Khadziev Yusup Issaevich

Master's Student of the Department of Russian and Foreign Literature
Ingush State University of the Russian Federation, Magas

Khadzieva Aina Akhmetovna

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature
Ingush State University of the Russian Federation, Magas

Аннотация. Актуальность определяется возросшим интересом к проблеме становления личности в повести А.А. Лиханова «Теплый дождь». В статье, согласно обозначенной теме, подвергается анализу недостаточно изученный в исследовательской литературе вопрос. Рассматривая произведение, автор подвергает анализу сюжет, композицию, художественные детали, внутренний мир героев и др. Научная новизна видится в том, что автор рассматривает становление характера героя на литературном материале, доказывая, что рост личности обнаруживаются в том, что все поступки человека могут быть объяснены эпизодами из детства. Основные результаты статьи: главный акцент сделан на героическом подвиге Алексея Петровича Журавлева, сказано о мастерстве писателя, сумевшего изобразить военную обстановку, время, людей, и, самое главное, прослежена проблема становления личности, утверждается, что все поступки человека могут быть объяснены моментами из детства.

Ключевые слова: Журавлев, война, теплый дождь, героизм, отец, сын, проблема, внутренний мир, становление, воспитание, характер, портрет, художественная деталь, сюжет, композиция.

Abstract. The relevance is determined by the increased interest to the problem of personality formation in A. A. Likhanov's story "Warm Rain". In the article, according to the designated theme, the question insufficiently studied in the research literature is analyzed. Considering the work, the author analyzes the plot, composition, artistic details, the inner world of heroes, etc. The author analyzes the plot, composition, artistic details, the inner world of heroes, etc. Scientific novelty is seen in the fact that the author considers the formation of the character of the hero on the literary material, proving that the growth of personality is found in the fact that all the actions of a person can be explained by episodes

from childhood. The main results of the article: the main emphasis is made on the heroic deed of Alexei Petrovich Zhuravlev, it is said about the skill of the writer who was able to portray the military situation, time, people, and, most importantly, the problem of the formation of personality is traced, it is argued that all the actions of a person can be explained by moments from childhood.

Keywords: Zhuravlev, war, warm rain, heroism, father, son, problem, inner world, formation, education, character, portrait, artistic detail, plot, composition.

Тема Великой Отечественной войны является одной из ведущих в русской литературе XX века. В повести А.А. Лиханова «Теплый дождь», написанной в 1968 году, повествуется о нелегкой судьбе взрослых и детей в годы войны. Она написана человеком, который сам пережил Великую Отечественную войну. Благодаря накопленному жизненному опыту и таланту писатель сумел так хорошо передать атмосферу военного времени: «Повышение ответственности литературы за уровень художественного постижения человека и действительности, продиктовано коренным переворотом, совершенным в духовной жизни народа, ростом интеллектуального и нравственного потенциала современного общества» [1, с.195].

Бесспорно, что А.А. Лиханов сумел своей повестью открыть для читателей окно в прошлое, чтобы с замиранием сердца наблюдали за судьбой сына красного командира Алексея Журавлева (маленького Алеши). Судьба мальчика не была простой, он пережил невосполнимую утрату в самом начале своего жизненного пути, когда его отец героически погиб на фронте: «Автор подчеркивает, что у народа своя, неповторимая история» [2, с.644].

Проблема становления личности в повести А.А. Лиханова «Теплый дождь» изучена не до конца. Подлинный писатель, несущий в себе взгляд своего народа на мир вещей всегда будет стремиться отобразить в своих произведениях жгучие вопросы своего времени. Показ самобытного национального характера присущ, в большой степени, эпическому произведению, к таким относится и повесть «Теплый дождь». Истинная национальная идея выражает уровень духовной культуры, «устойчивое представление индивида об основополагающем прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее на жизненные усилия, а также соответствующее состояние общественного сознания» [2, с. 13],

Особая роль в системе образов исторической повести принадлежит Алеше Журавлеву. Именно потому его внутренний мир является предметом пристального интереса писателя, но в то же время не только на нем акцентирует свое внимание А.А. Лиханов. Для воссоздания насыщенной картины военного времени, выявления причин формирования характера и психологии главного героя писатель обращается

также к духовному миру других персонажей, таких, как Алексей Журавлев, Вера Ивановна, Алеша, Гоша, Толик. Используя авторское повествование в сочетании с внутренним размышлением, писатель точно передает душевное состояние Алеши Журавлева, особенно, его разочарование в маме.

Под особым авторским вниманием в повести А.А. Лиханова «Теплый дождь» находится концепт «память». Раскрывая внутреннее состояние героев, писатель сосредоточивает внимание на внешних деталях и явлениях. Герои, участвующие в повествовании, представлены обрисованными наружно. Наряду с внутренним размышлением героев, авторским повествованием писатель использует и другие формы анализа: портрет, художественную деталь, язык, которые воспринимаются как части единого целого. Портрет Алексея Журавлева в глазах сына складывается из таких вещей, как: «довоенный снимок отца», «деревянная рамка», «расстегнутая гимнастерка», «лохматые волосы», «длиннополая шинель военного». Художественные детали: «темные глаза почтового ящика», «ромашковое поле», «треугольные письма» дополняют картину.

В художественном решении проблемы становления личности А.А. Лиханов не ограничивается лишь портретной характеристикой. Одной из особенностей психологизма писателя является его способность одним емким словом, словосочетанием или кратким предложением описать душевный мир героя. Не случайно сюжет повести начинается с воссоздания картины «теплого летнего дождя», когда Алеша и его мать провожает Алексея Журавлева на фронт, откуда впоследствии он не вернулся. Писатель, характеризуя Алексея, говорит, что он – «главная опора» семьи Журавлевых и гордость его сына, который не только восхищался отцом, но и мечтал быть военным как он.

Эпизоды фабулы «Теплого дождя» краткие, они легко выстраиваются в одну линию. Сюжет весьма содержателен, он помогает представить характеры героев в некотором развитии. Что касается структуры повести, то она очень ясна, прозрачна, наглядна и включает в себя привычные элементы. В экспозиции повести описывается прощание семьи: папы, мамы и сына.

В основе сюжета лежит психологический конфликт (между матерью и сыном), который становится ключом развития сюжета, средством, толкающим действие вперед. После разлуки с мужем, мать Алеши долго плачет, не сдерживая свои слезы. Сын стыдится, он считает, что жена командира не должна проявлять такую слабость. Тревожная атмосфера на вокзале усиливается за счет суеты и спешки солдат и провожающих их женщин. Перед отправлением Алексей Журавлев поднимает сына

вверх и крепко целует, словно прощаясь навсегда: «Алеша смотрел и смотрел в глаза отцу, на лицо его, запоминая до самых малых подробностей. Отец улыбался, хотя надо было бы, наверное, хмуриться, улыбался во весь рот» [6, с.2]. Вместо ожидаемой серьезности, родитель улыбнулся, что вызвало удивление Алеша. Эта небольшая художественная деталь позволяет читателю увидеть, что Алексей Журавлев был сильным человеком, даже в минуты расставания с самыми дорогими ему людьми, он не показывает им свою душевную боль.

Основным приемом в построении композиции повести А.А. Лиханова «Теплый дождь», на наш взгляд, является зеркальная симметрия. Способом ее выражения становится повтор главными героями позиций, занимаемых в сюжете в начале в конце произведения. Градация структуры повести, складывающихся из нескольких глав: «Дождь», «Тревога», «Горе», «Память», «Обида», «Наследство», «Дорога», «Снова дождь», позволяет писателю показать проблему становления личности Алеша Журавлева.

Использование писателем ряда литературных приемов, таких как повтор судеб отца и сына, изменения в природе, портретная характеристика, внутреннее размышление героев делает произведение более глубоким. Маленького Алешу радует их с папой схожесть во внешности. Сын идеализирует отца, считая его мужественнее, чем все знакомые, он был для него образцом для подражания. Мечта стать как папа строевиком сопровождала сына все детство.

Природе, ее изменениям в повести А.А. Лиханова «Теплый дождь» отводится исключительная роль. Погода служит для передачи отношения писателя к происходящему, а также главным средством раскрытия душевных переживаний героев: «А дождь, теплый летний дождь все плескался, ходил по крышам вагонов, по площади, по плащ-палатке, под которой стояли они все втроем, по лужам и пузырился в них» [6, с.3]. Из этой сцены читателю понятно, что нелегко командиру Алексею Журавлеву прощаться с сыном Алешей и женой. Дождь здесь персонифицирован, его движения описаны как пляска, что придает ему человеческие качества, делая его более живым и непредсказуемым.

Итак, А.А. Лиханов подробно останавливается на процессе становления и формирования своего героя, начиная с детства и до поры его юности. Алеша все время ждет вестей от отца, ушедшего на фронт. Последний раз Алексей Журавлев пишет, что события на фронте разворачиваются плохо и просит сына беречь себя и мать. Потеря родного человека весьма сильно подействовало на него, подростка долго не отпускала надежда о возвращении отца, он ожидал от него весточки: «Алеша все не

верил этому, все ждал похоронную, а похоронной не было, и он радовался, и говорил все время маме, что отец жив, а она гладила его, как маленького, по голове и велела ему успокоиться» [6, с. 42].

Тревожно воспринял Алеша весть о гибели отца и поверил только тогда, когда получили похоронную и узнал, что командир Алексей Журавлев героически погиб и его посмертно наградили: «По поручению правительства передаю вам на вечное хранение орден Отечественной войны, которым за свой подвиг награжден посмертно ваш муж и отец майор Журавлев Алексей Петрович» [6, с.49]. Подробное описание этой картины вызывает у читателя сострадание. Писатель констатирует, что мальчик стоял в углу, сжимая красную коробочку, которую сунул ему впопыхах майор, когда маме стало плохо, а слезы сами собой катились у него по щекам: «С того дня, проходя мимо почтового ящика, Алеша никогда не убавлял шагов и даже отворачивался от него, словно железный лупоглазый ящик был в чем-то виноват... Отца не было, не было совсем, он остался где-то под Москвой, как сказал им сначала тот солдат, а потом военком, и никто, никакими силами не мог вернуть его, и никаких писем не могло прийти от него теперь. Это так часто бывает в жизни, особенно на войне – был человек, и нет человека» [6, с.50]. Утрата отца остро сказывается на характере Алеши, он испытывает одиночество, чувствует себя брошенным, но и в тоже время смерть папы воспитывает в нем ответственность за свои поступки, формирует морально-нравственные качества, развивает чувства патриотизма, любви к Родине.

А.А. Лиханов точно передает атмосферу войны и ее влияние на жизнь главных героев: «Настала зима, и улицы потонули в снегу. Дворники тоже ушли на фронт, и теперь некому было убирать сугробы. А зима куражилась, мела вьюгами, трещала морозами» [6, с.51]. Описания снегопада, отсутствия дворников и жизненных трудностей, с которыми сталкиваются люди изображает сложное военное время и проблемный быт человека. Пейзаж здесь становится объектом наблюдения и эмоционального переживания персонажей.

Также важное место в повести «Теплый дождь» отводится дружбе Алеши с соседским мальчиком Гошкой. Ребята мечтают стать военными и стараются всяческими способами чему-то научиться для исполнения своего желания.

Заканчивается повесть А.А. Лиханова «Теплый дождь» тем, что Алеша поступает в Суворовское училище. Сцена прощания с отцом в начале повести повторяется в финале сюжета, но теперь уже уезжает сын и провожают его мать и друг Гоша: «А дождь, теплый летний дождь все плескался, ходил по крышам вагонов, по площади, по зонтику, под которым стояли они все втроем, по лужам. Алеша кивнул

на лужу и сказал почему-то, будто нечего ему было больше сказать: « – К осени!», – повторил слова отца. [6, с.52].

Безусловно, война повлияла на жизнь главных героев. Алеша, осознав свое отрицательное отношение к матери, у которой стали складываться отношения с капитаном, поняв, как он был несправедлив к ней, решается извиниться перед ней. Юноша понимает, что он должен быть сильным, чтоб выдержать все жизненные испытания. И здесь мы можем говорить о становлении личности Алеши Журавлева: «Взрослее и мудрее становятся, говорят, с годами. А он враз, за один день таким стал» [6, с.53].

На становление характера Алеши также отразилась его дружба с Гошей. Война сблизила их, у обоих отцы воевали. Писатель подчеркивает мысль, что именно война способствует закалу характера Алеши. Когда мать познакомилась с высоким капитаном, мальчик понял, что в отличие от нее, он никогда не забудет отца. Этот мысль усилила желание мальчика стать военным, она становится кульминацией повести. Постепенно подросток стал закрываться, сначала от матери, затем и от всех остальных. Словно черепаха, закрылся в панцирь, сначала ему было тяжело, но затем он привык к своей защитной оболочке. Однако в одно мгновение она треснула, когда мимо Алеши прошла его счастливая мать с капитаном. Все это обрушилось на мальчика вместе со всей той болью, которую он так искусно старался избежать. Вот тогда сын говорит матери оскорбительные слова и портит отношения со всеми близкими ему людьми. Даже друг Гоша долгое время не будет с ним разговаривать: «До самых каникул ходили они в школу разными дорогами. И казалось, дел-то: подойди один к другому – Алеша к Гошке или, наоборот, Гошка к Алеше, скажи какой-нибудь пустяк, и все станет на свои места. Но ведь подойти надо, надо сказать. ... Нет, не так все просто это, очень даже сложно» [6, с.53].

Несомненно, все свои промахи Алеша Журавлев осознает и исправит, но открыто с матерью поговорит лишь в конце повести. После беседы с ней, Журавлев сделает первый шаг к исполнению своего заветного желания, он поступает в суворовское училище. Становясь старше, Алеша все чаще видит свою схожесть с отцом. А.А. Лиханов детально иллюстрирует самоанализ и осмысление героя к саморазвитию. Читатель замечает, как сильно изменился Журавлев, насколько раньше времени повзрослел. В конце повести мать с Гошей провожают Алешу в «теплый летний дождь» на станцию, как, когда-то провожали его отца Алексея Петровича Журавлева.

Итак, главная особенность формы повести «Теплый дождь» – зеркальная

композиция: сначала Алексей Журавлев уезжает на фронт и прощается с семьей – женой и сыном, затем Алеша поступает в военное училище и прощается с матерью и другом Гошей. Заглавие повести напрямую связано с его содержанием. Судьба сына повторила судьбу отца, Алеша поступает в Суворовское училище и хочет быть военным. Очень гармонично сочетается начало и конец произведения: «теплый дождь» является началом военного времени и его окончанием. «Вот что значат условия. Наверное, в одних условиях раскрывается одна часть характера, а в других – другая. Поэтому у каждого времени свои герои», – пишет С.А. Алексиевич [1, с. 47].

Таким образом, А.А. Лиханов в повести «Теплый дождь» демонстрирует читателям, что Алеша Журавлев остается верен своим принципам, сложившимся еще в детстве. Взрослея, он продолжает думать о смысле жизни. Проблема становления личности обнаруживаются в том, что все поступки человека могут быть объяснены эпизодами из детства. Сам сюжет повести, дети и взрослые, изображенные в ней, вдохновляют и мотивируют читателя жить достойно, даже если будет трудно. Повесть показывает, что во время войны ребята выросли раньше времени, многие из них стали сиротами, но они выживали, не смотря на голод и разруха. Думаем, нам стоит глубже изучить эту повесть, много полезного смоли бы из нее для себя извлечь. «Теплый дождь» является замечательным произведением, в которой А.А. Лиханов великолепно передал атмосферу военного времени и проблему становления личности. Произведение пронизана пафосом героизма и оптимизма, в ней звучит тема патриотизма и любви к родине.

Список литературы

1. Алексиевич С.А. «У войны не женское лицо» – М., 2007.
2. Национальная идея России: в 6-ти т. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 1. 752 с.
3. Хадзиева А.А. Философия принятия жизни со всей ее трагичностью (Тема исторической памяти) // Материалы Международной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. 2-ая часть. Элиста, 13-18.09. 2009. С.194-196.
4. Хадзиева А.А. Миф в поэзии Али Хашагульгова. Международная научно-практическая конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Тбилиси. 25-27 июня. 2009. Издательство «Меридиани» 2010. С.644-446.

Список источников

5. Звезды в сентябре; Чистые камушки; Теплый дождь: Повести [Для сред. и старш. возраста]. –Ил.: Е. А. Шукаев. –Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 232 с. : ил.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 81

Динисламова Л.И. Образы природных явлений в мансийских загадках

Динисламова Людмила Ивановна

инженер-исследователь Фольклорного центра
БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок», РФ, г. Ханты-Мансийск
din-lyudmila@yandex.ru

Images of natural phenomena in Mansi riddles

Dinislamova Lyudmila Ivanovna

Research Engineer at the Folklore Center BU KhMAO-Yugra "Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development", Russia, Khanty-Mansiysk

Аннотация. В статье описывается один из жанров устного народного творчества манси – загадки, за основу взята образность, которая наиболее часто применима и характерна в загадках о природных явлениях. В статью вошли материалы из сборника Т. Д. Слинкиной «Мансийские (вогульские) загадки», где тексты классифицируются по темам, для удобства использования весь материал пронумерован, имеются примечания и комментарии автора-составителя к русским переводам. О природных явлениях в сборнике представлено 54 загадки. Материалы к данному сборнику собраны на основе опубликованных трудов учёных Б. Мункачи, А. Канисто, Е.И. Ромбандеевой.

Ключевые слова: мансийские загадки, мансийский фольклор, образ, сравнения, природные явления, небесные проявления.

Abstract. The article describes one of the genres of Mansi oral folk art – riddles, based on imagery, which is most often applicable and characteristic in riddles about natural phenomena. The article includes materials from T. D. Slinkina's collection "Mansi (Vogul) riddles", where the texts are classified by topic, for ease of use all the material is numbered, there are notes and comments by the author-compiler to the Russian translations. There are 54 riddles about natural phenomena in the collection. The materials for this collection are based on the published works of scientists B. Munkachi, A. Kanisto, E.I. Rombandeeva.

Key words: Mansi riddles, Mansi folklore, image, comparisons, natural phenomena, celestial manifestations.

Фольклор – это культурное наследие, которое объединяет народ, мудрость предков и традиции, передаваемые из поколения в поколение. Обращаясь к устному народному творчеству манси, в первую очередь следует отметить, что его богатое наследие сохранилось, в большей степени, благодаря научному изучению и профессиональной собирательской деятельности. Сбором и исследованием фольклора, начиная с середины XIX века, занимались венгерские, финские, немецкие учёные: А. Регули, Б. Мункачи, Б. Кальман, А. Каннисто, А. Альквист, В. Штейниц и

др. В XX-XXI вв. наряду с зарубежными и отечественными учёными А. Н. Баландиным, И. И. Авдеевым, В. Н. Чернецовым, в сбор и исследование родного фольклора включились сами представители народа манси: З. Н. Куприянова [1], Е. И. Ромбандеева [2], В. С. Иванова [3], С. А. Попова [4], М. В. Кумаева [5], Л. Н. Панченко [6, 7], О. Ю. Динисламова [8], С. А. Герасимова [9] и др.

Из перечисленных авторов проблемой теоретических основ мансийского фольклора занимались: Б. Мункачи, А. Каннисто, А. Н. Баландин, И. И. Авдеев, В. Н. Чернецов, З. Н. Куприянова, Е. И. Ромбандеева, каждый из них предлагал собственное видение фольклорных жанров, при всём этом данный вопрос до сегодняшнего дня разработан слабо. Трудность его изучения связана со сложностью проблемы в целом. В первую очередь наблюдаются жанровые расхождения у народа как носителя фольклора и у учёных. Известно, что в языке манси существует три специальных термина для обозначения жанровых групп устного народного творчества, это *мойт* – сказание, сказка; *эрыг* – песня; *потыр* – рассказ. При этом их подкатегории выражаются многочисленными дополнительными определениями, например, такими как *ялпың мойт* – священное сказание; *ялпың эрыг* – священная песня; *йис потыр* – старинный рассказ; *пес йис мойт* – старинных времён сказание; *тэрниң эрыг (мойт)* – героическая песня (сказание); *алхатнэ мойт* – военное сказание и др.

На сегодняшний день более системной считается классификация Е. И. Ромбандеевой. Она отмечает многообразие жанровых форм, развитие которых зависело от конкретных условий жизни этнического коллектива, в той или иной географической среде и пребывания его в рамках определённых исторических реалий. Любой народ, не только манси, в течение многих веков претерпевают многообразные исторические процессы, которые затем отражаются и на развитии устного народного творчества. Например, легенды, предания и сказки, повествующие о том или ином событии, созданы на основе реальных фактов, происходивших в далёком прошлом.

Систематизация материала позволила Е. И. Ромбандеевой выделить одиннадцать жанровых групп:

- 1) мифы, мифические сказания (*ма унтум ялпың мойтыт*);
- 2) героические песни, сказания (*эрыг-отырт йис потырт, ляңхыт, тэрниң эргыт*);
- 3) призывные песни (*кастыл латың*), посвящённые духам-предкам, клятвенные речи (*нюлтыл*), заклинания (*сатыл латың, сатмил*);

- 4) песни, посвящённые воспеванию медведя (обрядовые песни) (*уй эргыт*);
- 5) сатирические, юмористические песни (*тулыглап эргыт*);
- 6) лирические песни или «песни судьбы» (песни, прославляющие человека) (*эргыт*);
- 7) сказки (*мойтыт*);
- 8) детские сказки (*няврам мойтыт*);
- 9) загадки (*амсит*);
- 10) пословицы и поговорки (*ханисьтап латһыт-потрыт*);
- 11) нравоучения и запреты (*ялпың, ровталут хултун*).

На основе своих трудов, Е. И. Ромбандеева справедливо отмечает, что «манси обладают богатейшим устным народным творчеством» и что «каждый жанр устного народного творчества имеет свой художественный стиль изложения» [2, с. 23]. В данной статье мы обращаемся к одному из малых жанров мансийского фольклора – загадкам, истоки которых, как и мифов, идут из глубокой древности. Т. В. Зуева в словаре-справочнике «Русский фольклор» пишет: «Истоки загадок восходят к тайной речи первобытного общества... С течением времени древняя функция загадок постепенно угасла, но их поэтическая форма оказалась продуктивной. К загадкам начали относиться как к способу испытания сообразительности, появились новые загадки о предметах и явлениях. Так сложился фольклорный жанр. Загадки содействовали активизации познания окружающего мира, формировали навыки логического мышления, развивали наблюдательность» [10, с. 56]. Постепенно из средств «испытания мудрости», загадка стала народной забавой, значение которой трудно переоценить, это и испытание смекалки, сообразительности, а для детей – развитие логики, речи, воображения, в том числе, познание жизни народа и окружающего мира.

Как у многих народов, по своей стилистике изложения и манере исполнения мансийские загадки необычны, что делает их уникальными по своему звучанию. Существуют определённые правила игры в загадки. Так, каждая загадка начинается с контактоустанавливающей фразы со слушателями: «*Ам а́мщум – ов!*», что переводится как «Моя загадка – эй!» После привлечения внимания слушателей озвучивается загадка, а затем следует просьба её отгадать: «*Ханьщелн, ты ма́ньыр?*» – «Отгадай, что это такое?». После этой фразы можно уже отгадывать. Чаще всего загадки построены образно по типу сходства, аналогии, сравнения. В них доминируют метафоры и эпитеты, которые указывают на размеры, форму, материал.

Во многих текстах по-особому переосмыслена образная система, и они

предстают в ином облике, приобретают местный северный колорит. Например, «Ам а̄мцум – ов! / Сэрыг ворыг самт ойка олн ловиньтым унлы. / Ханьщелн, ты маньр? / (Ты пупакве пил ваты)» – «Моя загадка – эй! / В глухом углу дикого леса сидит мужчина и деньги считает. / Отгадай, кто это? (Это медведь ягоды ест)». В данной загадке указано место действия, это глухая непроходимая лесная чаща, показано, что там сидит мужчина и считает деньги. Отгадка требует сообразительности, ведь человек не будет считать свои сбережения в глухой тайге, воображение же вырисовывает образ сборщика ягод, который за занятием порою долгое время находится в одной и той же позе. Данная картина близка северянам, для которых дикоросы являются неотъемлемой частью пропитания. Дети с малых лет всегда были задействованы во всех традиционных промыслах. Обычно загадывание начинается с простых, известных загадок, затем они усложняются.

В настоящей статье, в соответствии с заявленной темой, рассматриваются образы применимые в мансийских загадках для обозначения различных явлений природы, непосредственно связанных с атмосферным пространством – земля, солнце, луна-месяц, небо, звёзды, гром, воздух. Мансийские загадки о природных явлениях на текстологическом уровне имеют интересные локальные варианты.

Исследование проводится на основе сборника Т. Д. Слинкиной «Загадки мансийские (вогульские)» [11]. Сборник по содержанию можно назвать уникальным, т.к. в него составителем включена 351 загадка из опубликованных трудов А. Каннисто, Б. Мункачи и Е. И. Ромбандеевой, в текстах сохранены все диалектные варианты мансийского языка, которые заметны уже с формы обращения к слушателям. Например, у носителей сосвинского (сыгвинского) диалекта – «Ам □мицув – □в!» – «Моя загадка – эй!»; вариант обращения верхнелозьвинского диалекта – «Ам □мьщм□!» – «моя загадка!»; среднелозьвинского – «Ам □мьщлэм!» – «Моя загадка!»; верхнекондинского – «□амыльщекем – □а!» – «Моя загадка – эй!». При транслитерации тексты записаны так, как их фиксировали исследователи, и т.к. автором-составителем представлены все варианты, по этой причине имеются загадки одинаковые по содержанию, однако при этом некоторые отличаются отгадками и комментариями информантов.

Для удобства использования весь материал пронумерован, имеются небольшие примечания к мансийским текстам и комментарии составителя к русским переводам. Примечания даны для более глубокого понимания образности сравнений мансийских слов.

О природных явлениях в сборнике представлено 54 загадки, в которых одному

и тому же явлению посвящено несколько вариантов, открывающие всё новые особенности объекта изображения. Очень часто в них отражаются и сохраняются черты мифологических проявлений, в древние времена человек был особо близок к природе, обожествлял и одухотворял её. В представленных 54 загадках о природе, одни загадки представлены единично (напр., загадка о молнии), другие в нескольких вариациях: 27 загадок, которые посвящены водным и воздушным стихиям (о свойствах воды (дождь), о ветре (о воздухе), про лед), 24 загадок, связанных с небесными проявлениями (о звездах, о луне и солнце, о громе и т.п.), 3 загадки о человеческих наблюдениях (загадка о дороге и о следе от полозьев нарт).

Обратимся к загадкам о небесных проявлениях. В одном из текстов вечное движение солнца и луны связано с образами крылатых птиц и «ногастых», бегающих по земле, крупных животных:

«Ам а́мцув – о́в! / Туруйы́г ню́свойы́г ё́нхёг, ё́лн са́т ха́рна ща́рык. / – Ханьщельи́н, ты́ ма́нары́г? / (Хо́талы́г ё́ухупы́г нумын ё́ухёг, ма́ ханса́н лу́нцыыг ё́мты (зап. Каннисто)). – «Моя загадка – эй! Орлан-белохвост да орёл чёрный летают – кружат, а под ними внизу пастбище с семьёю оленями-самцами. / – Отгадайте, что это? / – Это солнце и луна вращаются в небе, земля становится узорчатой, пёстрой» [11, с. 18-19].

Взятые образы орлана-белохвоста и чёрного орла, воспринимаются как большие и грозные птицы, в данном случае олицетворяют: с белым оперением – солнце и дневной свет, с чёрным – луну и ночную темень. В примечаниях автор к мансийским названиям птиц даёт их определение: «*Туруйы́г* – *Туруй* – орлан-белохвост, самая крупная хищная птица на Севере. Душит (хватает) добычу за горло, поэтому манси его так и называли (букв.: *тур* – горло; *уй* – животное). Из-за своего высокого полёта и белого хвоста он сравнивается в загадке с солнцем» [11, с. 166], «...ню́свойы́г...- ню́свой – ю́свой – орёл чёрный, орёл-беркут – самый крупный из орлов. В загадке из-за его тёмной окраски орёл-беркут сравнивается с луной» [11, с. 18-19].

В загадке парением – движением птиц в воздушных потоках показана также цикличность смены времени суток. Земля ассоциируется с пастбищем оленей-самцов, которых по количеству – 7. «Число 7 очень часто используется в фольклоре манси <...> в священных песнях <...> "Магическое число 7" (по сл. Дж. Миллера) характеризует общую идею Вселенной, константу в описании Мирового дерева, полный состав пантеона...» [3, с. 22], тем самым в загадке прослеживаются мифологические представления и символика, указывающие на их более древнее

происхождение.

В следующих двух текстах орлан-белохвост, репрезентирующий образ небесного светила – солнца, лишь подразумевается, внимание уделено в первом случае стреле с усиливающим его полёт пером-наконечником, сравниваемого с солнечным лучом; во-втором стрела с пером орлана-белохвоста сравнивается с шаровой молнией, бьющей в землю. Из примечания автора: «*Торум саңкв*» – шаровая молния (букв.: *Торума* (Бога) клин)» [11, с. 25].

«*Ам а́мьцма! / Туруйтовыл лэсың нял тэпың Ас, витың Ас котьлэн патс. / – Ханьцелын, ты маньыр? / – Ты хо́тал ка́т я́н покапс.* (зап. Мункачи)» – «Моя загадка! / Стрела с пером орлана-белохвоста в середину кормилицы Оби, полноводной Оби упала. / – Отгадай, что это? – Это солнечный луч в реке» [11, с. 20-21].

«*Ам а́мьцма! Туруйтовл лэсың нял са́т тал ма́н ёла щалты. / – Тый ма́ньыр? / – Ты Торум саңкв*» – «Моя загадка! Стрела с пером орлана-белохвоста на семь сажень в землю пробивается. / – Что это? / – Это шаровая молния» [11, с. 20-21].

Сравнение «стрелы с пером орлана-белохвоста» и шаровой молнии призвано показать некоторые типичные признаки и действия: по форме и цвету (яркости) шаровая молния похожа на «маленькое» солнце, по действию – её быстрое молниеносное движение подобно проблеску солнечного луча. В данной загадке обращает на себя внимание и «магическая цифра 7», молния бьёт «на семь сажень в землю».

Светило всегда изображается в связке с небом, луной, звёздами, временами года, землёй и т.д. так, например, в загадках «о небе и земле» небо представлено в образе соболя, а земля в образе другого схожего по величине зверька:

«*Ам а́мцум – о́в! / Нёхсыг у́йиг акв пальтыг. / – Ханьцелын, тыйи ма́ньыр? / (Ёлы ма́, нуми то́рум акв янытыг (сам на́нкнэ па́сыт))*» – «Моя загадка – эй! / Собо́ль и зве́рь одинаковой длины. / – Отгадайте, что это? / – Это земля и небо одной величины (то, что «охватывает взор»; (букв.: нижний мир и верхний мир одной величины (до видения глаз)» [11, с. 12-13].

Из точного перевода, мы видим, загадываемые небо и земля одинаковы «до видения глаз» – именно где показан уровень горизонта, то, что человек может окинуть взглядом, при этом «нижний и верхний мир» обязательно разделен, для неба подобран образ с более ценным мехом пушного зверька – собо́ль, образ земли представлен просто зверем, а в следующей загадке образ земли представлен уже почитаемым у манси животным – бобр, у которого ассоциативен с землей цвет

животного – коричневый:

«Ам *āмыцма!* / *Нёхсыг витуйыг акв палытыг.* / – Я, ханьцельїн, м̄аньыр? / (Ты *тормыг маг*)» – «Моя загадка – эй! / Соболь да бобёр длины одной. / – А ну-ка, угадайте, что это? / – Это небо и земля» [11, с. 12-13].

В образе связанным с мехом животного представлено «небо» и в двух других загадках, где «небо» вновь ассоциируется с образом соболя – «соболей шубой», во втором примере – «шубой из меха спинок зверьков», а земля просто «звериной шубой» и «шубой из меха брюшек зверей», что по качеству, конечно различается:

«Ам *āмцум – ов!* / *Нёхс сахийыг, уй сахийыг акв янытыг, акв палытыг, акв морсыг.* / – *Наң хомле номсэгын, тыйи маñыр сыр утыг?! / – Ты тормыг маг* (зап. Каннисто)) – Моя загадка – эй! / Шуба соболя да шуба звериная и размера одного, и длины одной. / – Что это за два предмета, как думаешь? / – Это небо и земля» [11, с. 14-15].

«Ам *āмцум – ов!* / *Сыс сахийыг, сорвит сахийыг акв янытыг, акв палытыг.* / – Я, ханцельїн, т̄маñыр? / – *Тормыг маг акв янытыг, акв палытыг / Ты сам наñкнэ пасыт*» (зап. Каннисто) – Моя загадка, эй! / Доха из спинок да дошка из брюшек и размера одного, и длины одной. / – Отгадайте, что это? / – Это небо и земля одной величины, одной длины (то, что охватывает взор)» (11, с. 14-15).

Однако образные сравнения с «меховыми шубами» в мансийских загадках часто применяют и для сопоставления их с движением воздушных масс, например, холодного и тёплого воздуха из помещений (в зимний период).

«Ам *āмцум – ов!* *Яñк сахиñ нэ кон квалы, сэмьл сахиñ нэ юв щалты.* / – Ты маñыр? Ханьцельїн! / (Ты *лылыеп; исум лылыеп кон квалы, полям лылыеп юв щалты*) (зап. Ромбандеева)» – «Моя загадка – эй! / Женщина в белой шубе выходит на улицу, женщина в чёрной шубе заходит в дом. / – Что это? Отгадайте?! / – Это тёплый воздух выходит наружу, холодный заходит в дом» [11, с. 32-33].

В аналогичных загадках подчёркиваются также и различия изделий, например, качество меха:

«Ам *āмыцма!* / *Сыс – сахиñ нэ кон квалы, сорвит сахиñ нэ юв щалты.* / – Ты маñыр? Ханьцельїн! / – Ты *ащирм эñ колна юв щалты, рэг эñ колныл кон квалы.* (зап. Мункачи)» – «Моя загадка – эй! / В дохе из спинок женщина из дому выходит, в дохе из брюшек женщина в дом заходит. / – Что это? А ну-ка, отгадайте? / – Холодный воздух в дом входит, тёплый воздух из дому выходит» [11, с. 32-33].

Подобные загадки складывались на основе народных наблюдений, люди замечали, что тёплый воздух по физическим свойствам легче, поэтому при входе-

выходе он стремится наверх, к небу, холодный потоки стелются ближе к земле.

Образ меховой шкуры предстаёт и в загадках о звёздном небе. Данная загадка очень распространена среди манси, записана в своё время от многих информантов на различных территориях. В загадке говорится о шкуре оленя-самца, акцентируется место его нахождения, в первой шкура находится на ночном небе, во второй – на крыше дома, что также подразумевает ночное небо:

«Ам *ā*мцум – *ō*в! / Нумын *pō*хсың *xār*сов нортыма. / – Ты́й ма́ныр? Ханьщельи́н? - Ты *tō*рм совыт. (зап. Каннисто)» – «Моя загадка – эй! Наверху (на небе) шкура оленя-самца с личинками овода. / – Что это? Отгадайте! / – Это звёзды на небе» [11, с. 12-13], (в комментарии: «дырки от личинок овода на шкуре оленя» [11, с. 172]).

«Ам *ā*мцум – *ō*в! / Колалат *pō*хсың *xār* то́вьиль хуйи. / – Я, ханьщельи́н, ты́ ма́ныр? / (Ты *tō*рм совыт (зап. Каннисто))» – «Моя загадка – эй! / На крыше дома лежит шкура оленя-самца с личинками овода / – А ну-ка, отгадайте, что это? / – Это звёзды на небе» [11, с. 12-13].

Сравнение звёздного неба со шкурой оленя-самца тесно сопряжено с имеющимся жизненным опытом народа, ведшего и до сих пор ведущего традиционный образ жизни, в том числе занятие оленеводством. Поражённую оводами оленью шкуру можно назвать предметом окружающей действительности оленеводов, вследствие чего и появилось данное сравнение.

В текстах загадок о природных явлениях часто можно встретить местонахождение загадываемого явления, объекта – наверху/внизу, таким образом, когда загадывают загадку, представляется, где находится отгадываемый объект. Например, в загадке о полумесяце, его местонахождение так же определено местом – «на крыше дома», т.е. наверху – на небе:

«Ам *ā*мцув – *ō*в! / Кол алат ня́ньпал хуйи. / – Ты́йи ма́ныр, ханьщельи́н? / - Ты *ē*ухуп. (зап. Ромбандеевой)» – «Моя загадка – эй! / На крыше дома полкаравая хлеба лежит. / – Что это, отгадайте?! / – Это половина луны» [11, с. 22-23].

Другие образы «неба» встречаются в загадке, где «небо» сравнивается с ценной, в своё время, тканью – шёлком:

«Ам *ā*мыцма! / Ло́мтэ то́лматах я́рмак. / – Ты́й ма́ныр, ханьщельи́н! / - Ты *а*тыр хал. (зап. Каннисто)» – «Моя загадка! / У шёлка лоскут оторвался. / – Что это, угадайте? / – Это чистый просвет в небе между облаками» [11, с. 14-15]. Следующая подобная загадка записана Б. Мункачи:

«Ам *ā*мыцма! / Ло́мтэ ха́цлум я́рмак. / – Ханьщельи́н, ма́ныр? / – То́румхар

тулт» – «Моя загадка! / Шёлк местами разорванный. / – Что это, отгадайте? / – Это в небе чистый просвет между облаками» [11, с. 20-21].

Образ «шёлка», как обозначение небесного пространства используется так же в загадке о заре:

«Ам а́мщум – о́в! / О́влэ манумтыт я́рмак. / – Ты, ма́ныр, ханщельи́н! / – Ты сэ́ринос. (зап. Е. И. Ромбандеева)» – «Моя загадка – э́й! / Шёлк с ободранным концом. / – Что это? Угадайте! / – Это заря» [11, с. 16-17]. Заря представлена в образе «ободранного» конца материи, что ассоциативно вырисовывает лоскут ткани с множеством распускающихся нитей подобно лучам зари. Образ «распускающейся материи» подобран также в следующей загадке о смене дня и ночи:

«Ам а́мыщма! / Во́йкан то́р акв па́лэ та́рамлы, акв па́лэ со́хтаве. / – Я, ханщельи́н, ты ма́ныр? (Ты То́рум хо́тла́лы, о́с э́тими)» (зап. Мункачи)» «Моя загадка – э́й! / У белого платка одна половина распускается, другая половина свёртывается. / – А ну-ка, отгадайте, что это? / – Это то день, то ночь наступает» [11, с. 20-21].

В данной загадке описано действие смены дня и ночи, образ белого платка как нельзя лучше вырисовывает образ северных белых ночей, когда солнце, не успев уйти за горизонт, тут же, плавно, подобно сворачиваемому-разворачиваемому платку, поднимается.

Шёлковая верёвка и шёлковые струны используются для обозначения образов, связанных с таким небесным явлением как гром:

«Ам а́мыщма! / Я́пак та́н то́нмапта́ве, хоталь о́лнэ ма́н То́румн акваг суйты. / – Тый ма́ныр, ханщельи́н?! / – Ты щახыл мирги. (зап. Каннисто)» – «Моя загадка, э́й! / Как заиграют на шёлковой струне, и на земле, и на небе – везде одинаково слышать. / – Что это, отгадайте?! / – Это гром грохочет-грохочет» [11, с. 30-31].

«Ам а́мыщма! Я́пак та́н та́нмапта́ве, ма́г, то́рмыг акван суйтэ́г. / (Мо́тнув щирыл: Я́пак квва́луг раматы, ма́янытыл суйты) / – Амщельи́н, ты ма́ныр? / – Ты щახыл мирги (зап. Каннисто)» – «Моя загадка! / Как заденут шёлковую струну – по земле и небу одинаковый звон слышен. / (Другой вариант: Шёлкова верёвка задрезбезджит – по всей земле слышать. / – Отгадайте, что это?! / – Это гром грохочет» [11, с. 32-33].

Учитывая, что музыкальные инструменты сопровождали человека с глубокой древности, материалы изготовления струн периодические менялись, были они из волокон некоторых растений (пальмы, льна), шёлка, конского волоса, сухожилий

животных и др. Представленные загадки говорят в пользу того, что у народа манси струны на музыкальных инструментах использовались, в том числе и шёлковые.

Подводя итог, отметим, что в условиях отсутствия письменности мансийский народ сумел отразить свой богатый духовный опыт в устном поэтическом творчестве, в том числе и в загадках, которые охватывают буквально все стороны общественного быта и жизни народа: его историю, хозяйственно-бытовой уклад, нравы, обычаи, природу.

Загадки в культуре народа в течение многих веков являются средством сохранения верных и точно подмеченных наблюдений за природой и природными явлениями. Проведенное исследование в области загадок о небесных явлениях показывает, что образы неба, солнца, месяца и звёзд в загадках восходят к древним мифологическим представлениям и символике.

В мансийской фольклорной традиции чаще всего встречаются загадки о солнце и луне, земле и воде, которые часто представляются в параллели («Моя загадка – эй! Орлан-белохвост да орёл чёрный летают – кружат, а под ними внизу пастбище с семью оленями-самцами. / – Отгадайте, что это? / – Это солнце и луна вращаются в небе, земля становится узорчатой, пёстрой» [11, с. 18-19]), либо представлены в одном пространстве («Моя загадка – эй! / Соболь и зверь одинаковой длины. / – Отгадайте, что это? / – Это земля и небо одной величины (то, что охватывает взор»; (букв.: нижний мир и верхний мир одной величины (до видения глаз)» [11, с. 12-13]), либо противопоставлены по времени («Моя загадка – эй! / И семь ночей пляшут-танцуют, / и семь дней пляшут - танцуют. / – Что это, знаете? / – Порывом ветра деревья раскачивает» [11, с. 16-17]). Одним из доминирующих признаков в загадках выступают признаки неизмеримости и периодичности («Моя загадка! У белого платка одна половина распускается, / другая половина свёртывается. / А ну-ка, отгадайте, что это? / – Это то день, то ночь наступает» [11, с. 20-21]).

Загадки о солнце и луне часто сходны по своей структуре, и строятся по принципу аналогии загадываемого объекта с тем или иным одушевленным существом или предметом. Например, луна может описываться в разных фазах (полнолуния и в убывающей фазе). В первом случае: «Ам а́мцув – о́в! / Кол алат няньпал хуйи. / – Ты́йи ма́ньр, ханьцельи́н? / – Ты ё́нхуп (зап. Ромбандеевой)» – «Моя загадка – эй! / На крыше дома полкаравая хлеба лежит. / – Что это, отгадайте?! / – Это половина луны», – месяц ассоциируется с предметом полукруглой формы («полкаравая хлеба»), во втором: «Ам а́мцув – о́в! / Кол алат пус няньпал хуйи. / – Ты ма́ньр? Ханьцельи́н? / – Ты пус э́тпос. (зап. Ромбандеевой)» – «Моя загадка – эй!

/ На крыше дома целый каравай хлеба лежит. / – Это что? Отгадайте! / – Это полная луна», с предметом круглой формы («целый каравай хлеба»).

По отношению к природным явлениям также в загадках используются зооморфные образы, которые являются общеупотребительными: соболю, олень (олень-самец), бобр, орлан-белохвост, орёл, в том числе отдельно их части используются как символы для изображения образа. Так, например, в загадках о звёздах небосвод представляется шкурой оленя, что позволяет сделать вывод: в мифологической картине мира шкура выступает как вещественная модель неба. Подчёркнём, что слово «небо» – «*торум*» в мансийском языке обозначает и название божества – *Торума*, т.е. природное явление в загадке само по себе обожествлено.

Обозначим также цветовую символику мансийских загадок. В образной части для описания солнца и светлого времени (дня) суток в основном фигурируют предметы с более светлой или белой цветовой гаммой («...у белого платка одна половина распускается...», «орлан-белохвост...»); для описания земли взяты образы с темным окрасом животного («бобр»), ровно также как в описании луны и ночи («...В тёмном углу сидит женщина с серебряным колечком – шьёт да пошивает...» (загадка о лунном луче), «...орёл чёрный...», «...на крыше дома, каравай хлеба лежит...» («на крыше» – *обычно там темно*)).

Наше исследование показало, что в мансийском фольклоре встречаются загадки, отражающие различные явления окружающего мира. Разобраться в таком обширном материале помогает его систематизация. В данной работе нами лишь предпринята попытка на примере сборника Т. Д. Слинкиной «Мансийские (вогульские) загадки» описать некоторые загадки о природных явлениях. В целом цикл мансийских загадок сложно разделить на отдельные подгруппы, т.к. в них образы одного предмета тесно связаны с образами других, также одному и тому же природному явлению посвящено несколько вариантов загадок, в которых открываются всё новые особенности объекта изображения. Д. Н. Садовников в сборнике «Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач» отмечает, что «в загадках отразились взгляды народа на природу и окружающую обстановку; в ней, более древней по форме и происхождению, открылся полный простор для творческой фантазии народа» [12, с. 67]. Проведённое исследование открывает возможности для дальнейшего её изучения.

Список литературы

1. Куприянова З. Н. К вопросу о жанровом составе фольклора угро-самодийских народностей // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972. С. 138-146.
2. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут : АИИК "Северный дом" и Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1993. 208 с.
3. Иванова В. С. О семантике чисел в духовной культуре обских угров. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 35 с.
4. Попова С. А. «Время, когда манси хранили огонь в най саныт 'коробе огня'» (по рукописным материалам П. Е. Шешкина). // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 3. С. 556–562.
5. Кумаева М. В. Особенности языка мансийского фольклора // Вопросы гуманитарных наук. 2022. № 5. С. 13–15.
6. Панченко Л. Н. Персонажная структура мансийского фольклора: Хумпõрхсуп 'половинный человек' // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 671–679.
7. Панченко Л. Н. Трансформация фольклорных образов в творчестве А. М. Коньковой // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 272–279.
8. Динисламова О. Ю. Периодизация детского возраста в мансийской языковой картине мира: сопоставительный аспект // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 251–259.
9. Герасимова С. А. Лексико-стилистические средства в мансийских героических песнях / С. А. Герасимова // II Шесталовские чтения. Матер. международ. Научно-практич. конф. Тюмень: Формат, 2021. С. 121–127.

Список источников

10. Зуева Т. В. Русский фольклор: словарь-справочник. М.: Просвещение, 2002. 149 с.
11. Слинкина Т. Д. Загадки мансийские (вогульские). Авт.-сост. Т. Д. Слинкина. Научн. Ред. Е. И. Ромбандеева, д-р филол. н. Ханты-Мансийск, ГУИПП: «Полиграфист», 2002. 178 с.
12. Садовников Д. Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. / Сост. Д.Н. Садовников; вступ. ст., ред. и примеч. В.П. Аникина. М.: МГУ, 1959. 258 с.

УДК 811.161.1

Михеева Г.В. Лингвокультурологический потенциал сказок С.Г. Писахова

Михеева Галина Владимировна

канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
РФ, г. Архангельск
g.mikheeva@narfu.ru

Linguoculturological potential of S.G.'s fairy tales Pisakhova

Mikheeva Galina Vladimirovna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russia, Arkhangelsk

Аннотация. Статья посвящена определению лингвокультурологического потенциала сказок С.Г. Писахова на основе исследования лингвокультурологического поля «Архангельский Север», выявления и описания лингвокультурем его составляющих. Описываются группы лингвокультурем в соотношении с типами их языковой репрезентации. При интерпретации лингвокультурем обнаруживается их аксиологическая составляющая. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в сказках С.Г. Писахова детально отражена традиционная культура Архангельского Севера.

Ключевые слова: Архангельский Север, Степан Писахов, культура, сказка, лингвокультурема.

Abstract. The article is devoted to determining the linguocultural potential of S.G.'s fairy tales. Pisakhov based on the study of the linguocultural field "Arkhangelsk North", identifying and describing the linguocultures of its components. Groups of linguoculturemes are described in relation to the types of their linguistic representation. When interpreting linguocultures, their axiological component is revealed. The results obtained allow us to conclude that in the fairy tales of S.G. Pisakhov reflects in detail the traditional culture of the Arkhangelsk North.

Keywords: Arkhangelsk North, Stepan Pisakhov, culture, fairy tale, linguistic culture.

Степан Григорьевич Писахов – известный северный этнограф, художник и писатель. Тонкий знаток культуры Русского Севера, он сам был ярким представителем этой культуры. «Север, Арктику ... Писахов изъездил вдоль и поперек. И мало кто так знал, так чувствовал родной край, его культуру и быт, его обычаи и обряды, сказки и легенды, его чудо-язык», – писал Ф.А. Абрамов [10, с. 551]. Широкую известность в литературных кругах С.Г. Писахов получил как автор самобытных северных сказок. Исследователи творчества писателя: Ш.З. Галимов, А.А. Камалова, И.Б. Пономарева и др. – отмечают жанровое своеобразие сказок, их уникальную образность, безудержную фантазию и бесподобный язык автора.

Традиционно большинство изданий С.Г. Писахова открывает сказка «Не люблю

– не слушай», которая начинается словами: «Про наш Архангельский край столько всякой неправды да напраслины говорят, что придумал я сказать все, как есть у нас. Всю суццу правду...» [11, с. 25]. Действительно, от сказки к сказке раскрывается читателю богатейшая культура Русского Севера, не только современная писателю, но и та, о которой он слышал от представителей старшего поколения, которую изучал в многочисленных поездках. Сказки С.Г. Писахова, по нашему мнению, являются убедительной иллюстрацией положения В.А. Масловой о том, что истинным хранителем культуры является текст, «ибо он пронизан множеством культурных кодов, ... хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, т.е. обо всем, что составляет содержание культуры» [1, с. 87]. Изучение взаимодействия языка и культуры, описание способов репрезентации фактов культуры в языке – основные области исследования лингвокультурологии. В предлагаемой статье представлен результат анализа текстов сказок С.Г. Писахова с целью выявления их лингвокультурологического потенциала.

Как показал анализ литературы по проблеме, на рубеже двадцатого – двадцать первого веков лингвокультурологический анализ текста чаще использовался при обучении русскому языку как иностранному. В современных условиях возникла необходимость лингвокультурологического анализа и комментирования художественных текстов для носителей языка.

Так, Р.Х. Хайруллина отмечает, что у современных учащихся возникают трудности в понимании художественных текстов русской литературы XIX – XX веков, так как произошло устаревание того культурно-исторического фона, который «выступал когнитивной базой для осмысления тех или иных культурно значимых понятий» [2]. Ученый выделяет тематические группы культурных концептов, требующих лингвокультурологического исследования и толкования: 1) наименования, характеризующие образ жизни (тип хозяйствования, ремесла, промыслы и т.п.); 2) наименования реалий быта (жилище и его элементы, утварь, одежда, продукты питания, досуг и т.п.); 3) наименования видов ландшафта, природных явлений, видов животного и растительного мира; 4) наименования реалий, характеризующих религиозные атрибуты и обряды; 5) слова ограниченного употребления: устаревшая, диалектная лексика и т.п.

Культурный концепт, как образно охарактеризовал его Ю.С. Степанов, «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [3, с. 43]. Развивая идеи предшественников, Н.Ф. Алефиренко приходит к важному выводу, что «культурный концепт представляет собой внутреннюю

репрезентацию обобщенного и определенным способом структурированного смыслового (эмпирического, опытного) содержания». Рассматривая смысл как лингвокультурологическую категорию, ученый отмечает подвижность и изменчивость смысла в зависимости от эпохи, от субъективного восприятия человеком, от специфики текста [4, с. 175–176].

Отметим также, что при лингвокультурологическом анализе художественного текста важно принимать во внимание мысль Н.Ф. Алефиренко о таких категориальных свойствах концепта, как память и воображение, которые обеспечивают синтез смысловых связей концепта с настоящим, прошлым и будущим [4, с. 177].

Данные положения, по нашему мнению, необходимо учитывать при лингвокультурологическом анализе текста, так как это поможет преодолеть временные дистанции: первую, которая отделяет читателя от времени и культуры, изображенной автором в тексте; вторую, которая отделяет читателя от эпохи самого автора. Нередко автор произведения и современный читатель, являясь представителями разных эпох (это справедливо и в отношении сказок С.Г. Писахова), воспринимают и оценивают события, факты с разных позиций. Мы не затрагиваем сейчас основополагающих мировых устоев, общечеловеческих незыблемых ценностей. Речь идет о социальной специфике устройства общества, в котором жил и творил автор. Поэтому интерпретация культурного концепта, по нашему мнению, должна осуществляться с позиции времени, изображенного в произведении; времени, когда это произведение было создано; и с позиции современности, поскольку в конечном итоге вся эта работа направлена на то, чтобы восприятие художественного текста современным читателем было полноценным.

Предметом лингвокультурологических исследований, согласно В.А. Масловой, являются лингвокультурологические единицы, в число которых входят: 1) безэквивалентная лексика и лакуны; 2) архетипы и мифологемы, обряды и поверья и т.п., закрепленные в языке; 3) паремии и фразеологизмы; 4) эталоны, стереотипы, символы; 5) метафоры и образы языка; 6) стилистические особенности языка; 7) речевое поведение и речевой этикет. Ученый отмечает, что предложенный список не является исчерпывающим и может быть продолжен [1, с. 36 – 37].

К единицам лингвокультурологии относят лингвокультуре́му (В.В. Воробьев, А.В. Горушкина, Е.И. Зиновьева, Н.В. Кривошапова и др.). Лингвокультуре́ма – «комплексная межуровневая единица» [5, с. 45], сочетающая в себе диалектическую связь значения языкового знака и внеязыкового содержания, соотносимого с

понятиями материальной и духовной культуры.

Мы соглашаемся с положениями В.В. Воробьева и Р.Х. Хайруллиной о целесообразности выделения понятия «лингвокультурологическое поле», под которым понимается «иерархическая система единиц, обладающих общим значением и отражающих в себе систему соответствующих понятий культуры, лингвокультурем» [6, с. 27]. Лингвокультурологическое поле, как отмечают ученые, в первую очередь «совокупность культурных знаний, сведений и представлений, окружающих один языковой знак. В состав такого поля входят языковые единицы разных типов, интерпретирующих «имя» поля, или культурный концепт» [7].

Лингвокультурологический анализ сказок С.Г. Писахова связан с исследованием лингвокультурологического поля, «имя» которого – «Архангельский Север», с выявлением и описанием лингвокультурем его составляющих. Принимая во внимание описанные выше трудности в понимании художественных текстов современными читателями, выявленные Р.Х. Хайруллиной, и виды лингвокультурологических единиц, перечисленные В.А. Масловой, мы осуществили выборку лингвокультурем из текстов сказок и распределили их по группам в соотношении с типами языковой репрезентации.

К первой группе лингвокультурем нами отнесены топонимы. В сказках встречается более трех десятков наименований природных объектов (*океан Ледовитый, Белое море, Двина, Новая Земля, Мурман* и др.) и объектов, созданных человеком, от крупных административно-территориальных единиц до названий конкретных мест (*Архангельский город, Соломбала, Уйма, Немецкая слобода, Соборная площадь* и др.). Топонимы рассматриваются как «свернутый лингвокультурный текст, лингвокультурный код» [8], поскольку за каждым наименованием своя история, свое языковое отражение культуры. Особый интерес в этой группе представляют прежние наименования ныне существующих объектов и наименования объектов, не сохранившихся до наших дней.

Так, прежнее название Архангельска – «город Архангельский» отсылает к истории его возникновения. В XII веке на месте Архангельска новгородцами был основан Михайло-Архангельский монастырь в честь Архангела Михаила. В конце XVI века по указу Ивана Грозного вокруг монастыря возвели деревянную крепость, получившую название Архангельский город. Отсылка к первоначальному значению слова «город» – «огороженное место». Крепость была необходима для защиты северных рубежей России от шведов. Архангельск – первый торговый порт страны. Иностранные купцы имели свои представительства в городе, именуемые «дворами

немецкими», которые располагались недалеко от порта на небольшой территории, получившей название «Немецкая слобода», хотя жили там не только немцы, но и англичане, голландцы, норвежцы, шведы, французы. В случае временного отъезда хозяев-иностранцев из России за дворами присматривали «дворники» (наименование XVII века) из местных жителей, обязанностями которых были охрана и содержание построек в надлежащем виде. В современном Архангельске такого района не существует, утрачены улицы и строения, а художественный текст зафиксировал эти факты культуры, их интерпретация может быть осуществлена не только с фактологической, но и с аксиологической позиции.

В следующую группу лингвокультурем нами отнесены наименования природно-климатических явлений (*белые ночи, поветерь, мокреть, северное сияние, топь да болото с провалами, лес сухостойник* и др.), видов животного (*белый медведь, морж, нерпа, белуха, палтусина, стерлядь* и др.) и растительного мира (*морозика, клюква, черемуха, брюква, рыжики, грузди* и др.). Эти наименования отражают типичный пейзаж Архангельского Севера, разнообразие его флоры и фауны. Наиболее «культуроемкими» единицами здесь являются диалектные наименования природно-климатических явлений, связанных с традиционными морскими промыслами. Например, «поветерь» – попутный ветер, значимое явление в жизни поморов-мореходов. «Ветры и морские воды – дружки неразлучные: по ветру узнаем, как сейдень море живет, а по морю – какой ветер над ним гуляет», – отмечала К.П. Гемп в «Сказе о Беломорье» [9, с. 89]. У С.Г. Писахова описание природы ценностно-окрашено, транслирует установки традиционной духовной культуры северян – любовь к родному краю, его природе: «*ветер, молодой подросток*», «*дру́ги шалуны-ветры*», «*молодых ветров, игровых, ласковых*».

Самую большую группу лингвокультурем – наименований, отражающих образ жизни северян целесообразно распределить на подгруппы: 1) наименования связанные с промыслами (*трал, поддев, ярус, весновать, летовать, становище, отхожий промысел* и др.), с хозяйственной деятельностью (*обредня, прясть, деревья обтесывать, дорогу вешить, на поденщине работать* и др.); 2) наименования отражающие специфику жилища – северной избы (*подволока, поветь, горница, полати, вьюшка, посторонок, узорный обнос, дом в два жилья* и др.) и предметов быта (*крынка, ладка, пешня, катки для белья, вальки, шаркунок* и др.); 3) наименования одежды (*штофник, коротенька, жемчужные повязки, оподолье, оплечье* и др.); 4) наименования продуктов питания (*опекиши, пирог с шепталой, припеки, сгибни, солоники, рыбник, кислые шти* и др.); 5) досуг (*затянут песню*

старинну, длинну, с переливами, с выносом, угощать с упросом, гармонь трехрядка с колокольчиками и др.). В сказках С.Г. Писахова запечатлена вся традиционная жизнь населения Архангельского Севера с ее культурой, традициями и ценностями.

К еще одной группе лингвокультурем мы отнесли образные средства языка, в первую очередь метафоры и гиперболы. По нашему мнению, именно через образные лингвокультуремы переданы культурные установки и ценности жителей Архангельского Севера. Любование природой родного края, осознание ее уникальности: *«У нас летом солнце-то не закатывается: ему на одном-то месте стоять скучно, ну, оно и крутит по небу. В сутки разов пятьдесят обернется, а коли погода хороша да поветерь, то и семьдесят»* [11, с. 26]; *«утром ранним да при первом солнышке всяко место праздником живет. И деревья, и кустики, и травка расправляются, улыбаются, здороваются»* [11, с. 41]. Для Русского Севера характерно особое отношение к женщине – жене, матери: *«(жена) оденется – выйдет алой зоренькой, пройдет светлым солнышком, ввечеру ясным месяцем прокатится»* [11, с. 187]. С помощью метафоры С.Г. Писахову удается передать нетерпимость северян к разного рода несправедливости, воровству, взяточничеству: *«им чужо добро руки не кололо»*; *«ехидны бумаги»*, *«крюкотворные дела»*, *«полицейски уж статьи выписывали и сосчитывали, сколько взять: Приходно. Проходно. Причально. Привально. Грузово. Весово»*. Достоинство и скромность – качества, которые ценятся в людях, поэтому в лингвокультуремах, осуждающих высокомерие, манерность присутствует ирония: *«с особенным модным фасоном чашку в двух перстах едва держит и чай выфыркиват»*, *«голосок тоже вывертывает, то сквозь нос, то сквозь зубы, то голос как на каблук вздынет»*. Лингвокультуремы этой группы имеют выраженную аксиологическую направленность.

Таким образом, результаты анализа сказок С.Г. Писахова позволяют говорить об их значительном лингвокультурологическом потенциале. Репрезентанты лингвокультурем отражают исторические особенности развития культуры, материальной и духовной на Архангельском Севере. Особо хочется отметить наличие культурных уровней в лингвокультуремах, отнесенных нами к топонимам и наименованиям, отражающим образ жизни северян. Эти уровни подобны культурным слоям, которые обнаруживаются при археологических изысканиях. Уровневая интерпретация лингвокультуремы в соотнесении со временем, изображенным в произведении, временем создания произведения и современностью позволит показать взаимодействие языка и культуры как живой,

взаимообусловленный, развивающийся процесс.

Список литературы

1. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
2. Хайруллина Р.Х. Лингвокультурное пространство художественного текста // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы №2 (42) 2017. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29896283_46327340.pdf (дата обращения: 05.03. 2024).
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
4. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта, 2020. – 288 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1233346> (дата обращения: 10.03.2024).
5. Воробьев В.В. Лингвокультурология: монография. М.: РУДН, 2006. – 336 с.
6. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: изд. РУДН, 1998. – 331 с.
7. Хайруллина Р.Х., Воробьев В.В. Лингвокультурологическое поле как единство языка и культуры // Международный научно-исследовательский журнал № 4 (106) 2021. Часть 4. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/4-106-4.pdf> (дата обращения: 11.03. 2024).
8. Королёва И.А. Топонимы как свернутый лингвокультурный код // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2015. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/toponimy-kak-svernutyy-lingvokulturnyy-kod> (дата обращения: 26.03.2024).
9. Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений – М., 2004.– 637 с.

Список источников

- 10.Абрамов Ф.А. Были и небыли Степана Писахова // Собрание сочинений: в 3-х т. Т. 3. Л., 1982. – С. 550-553.
- 11.Писахов С.Г. Сказки; Очерки; Письма. Архангельск: Сев.-зап. кн.изд-во, 1985. – 367 с.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 8.82

Свистунов А.С. Аллюзия как ключевой элемент в создании интертекстуальных связей для передачи эмоционального состояния персонажей на материале произведений Фланнери О`Коннор

Свистунов Александр Сергеевич

ст. преподаватель кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
wanted_007_@mail.ru

Allusion: A Key Intertextual Element and a Means of Emotional Depiction in Flannery O`Connor`s works

Svistunov Alexander Sergeevich

senior lecturer, Department of Theory and Practice of Translation & English Philology
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Аннотация. Исследуется понятие и функции аллюзии как художественного приема в контексте обрисовки эмоционального состояния литературного персонажа в произведениях Фланнери О`Коннор. В результате анализа целого ряда аллюзивных фактов, присутствующих в художественных текстах О`Коннор, прослеживается глубокая интертекстуальная связь «южноготических» произведений писательницы с библейскими реалиями и сочинениями известных американских и европейских литераторов. Раскрываются конкретные художественные задачи и эффект, достигаемые при помощи внедрения аллюзий в текст произведения.

Ключевые слова: аллюзия, интертекстуальность, психологический портрет, психологизм, христианство, религиозность

Abstract. The paper breaks down the concept and purpose of allusion as a stylistic means of emotional depiction of fictional characters in Flannery O`Connors`s works. With a wide range of allusive references found in her short fiction and subsequently analyzed, there is multilayered intertextuality in O`Connor`s Southern Gothic writings referring to Christian realities as well as to works by renowned American and European writers. It is also explained how when incorporated into a fictional writing, allusions help in achieving targeted goals and producing expected results for fiction writers.

Keywords: allusion, intertextuality, psychological portrayal, psychologism, Christianity, religiosity

Исследуя вопрос авторского отношения к литературному персонажу, являющемуся, по сути, «движущей силой» художественного текста, невозможно обойти стороной такой эффективный способ психологической обрисовки персонажа, как аллюзия. Данный стилистический прием несет в себе характерную смысловую нагрузку и содержит отсылки, намеки или указания на известный факт, историческое или политическое событие, литературное произведение и т.п.

Факт, на который «намекает» аллюзия, обозначается термином «аллюзивный факт» – это любого рода явление, на которое прямо или косвенно ссылается автор. М.А. Горovenko дает следующее определение данного термина: «Аллюзивный факт являет собой фрагмент фоновых знаний, к которому отсылает аллюзия. В качестве аллюзивного факта могут выступать: текст или его фрагмент, произведение искусства, не являющееся текстом, историческое событие или лицо, событие или лицо современной жизни» [1, с. 96].

Основные отличия между общепринятыми литературоведческими определениями аллюзии как художественного приема прослеживаются при обозначении границ тем аллюзивного факта. Так, Л.А. Машкова классифицирует аллюзии согласно следующим критериям: источник аллюзии (библейские, бытовые, литературные, исторические, мифологические); степень известности аллюзивного факта; наличие или отсутствие национальной окраски [2, с. 8].

В контексте создания психологического портрета литературного персонажа аллюзия может выполнять разнообразные художественные задачи, поставленные автором литературного текста. К примеру, посредством аллюзий можно получить дополнительные сведения о персонаже и об авторе, которые последний не предоставил напрямую. Аллюзии обращают читателя к определенным знаниям, с помощью которых и будет расшифрована как сама аллюзия, так и интенция, повинувшаяся которой автор прибегнул к данному стилистическому приему.

Одним из таких авторов является писательница Фланнери О'Коннор – классик американской прозы, за которой закрепилась репутация одного из основоположников и ярчайших представителей «южноготического» направления в литературе, каким мы знаем его сегодня.

Аллюзии прослеживаются во многих рассказах писательницы, однако наиболее частое и яркое проявление они получили в произведениях на **религиозную тематику** и проблематику, отличающихся глубоким психологизмом и неподдельной гротескностью.

В качестве примера для анализа стоит обратить внимание на рассказ «Parker's Back», где проблема веры человека в Бога раскрывается посредством библейских аллюзий и необычной для темы веры в Бога ситуации – выбора татуировки. Главный герой рассказа Паркер – крепкий мужчина, разнорабочий, чье тело (кроме спины) полностью испещрено не имеющими какого-либо смысла татуировками. Чтобы угодить глубоко верующей супруге, мужчина решает набить татуировку на христианскую тематику. Придя в салон, Паркер листает альбом с эскизами, где

представлено множество вариантов татуировок на религиозную тему. Среди них Паркер просматривает эскизы в виде различных сцен из Библии: «*Some of them he recognized – The Good Shepherd, Forbid Them Not, The Smiling Jesus, Jesus the Physician's Friend, but he kept turning rapidly backwards and the pictures became less and less reassuring» [3, с. 667].*

Данный отрывок, полностью состоящий из аллюзий, характеризует мужчину как человека не настолько далекого от религии, каким он всю свою жизнь стремился казаться, богохульствуя и смеясь над верующими людьми. Паркер узнает некоторые сцены из Библии, но они не впечатляют его. Однако мужчину с библейским именем Обадаия (которое он от всех скрывает) задевает за живое и совершенно поражает эскиз татуировки, сделанный по византийской иконе Иисуса Христа: «*On one of the pages a pair of eyes glanced at him swiftly. Parker sped on, then stopped. His heart too appeared to cut off; there was absolute silence. It said as plainly as if silence were a language itself, GO BACK...Parker returned to the picture – the haloed head of a flat stern Byzantine Christ with all-demanding eyes. He sat there trembling; his heart began slowly to beat again as if it were being brought to life by a subtle power» [3, с. 667]. Эпизод «встречи» Паркера с Иисусом Христом крайне важен для анализа психологии персонажа. Аллюзии на эпизоды из Библии и икону помогают читателю понять сущность Обадаия, с которой мужчина сам не может сладить и которую не может понять на протяжении всей жизни. Выбрав в качестве татуировки лик Христа, Паркер дал волю своей, как оказалось, желающей верить натуре, хотя сам мужчина наотрез отказывается даже подумать о таком. Сделать татуировку для верующей жены – всего лишь предлог, так как в конце рассказа оказывается, что жена совершенно далека от духовности и не признает святой лик, что доводит Паркера до отчаяния и слез. Эпизод, где Паркер с ужасом пытается донести до жены, кто вытатуирован у него на спине, впечатляет эмоциональным накалом прежде сурового и непробиваемого мужчины. В данном рассказе аллюзии помогли персонажу выбраться из темноты и заблуждений, где он так долго пребывал.*

Интересным с точки зрения аллюзийного анализа является рассказ «The Enduring Chill». Этот рассказ – один из немногих, где аллюзии используются автором часто, в ходе всего повествования. Каждая из них играет свою роль в раскрытии психологии персонажей.

Рассказ повествует о несостоявшемся писателе Эсбери, страдающем каким-то серьезным недугом, при этом каким именно – неясно ни ему самому, ни читателю. Мужчина, будучи уверенным, что болезнь смертельная и жить ему осталось недолго,

сообщает об этом другу Гетцу. Тот, проживший некоторое время в Японии, стал «*as bland as the Buddha himself*» и принимает новость с полнейшим спокойствием. Гетц пытается утешить друга, ссылаясь на буддийские учения, но одновременно опровергая их и отрицая возможность смерти товарища: «*Although the Bodhisattva leads an infinite number of creatures into nirvana, in reality there are neither any Bodhisattvas to do the leading nor any creatures to be led*» [3, с. 549-550]. Аллюзией на буддизм мужчина пытается успокоить павшего духом друга, что характеризует его как доброго товарища, но и как человека далекого от веры, так и не познавшего истину. Эсбери подобное заявление друга совсем не утешило.

Встречаются в рассказе и несколько аллюзий на писателей и литературные произведения. Причина тому – мечта Эсбери стать писателем. Мужчина считает себя преданным искусству, родная сестра же считает его лишенным всякого писательского дара. Одна из таких литературных аллюзий – аллюзия на Франца Кафку и его письма к отцу: «*While he was still in New York, he had written a letter to his mother which filled two notebooks. He did not mean it to be read until after his death. It was such a letter as Kafka had addressed to his father*» [3, с. 554]. Сравнивая письма Эсбери к матери с письмами Кафки к отцу, О’Коннор дает читателю понять, в насколько тяжелом и критичном душевном состоянии находится мужчина. Основная тема творчества Кафки – обреченность, трагизм бессмысленности существования. Так и герой О’Коннор чувствует себя обреченным, ненужным и пропащим. В письмах к матери он излагает всю свою боль и надеется, что хотя бы после смерти мать поймет родного сына.

Стоит отметить, что мать – единственный человек, помимо самого Эсбери, кто действительно верит, что ее сын способен написать что-то стоящее, просто ему необходимо на это время. В разговоре с сыном женщина ссылается на знаменитый американский роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», тем самым пытаясь приободрить сына, сравнивая его талант с даром Митчелл. Мать верит, что сын способен написать достойную, подобно выдающемуся роману, книгу: «*I think it would be nice if you wrote a book about down here. We need another good book like Gone With the Wind*» [3, с. 560]. С помощью данной аллюзии автор дает понять, что мать, несмотря на все разногласия и неверные поступки с ее стороны, любит сына, пусть и по-своему.

Сам же Эсбери часто в ходе рассказа упоминает писателей и поэтов, цитирует их произведения, что характеризует его как мужчину образованного, имеющего незаурядный вкус, как настоящего ценителя качественной литературы. Кроме того,

аллюзии позволяют проникнуть во внутренний мир тяжелобольного мужчины, тщательно скрытый от других. Например, в письме к матери Эсбери цитирует Уильяма Батлера Йейтса, чем пытается достучаться до нее, объяснить, почему бежал из родного дома в далекий и чужой Нью-Йорк: «*I came here to escape the slave's atmosphere of home...to find freedom, to liberate my imagination, to take it like a hawk from its cage and set it 'whirling off into the widening gyre'»* [3, с. 554].

В разговоре с крайне консервативным священником Эсбери упоминает Джеймса Джойса, проверяя интеллектуальный уровень старика и пытаясь понять, стоит ли тратить время на выслушивание суровых, бездуховных и догматичных проповедей иезуита: «*There's no one here an intelligent person can talk to. I wonder what you think of Joyce, Father?»* [3, с. 565]. На что старик отвечает: «*Joyce? Joyce who?»* [3, с. 565]. Затем служитель церкви говорит, что никогда не встречал его. Мужчина, сначала крайне обрадовавшийся приходу священника, которого он сам так настойчиво просил привезти, после разговора с фанатичным иезуитом совершенно разочаровывается и понимает тщетность попыток что-то понять для себя посредством разговора с духовным лицом. Данный диалог о Джойсе показательно вырисовывает психологический портрет мужчины, выражает внутреннее желание Эсбери поговорить на равных с человеком, которой понял бы его, но священник оказался не тем, которого так ждал тяжелобольной.

Посредством аллюзий О'Коннор удается раскрыть душу замкнутого и озлобленного Эсбери, который в итоге оказывается абсолютно несчастным и больным молодым человеком. Перспектива выздоровления и жизни с матерью и несносной сестрой пугает Эсбери больше всего на свете, а смерть воспринимается им как спасение.

Приведенный выше ряд иллюстративных примеров является бесспорным подтверждением того, что аллюзия как художественный прием содержательна, а степень ее информативности высока. Данное стилистическое средство позволяет читателю получить не только информацию, заложенную в произведении, но и узнать точку зрения самого автора о том или ином описываемом им явлении. Расшифровка аллюзий, как и любого компонента интертекстуальности, предполагает наличие у автора и читателя определенных знаний общего характера, а порой и весьма специфических. Посредством аллюзий автор может создать яркий и важный для произведения образ, что, в свою очередь, поможет в создании общего и психологического портрета персонажа. Использование героем аллюзий зачастую экспрессивно характеризует его, дает картину его умственных способностей,

демонстрирует уровень образования и эрудиции, обрисовывает картину психологического состояния, что и является предметом изучения данного исследования.

Список литературы

1. Горовенко, М.А. Стилистический прием аллюзии в свете теории интертекстуальности: на материале романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» / М. А. Горовенко // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Філологічні науки. – 2013. – №33. – С. 95-98
2. Машкова, Л.А. Литературная аллюзия как предмет филологической герменевтики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Л. А. Машкова. – Москва : МГУ, 1989. – С.8-9.
3. O'Connor, F. Collected Works: Wise Blood / A Good Man Is Hard to Find / The Violent Bear It Away / Everything that Rises Must Converge / Essays & Letters / F. O'Connor. – New York : Library of America, 1988. – 1281p.

УДК 821.111

Эрштейн М.О. Биографическое кредо У. Г. Симмса

Эрштейн Марина Оттовна

канд. филол. наук, доцент, ЧОУ ДПО "Центр НМО", РФ, г. Уфа
erchstein@mail.ru

The biographical credo of W. G. Simms

Ershtein Marina Ottovna

Cand. Sci. (Philology), associate professor
CHOU DPO "Tsentr NMO, Russia, Ufa

Аннотация. В статье предпринимается попытка определить значение и место жанра биографии в творчестве Уильяма Гилмора Симмса, американского писателя романтического направления XIX века; анализируются художественные и поэтические принципы, которыми Симмс руководствовался при создании четырех жизнеописаний известных исторических личностей (Ф. Мэриона, Дж. Смита, шевалье Баярда, Н. Грина) и заметок о жизни Уильяма Шекспира в предисловии к шекспировским апокрифам. Предпринятый анализ показал, что Симмс-биограф, оставаясь писателем-романтиком, стремился придерживаться строгих фактов, однако допускал незначительный объем авторских догадок. Подобный творческий подход обусловил сочетание научности и беллетризованности биографических произведений У. Г. Симмса.

Ключевые слова: американская литература, романтизм, биография, история, жанр, У. Г. Симмс

Abstract. The article attempts to determine the significance and place of the genre of biography in the work of William Gilmore Simms, an American writer of Romanticism of the 19th century; it analyzes the artistic and poetic principles that guided Simms in creating four biographies of famous historical figures (F. Marion, J. Smith, Chevalier Bayard, N. Greene) and notes on the life of William Shakespeare in the preface to Shakespeare's Apocrypha. The undertaken analysis has shown that Simms the biographer, remaining a Romantic writer, strove to adhere to strict facts, but allowed a small amount of authorial speculation. This authorial approach caused a combination of scientificity and fictionality of W. G. Simms's biographical works.

Key words: american literature, romanticism, biography, history, genre, W. G. Simms

Научно-критический интерес к творчеству У. Г. Симмса, американского писателя-романтика, являющегося одним из классиков литературы Юга США XIX в., неуклонно возрастает с 90-х годов XX в., после долгого периода забвения. Как в нашей стране, так и за рубежом регулярно появляются новые публикации, посвященные различным аспектам обширного творческого наследия писателя [3; 5; 10]. Корпус работ У. Г. Симмса составляют произведения самых разных жанров: романы, новеллы, поэмы и стихотворения, литературно-критические статьи, историографические работы, биографии и многочисленные публицистические

заметки; полное собрание сочинений У. Г. Симмса насчитывает 20 томов [2, с. 100]. На сегодняшний день наиболее полно изучены его романы и рассказы. Однако многие произведения Симмса остаются пока малоисследованными, к ним относится и его биографическая проза.

Между тем, вклад писателя в развитие биографического направления в романтической литературе Юга США значителен, его «Жизнеописания» заслуживают пристального научного внимания. С. Р. Бьюсик, автор монографии «Трезвое стремление к истории: У. Г. Симмс как историк» называет писателя «центральной фигурой, работавшей в жанре биографии на Юге середины XIX века» [4, р. 36]. Дж. Рогерс отмечает, что, «Симмс, будучи популярным автором художественной литературы, также завоевал авторитет как историк, особенно как автор эссе и биографий» [7, р. 208].

У. Симмс работал над биографиями в период с 1844 по 1849 годы: именно в это время он написал четыре полномасштабные биографические книги. Однако необходимо подчеркнуть, что писатель проявлял интерес к биографическому жанру как до, так и после «пятилетия жизнеописаний»; он продолжал собирать различные исторические документы и материалы на протяжении всей жизни; известно, что он делал наброски для нескольких биографий, которые так и остались в рукописях. Как свидетельствовали современники, при работе с историческими источниками Симмс проявлял тщательность и скрупулезность. Некоторые редкие исторические документы находились в его личной библиотеке в имении «Вудлендс» (Южная Каролина); к слову, знаменитая симмсовская библиотека к 1860-м годам насчитывала 12 000 томов [7, р. 212].

У. Г. Симмс является автором четырех биографических книг: «Жизнь Фрэнсиса Мэриона» (1844), «Жизнь капитана Джона Смита, основателя Виргинии» (1846), «Жизнь шевалье Баярда» (1847) и «Жизнь Натаниэля Грина, генерал-майора армии революции» (1849). Героями симмсовских биографий стали известные исторические личности: два прославленных участника Войны за Независимость США – Фрэнсис Мэрион (1732 – 1795) и Натаниэль Грин (1742 – 1786); легендарный английский путешественник, один из основателей Джеймстауна и Виргинии (знакомый современным читателям по романтической истории с дочерью вождя индейцев Покахонтас) Джон Смит (1580 – 1631) и средневековый французский рыцарь, прозванный «Рыцарем без страха и упрека», Пьер Террайль де Баярд (1476 – 1524).

Самой удачной из них, сохраняющей популярность и в наши дни, считается первая биографическая работа Симмса, посвященная Мэриону. С. Р. Бьюсик

сообщает, что «Жизнь Фрэнсиса Мариона», опубликованная в 1844 году, «стала самой коммерчески успешной научной работой Симмса; это была одна из самых продаваемых книг по истории в год ее публикации» [4, р. 38]. Первое издание было распродано менее чем за неделю, без помощи какой-либо рекламы. Книга продолжала хорошо продаваться, выдержала три издания за первые три месяца после выхода из печати, и к январю 1847 года насчитывала уже десять изданий. Это был невероятный успех для нехудожественного произведения, что доказывает несомненный талант Симмса-биографа.

Остальные три биографии, написанные Симмсом, пользовались меньшей популярностью, чем «Жизнеописание Ф. Мэриона», но, тем не менее, тоже переиздавались несколько раз.

При изучении художественной природы биографических произведений Симмса необходимо ответить на ряд ключевых вопросов: что легло в основу биографического кредо У. Г. Симмса? Какими принципами он руководствовался при создании своих биографий? В чем заключается их художественное своеобразие и обладают ли они научной ценностью?

Приступая к анализу симмсовских биографий, следует иметь в виду, что их автор жил в эпоху, когда четкие границы, разделяющие жанры, еще не были определены. Читатели и писатели XIX века к литературе относили как историографические и биографические произведения У. Прескотта и Дж. Бэнкрофта, так и исторические романы В. Скотта и Дж. Ф. Купера, и самого Симмса. Следовательно, к ним предъявлялись общие требования, что, в определенной мере, затрудняет определение жанра конкретного произведения. Важным критерием, сохраняющим актуальность и для современных жанровых классификаций биографий, являлась степень документальности и научности, а также наличие в биографическом произведении вымысла [1, с. 61].

Одним из главных принципов Симмса-биографа критики называют стремление придерживаться, насколько это возможно, строгих фактов. К. М. Робертс полагает, что «среди ранних американских историков мало кто мог сравниться с Симмсом по своей проницательности, вниманию к деталям, преданности историческим документам и устным историям, историческим эссе, публичным лекциям и политическим трактатам» [6, р. 200].

Для определения жанровой разновидности биографического произведения, в первую очередь, нужно определить соотношение правды и вымысла в нем. У Симмса на этот счет были твердые убеждения: он полагал, что в биографическом

повествовании допустима некоторая доля вымысла, Симмс отводил место для предположений и догадок автора, но их, по его мнению, должно быть разумное, минимальное количество. При этом, оставаясь писателем-романтиком, Симмс полагал, что «только художник является истинным историком. Именно он придает форму неясному факту, устанавливает связь между разрозненными фрагментами и наделяет жизнью и действием неподвижные в остальном догматы истории» [9, p. 121]. Писатель верил и показывал на собственной художественной практике, что биографию можно «оживить» литературным стилем и сделать чтение приятным, ввести интересный анекдот или эпизод, если только это не противоречит фактам. Как отмечает Дж. Рогерс, писатель был убежден, что «биография может быть такой же интересной, как и художественная литература» [7, p. 221].

Таким образом, можно заключить, что в жанровом отношении биографические работы У. Г. Симмса находятся на стыке научной и беллетризированной биографии; это обусловлено, в первую очередь, тем фактом, что Симмс являлся как писателем, так и профессиональным историком.

Все четыре биографические книги У. Г. Симмса написаны об исторических героях; но у него есть еще одна небольшая биографическая работа, уже о творческой личности – Уильяме Шекспире. Необходимо уточнить, что Симмс являлся искренним почитателем творчества Шекспира, в юности пытался ему подражать (в драме в стихах «Атлантис», 1832), посвятил великому английскому драматургу стихотворение («Шекспир, 1843), часто использовал в своих произведениях шекспировские цитаты, анализировал в критических статьях шекспировские образы (например, в статье «Моральный характер Гамлета», 1844). В 1855 году У. Симмс подготовил и опубликовал «Добавление к пьесам Шекспира», представлявшее собой первое в США издание шекспировских апокрифов. Симмс написал обстоятельное предисловие к «Дополнениям», включавшее в себя биографические сведения о жизни английского драматурга.

Факты о биографии Шекспира и их авторская интерпретация, приводимые в предисловии к «Дополнениям», вызывают особый научный интерес, поскольку проливают свет на представления У. Симмса о процессе формирования творческой личности, на которые, безусловно, наложил отпечаток и его собственный опыт, поскольку Уильям Симмс начал создавать свои первые произведения в весьма юном возрасте: первое серьезное стихотворение было написано им уже в восемь лет.

Известно, что Симмс читал труды членов английского «Шекспировского общества», выписывал из Европы разные издания Шекспира, и очевидно располагал

доступными ему, новыми для того периода, сведениями о жизни великого английского драматурга. К примеру, У. Симмс уверен, вопреки довольно распространенному в середине XIX века противоположному мнению, что Шекспир вырос далеко не в бедных, стесненных условиях: Симмс предполагает, что семья Шекспира была на хорошем счету, пользовалась уважением в Стрэтфорде и располагала приличным состоянием. По поводу полученного будущим драматургом образования в стрэдфордской Грамматической школе Симмс утверждал, что оно было настолько хорошим, насколько можно было получить в этой части Англии во времена его детства [8, р. 6]. Симмсу также были известны некоторые факты, связанные с так называемыми «потерянными годами» в биографии Шекспира: американский писатель предлагает несколько версий того, чем занимался Шекспир до появления в Лондоне – возможно, он был вынужден бежать из-за обвинений в браконьерстве, или, быть может, он работал в некоей адвокатской конторе и приобрел там обширные знания юридической терминологии, которые так поражают исследователей. В то же время У. Симмс приводит и неверные данные, ныне опровергнутые шекспироведами: писатель ошибочно полагает, что Шекспир путешествовал по Италии и своими глазами видел могилу Капуллети в Вероне и мост Риальто в Венеции [8, р. 7].

Подводя итог, подчеркнем, что биография – один из тех жанров, в котором Симмс достиг высоких творческих результатов, при этом его биографические произведения имеют определенную научную ценность: так, симмсовское жизнеописание Ф. Мэриона остается одной из самых известных биографий прославленного героя Войны за Независимость, а «Жизнеописание шевалье Баярда» является первой биографией средневекового французского рыцаря на английском языке. Биографии Дж. Смита и Н. Грина до сих пор не утратили определенной историко-культурной значимости, а биографические сведения о Шекспире, приведенные Симмсом в предисловии к подготовленному им первому в Соединенных Штатах изданию шекспировских апокрифов, содержат свежие и актуальные для того периода данные. Писателю удалось внести заметный вклад в развитие жанра биографии в романтической литературе Юга США, и его биографические произведения, безусловно, заслуживают дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Гадиева Г. И. К проблеме типологии современных биографических жанров // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии : Материалы IX Международной научной конференции, Уфа, 29–30 апреля 2021 года / Отв. редактор А.Р. Мухтаруллина. Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. С. 56–63.
2. Морозкина Е. А. Многогранность литературной деятельности У. Г. Симмса: к 200-летию юбилею писателя // Вестник Башкирского университета. 2004. Т. 9, № 3. С. 100–104.
3. Эрштейн М. О. Сборники рассказов У. Г. Симмса // Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире: Сборник научных статей по материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Сибай, 25 ноября 2022 года. Сибай: Уфимский университет науки и технологий, 2022. С. 187–189.
4. Busick S. R. A sober desire for history: William Gilmore Simms as historian. The University of South Carolina Press, 2005. 143 p.
5. Reading William Gilmore Simms: Essays of Introduction to the Author's Canon / Ed. by T. Hagstett. University of South Carolina Press, 2017. 552 p.
6. Roberts C. M. The Life of Captain John Smith. The Founder of Virginia / Reading William Gilmore Simms: Essays of Introduction to the Author's Canon / Ed. by T. Hagstett. The University of South Carolina Press, 2017. P. 200 – 207.
7. Rogers J. J. The Life of the Chevalier Bayard; "The Good Knight," "Sans peur et sans reproche" / Reading William Gilmore Simms: Essays of Introduction to the Author's Canon / Ed. by T. Hagstett. The University of South Carolina Press, 2017. P. 208 – 221.
8. Simms W. G. A Supplement to the Plays of William Shakespeare: Comprising the seven Dramas. N. Y.: Alden and Beardsley, 1855. Kessinger Publishing, LLC, 2007. 184 p.
9. Webb J. W. Simms as Biographer // Studies in English: Vol. 2 [1961], Article 12. Режим доступа: https://egrove.olemiss.edu/ms_studies_eng/vol2/iss1/12 (Дата обращения: 25.03.2024).
10. Writing War and Reunion: Selected Civil War and Reconstruction Newspaper Editorials by William Gilmore Simms / Ed. by Jeffery J. Rogers. The University of South Carolina Press, 2020. 240 p.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 82-34

Гончарова В.Д. Фольклорный жанр «небылицы» в литературной сказке Карла Сэндберга «Страна Рутамьята»

Гончарова Василиса Дмитриевна

ассистент кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология»
Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
bohemaGold@mail.ru

The "tall tale" folklore genre in Carl Sandburg's literary fairy tale "Rootabaga Stories"

Goncharova Vasilisa Dmitrievna

assistant, Department of Translation Theory and Practice and Foreign Philology
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Аннотация. Статья посвящена выявлению специфики использования жанра небылицы в литературной сказке Карла Сэндберга «Страна Рутамьята». Рассматриваются определение жанра небылицы, его особенности и характерные черты, роль жанра в становлении и развитии американского фольклора. В ходе анализа отрывков сказки определяется, что автор прибегает к использованию таких приёмов жанра, как нарушение логических связей, словообразование, повтор слова или фразы, тавтология. Предполагается, что жанр небылицы использован автором с целью раскрытия темы политики, одержимости материальным достатком, места человека в обществе, а также рассмотреть различные социальные проблемы и высмеять определённые негативные аспекты американского общества.

Ключевые слова: американский фольклор, сказка, небылица, литературные приёмы, жанровая специфика.

Abstract. The article is devoted to identifying the specifics of the use of the "tall tale" genre in Carl Sandburg's literary fairy tale "Rootabaga Stories". The article addresses the definition of the "tall tale" genre, its peculiarities and characteristic features, as well as the role of the genre in the formation and development of American folklore. In the course of analyzing the tales it gets established that the author resorts to the use of such techniques of the genre as violation of logical connections, word formation, repetition of a word or phrase, tautology. It is assumed that the author uses the "tall tale" genre in order to explore the themes of politics, obsession with material wealth, one's place in society, as well as to showcase various social issues and ridicule certain negative aspects of American society.

Key words: American folklore, fairy tale, tall tale, literary devices, genre specificity.

Американский фольклор по своей природе очень разнообразен, так как своё начало он получил от слияния образцов устного творчества многих стран Европы и Азии благодаря иммигрантам. Большое влияние на фольклор США оказало устное творчество индейцев, что естественно, так как в Доколумбовой Америке индейцы были полноправными хозяевами и уцелевшие племена сохранили наследие своей

цивилизации, внося большой вклад в развитие фольклора США.

Неотъемлемой частью американского фольклора является жанр небылицы, до сих пор не утративший популярности в литературе США.

Первые истории-небылицы, ставшие впоследствии основой аутентичного американского фольклора, начали появляться во время колонизации Америки на фронтире с целью психологического приспособления к суровой жизни на Диком Западе. Главные герои этих историй – сильные, волевые, бесстрашные личности, готовые бороться за становление своей страны. Нередко они являлись реальными личностями, прославившимися в своих краях и со временем ставшими легендой, например, охотник Дэви Крокетт, пастух Буффало Билл и другие [1].

Литературная небылица (или небывальщина) – это жанр устного народного творчества, повествование небольшого объёма в стихотворной или прозаической форме, обычно комическое, в сюжете которого изображается слияние элементов действительности и бессмысленных, нереальных вещей. Речь персонажей может показаться странной и диковинной, а мир – искажённой формой реальности. Стоит отметить, что хотя наибольшую известность жанр небылицы приобрёл именно в стихотворной форме, он также широко используется и во многих других литературных формах [4].

По определению известнейшего филолога-фольклориста В. Я. Проппа, небылица – разновидность сказочного жанра, в которой «действительность выворочена наизнанку» [2, с. 32]. К небылицам относятся повествования «о совершенно невозможных в жизни событиях вроде того, что человек проваливается по плечи в болото, утка вьёт гнездо на его голове и откладывает яйца, волк приходит лакомиться яйцами и т. д.» [3, с. 87].

Эффект «бессмысленности» происходящего в произведениях этого жанра часто вызван именно избытком смысла, а не его отсутствием. Юмор небылицы – это не остроумие, не обыкновенная шутка или меткая ирония, а именно обилие бессмысленности, абсурда, шокирующее читателя и тем самым доводящее его до смеха.

В литературной небылице привычный читателю язык и прямые, понятные логические цепочки, облегчающие восприятие происходящих событий, сочетаются с элементами абсурда и бессмыслицы и уравниваются ими. Все эти аспекты выражаются в используемых автором лексике, синтаксисе, фонетике [4].

Проще всего распознать этот жанр по наличию некоторых характерных приёмов, с помощью которых и удерживается баланс между смыслом и бессмыслицей

– таких, как нарушение причинно-следственных связей, использование неологизмов, инверсии, тарабарщины, одновременность несопоставимых событий, несоответствие текста изображению, множественный повтор одного и того же слова или фразы, обострённо негативное отражение реальности или отзеркаливание действительности. Тавтология и точность, доведённая до абсурда, также часто используются в жанре небылицы.

Характерной чертой жанра является обилие всех этих приёмов, грамотно вплетённых в канву сюжета произведения. Использование малого количества этих приёмов в тексте сказки тоже возможно, но в таком случае произведение не может быть классифицировано как написанное в жанре небылицы [4].

Одним из американских авторов, писавших в данном жанре, является Карл Сэндберг – поэт, историк, романист и фольклорист. Одним из самых известных его произведений является сборник сказок «Страна Рутамята» (англ. Rootabaga Stories), вышедший в 1922 году и состоящий из историй, которые автор рассказывал своим детям [5, с. 5].

Композиция книги «Страна Рутамята» довольно своеобразна. Это сборник из сорока девяти небольших по объёму сказок, написанных в жанре небылицы и объединённых местом действия – выдуманной, фантастической страной. Почти каждое происшествие в этих сказках не имеет смысла и абсурдно по своей природе. Автор не даёт никакого логического объяснения происходящим событиям и оставляет читателю возможность самому интерпретировать эти истории.

На наш взгляд, в каждой главе Сэндберг формулирует технологию достижения целей, а также реализации заветной «американской мечты» в «Граде на Холме» для представителей каждого социального слоя американского общества в условиях жёсткой конкуренции. Иногда он также высмеивает погрешности общественной системы США или личностные недостатки персонажей, которые выступают в качестве архетипических образов американцев. И так как данное произведение является сказкой и нацелено на детскую аудиторию, писатель преподносит данные идеи в аллегорической форме с использованием большого количества приёмов, характерных для жанра небылицы, закладывая в основу каждого сюжета изображение нарочито искажённой действительности.

Например, в сказке «Как удалось попасть в Страну Рутамяту» Карл Сэндберг рассказывает историю обычного фермера на его нелёгком пути к мечте, которая на первый взгляд может показаться нереальной и абсурдной, о жизненных препятствиях, которые ему пришлось преодолеть. Давай-Приставай, главный герой

этой сказки, во время разговора с кассиром определяет цель своего путешествия так: *«Нам нужен билет туда, где рельсы уходят в небо, только туда, а обратно никогда – так далеко, как только возможно и еще в сто раз дальше»* [5, с. 9].

В этой цитате полностью раскрываются мечты фермерского класса из отдалённых земель – уехать в большой город безвозвратно. Эта же мысль отражается и в репликах соседей героя: *«Они собираются в Канзас, в Кокомо, в Канаду, в Канакее, в Каламозо, на Камчатку, в Катачухе. <...>. Они собираются на луну, но и там у них будет все, что ни на есть, самое обыкновенное»* [5, с. 10].

Таким образом, автор показывает, что не каждый готов отдать всё, что имеет, и следовать за своей мечтой. Всегда будут «злые языки», которые пытаются отговорить полных надежд людей от следования своей мечте, пытаясь убедить их в том, что они гонятся за невозможным и ничего необычного не достигнут. Но правда в том, что «соседи» этими суждениями оправдывают свою инфантильность, трусость и бездеятельность.

«Поезд мчался и мчался, пока не кончился прямой путь, и тут дорога закрутилась и закружилась, и все крюком и кругом, крюком и кругом. Дорога и рельсы, шпалы и болты из прямых стали скрюченными, как крюки, и так и пошло, крюк за крюком, крюк за крюком» [5, с. 11].

В данном отрывке автор в аллегорической форме говорит о том, что прямой и лёгкой дороги к достижению цели нет и никогда не будет, необходимо приложить усилия и, невзирая ни на что, двигаться к мечте. Здесь мы чётко наблюдаем искажённое изображение действительности, что характерно для жанра небылицы – очевидно, что железная дорога не может резко искривиться.

«Вдруг что-то случилось. Навстречу им по тому же самому пути мчался другой поезд. Как же так – один с одной стороны, другой – с другой! Прямо навстречу друг другу. Вот они встретились – и разминулись. “Что такое? Что случилось?” – закричали дети. “Один поезд – над, другой – под, – ответил отец. – Это Надподландия. Никто не может оказаться там, где есть кто-нибудь еще и всегда будет либо над, либо под» [5, с. 12].

Этими словами Сэндберг показывает читателю, что путь к светлому будущему происходит в конкурентной борьбе, любому человеку на этом пути приходится и работать на кого-то, и управлять кем-то, и каждый должен найти своё место в жизни. В данном отрывке используется такой приём жанра небылицы, как словообразование («Надподландия»).

«Собиратели воздушных шаров вышагивали на высоких ходулях. Ходули были у каждого, подлиннее или покороче. Ходули покороче годились для того, чтобы собирать шары поближе к земле, с длинных можно было дотянуться до тех, что повыше в небе» [5, с. 13].

В этом отрывке автор показывает судьбу молодых людей, полных мечтаний и стремлений, в большом городе, где конкуренция очень жёсткая. Ходули символизируют личные качества отдельного индивида, а шарики – возможности, связи в обществе, профессии, умения и навыки. Многим никогда не будут доступны «шарики в небе», и им остаётся лишь довольствоваться низами.

«Детишки на детских ходулях собирали детские воздушные шарики. Если с охапкой шариков в руках они падали с ходулей, то шарики держали их в воздухе, пока они не взбирались на ходули снова» [5, с. 13].

Этими словами автор даёт понять, что и у обладателей высоких ходулей могут возникнуть свои проблемы. Дети, упавшие с ходулей, но держащиеся за собранные шарики, символизируют работающих, упорных и неустаннодвигающихся к своей цели людей. Даже если они вдруг лишатся экономической или социальной опоры, уже полученные ими связи и умения могут помочь им снова занять утраченное высокое положение. Однако те, кто «пропел все песни», то есть истратил весь свой энтузиазм, идеи и стремления, падают с неба без надежды на возвращение: *«А кто это взмыл в небо, как птичка поутру?» – спросила отца Ко-мне-не-приставай. “Это кто-то, кто пел слишком весело”, – ответил отец. – У него из горла вылетели все песни, и он стал таким легким, что шары оторвали его от ходулей”. “А он сможет вернуться назад к своим родным?”. “Да, когда допоет все-все песни, и на душе у него станет так тяжело, что он камнем вниз полетит прямо на ходули» [5, с. 14].*

Так автор объясняет технику работы социальных лифтов в американском обществе: даже очень талантливым людям не гарантирован однозначный успех – свои достижения приходится постоянно подтверждать. Таким образом, автор отзеркаливает действительность, донося до юного читателя жестокую правду жизни в аллегорической форме. Более того, в данном отрывке мы также можем наблюдать использование приёма словообразования в имени девочки («Ко-мне-не-приставай»).

Во второй сказке, «Как вернуть назад Крем-Торт-таун, когда его уносит ветер», автор показывает, как, пользуясь исключительно индивидуальными внешними данными, можно повысить своё социальное положение и добиться успеха. Именно так героиня этой сказки, маленькая девочка по имени Блестящее Пёрышко, завоёвывает своё место под солнцем с помощью «голубых глазок», очаровывая своих

дядюшек красотой, готовая на всё, чтобы остаться в большом городе, терпя различные неудобства и стараясь просто не обращать на них никакого внимания: «Все четверо дядюшек в первый раз увидели свою юную родственницу, все <...> пришли в восторг от голубых глазок племянницы <...>, долго-долго любовались ее голубыми глазками, а потом воскликнули: “Они такие голубые, такие небесно-голубые, словно васильки после грибного дождика, когда на серебристых листьях сверкают и танцуют капельки воды.” <...> четверо дядюшек спросили: “Можно задать тебе два вопроса, во-первых, первый, и во-вторых, второй?”. “Задавайте хоть пятьдесят вопросов сегодня, пятьдесят вопросов завтра, и еще по пятидесяти каждый день. Я люблю вопросы, они в одно ухо влетают, из другого вылетают» [5, с. 17].

В данном отрывке автор использует такой приём жанра небылицы, как тавтология («Можно задать тебе два вопроса, во-первых, первый, и во-вторых, второй?»).

А в сказке «Как Давай-Приставай разобрался в истории скрюченного пути, и узнал, кто его скрючил» Карл Сэндберг показывает политическое устройство Соединённых Штатов Америки, борьбу между партиями республиканцев и демократов, придерживающихся противоположных взглядов и идей и постоянно радикально меняющих устои американского общества. Изображая одну из конфликтующих сторон в виде насекомых, Сэндберг рисует карикатуру на одну из партий, возможно, даже отражая к ней своё собственное отношение: «Давным-давно <...>, когда прокладывали железную дорогу, она была совершенно прямой. А потом появились жуки-скрюки. <...>. Они прыгнули на рельсы <...>, и ну грызть скрюченными зубами <...>, пока не скрутили всю железную дорогу. Все рельсы стали скрюченными <...> и все поезда <...> покатали по скрюченной дороге. Тогда жуки-скрюки уползли в поле и улеглись спать. <...>. На следующий день пришли копальщики <...>, катальщики <...>, и мальчишки-водоносы. <...>. Еще я забыл сказать о лебедочниках. <...>. Они работали долго-долго, и дорога снова стала прямой. Они взглянули на свою работу и хором воскликнули: “Потрудились – сделали!” А наутро жуки-скрюки открыли скрюченные глаза и поглядели на шпалы и рельсы. Они увидели, что дорога снова выпрямилась <...>, выпрыгнули из скрюченных кроватей <...>, и ну плевать и грызть, пока снова не скрутили все рельсы, шпалы и болты. Только тогда скрюки отправились завтракать, и совсем как копальщики, катальщики и лебедочники, говорили хором: “Потрудились – сделали!» [5, с. 54].

Приём жанра небылицы, используемый автором в данном отрывке – словообразование («жуки-скрюки»).

Приведём в качестве примера ещё несколько цитат из текста, распределив их в соответствии с использованными автором приёмами:

- нарушение логических связей

«Шарики – это пена. Они берутся оттуда же, откуда мыльные пузыри. <...>. Шарик убежал из сада» [10, с. 88].

«Мой брат надел посреди зимы соломенную шляпу и для смеха вышел в ней на улицу. Мой брат сделал причёску в стиле „помпадур“ и для смеха вышел летом без шляпы. И то и другое против закона. Хуже всего, что он чихнул в неположенном месте на неположенных людей, чихнул в тот момент, когда умнее было бы не чихать. Поэтому его повесят завтра утром» [10, с. 183].

«Ветер переменился, и большой палец Бимбо Режь-Режа пристал к носу и не отклеится, пока его не ударят шесть раз кончиком жезла полицейского-регулирующего» [10, с. 74].

«С тех пор, когда в бейсбольных городках, спрятанных в высокой траве, болтают о бейсболе, говорят, что есть только один верный способ выиграть матч – заполучить питчера в мячевой майке, который на нее надел еще и базовую майку, если конечно эти майки сделаны снуксом и гринго» [10, с. 145].

- словообразование (Давай-Приставай, Рутамята, Спорщикморщик, Скользи-Ног, Жужалужастужа, Фуражир, База-Дом, Вали-Руби, Бимбо Режи-Режь, Бебо Марш-Марш, Пижон Потеряй-Пуговицу, ойки-свойки, хухушки, байлавьи, дунуфу, Хабакук, Саска-чеван).

- повтор слова или фразы

«Неужели?» – воскликнул один дядюшка. «В самом деле?» – подхватили трое других» [10, с. 17].

«Кто-то-то? Кто-кто-кто?» [10, с. 88].

«Шью, шью, шью» [10, с. 243].

- тавтология

«летний ветер – летом, зимний ветер – зимой» [10, с. 67].

«Ты видишь то, на что смотрят твои глаза» [10, с. 132].

Таким образом, исходя из проведённого анализа, мы приходим к выводу, что во многих сказках Сэндберг раскрывает тему политики, одержимости материальным достатком, места человека в обществе, рассматривает различные социальные проблемы, иногда даже высмеивает те стороны американского общества, которые ему

не по нраву. И для того, чтобы наиболее точно донести различные образы, идеи и чувства до читателя, автор прибегает к использованию многочисленных приёмов жанра небылицы, таких, как нарушение логических связей, словообразование, повтор слова или фразы, тавтология.

Список литературы

1. Литература и фольклор американцев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib7.com/amerika/1014-literature-american.html>
2. Пропп В. Поэтика фольклора. / В. Пропп. – М.: Издательство «Лабиринт», 1998. – 352 с.
3. Пропп В. Русская сказка / В. Пропп / Научная редакция, комментарии Ю. С. Рассказова. – М.: Издательство «Лабиринт», 2000. – 416 с.
4. Literary nonsense // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Literary_nonsense#cite_note-1
5. Сэндберг К. Страна Рутамята. Пер. с англ. О. Бухиной / К. Сэндберг. – М.: Производственное редакционно-издательское предприятие «Два слона», 1994. – 272 с.

УДК 8. 1751

Новьюхова Г.Б. Обско-угорский игровой фольклор в современных условиях

Новьюхова Галина Борисовна

научный сотрудник фольклорного центра, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск
Novyukhova.galya@mail.ru

Game folklore in the modern conditions of the Khanty people

Novyukhova Galina Borisovna

is a researcher at the Folklore Center Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development, Khanty-Mansiysk

Аннотация. Статья посвящена играм обско-угорских народов, где игры являются одной из самых актуальных тем. Цель данного исследования определить, как жизнь детей отражается в игровой деятельности, какие качества они развивают у данного народа в целом. С помощью игровой деятельности необходимо реализовать опыт по воспитанию ребенка в современном обществе. Обско-угорские игры в воспитательном процессе выступают как эффективное формирование и развитие личности детей.

Ключевые слова: игровой фольклор, игры, этнопедагогика, изучение хантыйских игр.

Abstract. The article is devoted to the games of the Ob-Ugric peoples, it is worth noting that games are one of the most relevant topics. The purpose of this study is to identify how children's lives affect play activities, and what qualities they develop in this nation as a whole. With the help of play activities, it is necessary to realize the experience of raising a child in the modern world. The Ob-Ugric games in the educational process act as an effective formation and development of the personality of children and their moral and volitional qualities.

Key words: game folklore, games, ethnopedagogy, study of Khanty games.

В XX веке уникальные этнические культуры и языки северных народов оказались на грани исчезновения. Одной из ключевых задач нашего времени является сохранение языков и культурного наследия коренных народов. Все усилия по защите их культурного наследия и родного языка должны быть направлены в первую очередь на детей – дошкольников и младших школьников, и это является приоритетом в решении данной проблемы. Включение и интеграцию этнокультурного содержания в образовательные программы (дошкольного, школьного, дополнительного и досугового образования), такие эффективные средства, как игры (народные забавы и конкурсы, детский фольклор), интерактивные методы и информационные технологии [1].

Народная игра – это механизм передачи традиций народной культуры и практического закрепления базовых знаний, необходимых в дальнейшей жизни. Многообразие таких игр имеют множество уровней развития логики и мышления детей, они способствуют многогранной личности и, как правило, обеспечивают полный комплексный подход в развитии ребенка [2].

Детский игровой фольклор – наиболее доступный и понятный детям вид деятельности. Знакомство со словесным искусством, составляющим основу народных традиций воспитания, на ранних этапах становления личности ребенка способствует его целостному развитию, дает новую и полезную информацию. Народные игры развивают внимание и память, логику и мышление, зрительно-моторную координацию и познавательную активность. Только в играх легче усваиваются новые знания.

Сегодня игровые технологии как никогда широко представлены в арсенале средств обучения. Игровая технология – это прием и метод в образовательном процессе в форме различных игр, и познавательная активность таких детей провоцирует их на самостоятельный поиск ответов на вопросы, которые позволяют им использовать свой жизненный опыт (жизненные представления о чем-либо). Концептуальная основа, представленная ниже, выделяется как игровая деятельность:

- 1) базовые потребности личности в самовыражении, самоутверждении, самоопределении, саморегуляции и самореализации лежат в основе психологических механизмов игровой деятельности; 2) игра – одна из форм психогенного поведения и является внутренним, неотъемлемым свойством личности (Д. Н. Узнадзе) [11]; 3) игра – это пространство для «внутренней социализации» ребенка и средство усвоения им социальных установок (Л.С. Выготский) [4]; 4) игра – свобода личности в воображении, «иллюзорная реализация нереализуемых интересов» (А. Н. Леонтьев) [7]; 5) игра может быть захватывающей для всех возрастов, но для разных возрастов она имеет разные характеристики.

Метод детских игр развивается из игры, содержанием которой является используемый объект и взаимоотношения друг с другом, такое социальное поведение преследует правила отношений между людьми, поэтому необходимо применять следующие дидактические принципы:

– в игре взрослые выступают на равных с детьми и играют одну из игровых ролей;

– игры стимулируют познавательную активность детей и «провоцируют» их на самостоятельный поиск ответов на возникающие вопросы;

– игра опирается на жизненный опыт детей, включая их обыденные представления о вещах;

– игровой процесс вариативен, он не может быть детально спрогнозирован, поэтому требует от педагога гибкости мышления и готовности вместе с детьми проходить образовательный путь;

– игровые технологии создают широкие возможности для формирования у детей необходимых навыков и умений, приобщения к культурным ценностям и получению новых знаний;

– для детей характерны яркость и непосредственность восприятия, лёгкость вхождения в образы, поэтому они легко вовлекаются в игровую деятельность [5, с. 6].

Сущность игры с педагогической точки зрения заключается в том, что это не есть обычная, реальная жизнь, а условность, специфически содержащаяся в реальности. Ее особенность выражается в свободном проявлении человеческой активности. Игры не могут быть навязаны ни физически, ни морально. Как самостоятельный вид деятельности игра наиболее полно проявляется в жизни ребенка. Игра – это стихийное воспитательное учреждение для детей, где они знакомятся с окружающей действительностью и получают стимулы для развития знаний, опыта, коммуникативных навыков, воображения и творческого мышления. Функции игры в жизни человека разнообразны:

– моделирует жизненные ситуации борьбы и соревнования;

– создаются условия для сотрудничества и взаимопомощи;

– участники обычно собираются вместе и образуют (пусть и временное) сообщество, которое сохраняется и после окончания игры;

– проявляются личные качества игроков, такие как ловкость, находчивость, решительность, настойчивость, общительность и честность (игра вне правил осуждается как детьми, так и взрослыми);

– несмотря на то, что действие происходит в рамках правил, это дает простор для фантазии и импровизации;

– в играх личности могут проявлять положительные качества, которые не использовались бы в повседневной жизни.

Игра – это всегда развлечение, веселье, соревнование, стремление каждого участника к победе, и в то же время игра – самый сложный вид детского фольклора. Игра является одним из средств поддержания и восприятия познавательных интересов на ранних этапах личности ребенка.

В культуре обско-угорского народа игры были исследованы Т. В. Волдиной, ею были опубликованы следующие работы: Напольные игры обских угров с камешками и палочками, 2018 [8]; Обско-угорские игры с косточками и другими роговидными материалами, 2019 [1]; Обско-угорские игры для развития мыслительных способностей, игрушки «для думания», 2020 [3]. Помимо этого, были разработаны учебные пособия по словесным играм и пальчиковым играм: Обско-угорские словесные игры (авторы-составители: О. Д. Ерныхова, М. В. Кумаева, Г. Б. Новьюхова, Л. Н. Панченко), 2021 [6]; Пальчиковые игры, (авторы-составители: О. Д. Ерныхова, М. В. Кумаева, И. М. Молданова, Л. Н. Панченко), 2022 [9].

В пособии по играм для развития мыслительных способностей представлены такие игры как игры с веревочкой, головоломки, которые направлены на логическую память и мышление. Помимо этого, в пособии приведены игры и других народов, которые показывают древнее происхождение межкультурных связей и игровые традиции.

Развитие и мышление детей происходит в разных направлениях, и те обско-угорские игры, которые включены в пособие, можно разделить на несколько типов в зависимости от их характеристик:

- 1) Игры для развития зрительной памяти и визуального мышления (например, выстраивание силуэтов животных и птиц с помощью палочек);
- 2) Соревнования для развития логического и математического интеллекта и абстрактного мышления;
- 3) Игры для развития слуховой памяти (игра «Эхо»);
- 4) Веселые занятия (игры с веревкой) для развития творческого мышления;
- 5) Разгадывание и решение задач (головоломки), развивающие быстроту реакции, внимание, сообразительность и находчивость;
- 6) Игры, направленные на изучение существенных признаков явлений и предметов и развивающие пространственное мышление;
- 7) Соревнования, направленные на развитие прогностических навыков и стратегического мышления (народные «шахматы») [3, с.8-9].

В учебном пособии по словесным играм дается классификация и рекомендация по играм со словами и звуками, в словесно-сюжетно-ролевых играх с использованием слов. Таким образом, игры становятся способом обучения и принимают дидактическую форму, поскольку они четко определяют задачи, правила игры, действия и учат педагога или воспитателя, как их выполнять. Педагог применяет

имеющиеся знания в процессе игры, которые усваиваются, систематизируются и обобщаются [6].

Одной из актуальных проблем современной России является приобщение детей к истокам национальной культуры и воспитанию интереса к этническим традициям. Этнокультурное образование – это комплексный подход передачи подрастающему поколению ценности, преобразование этнокультурных и культурно-исторических традиций, понимание принадлежности к своему народу, воспитанию, как духовной и обогащающей личности.

Национальные традиции играют решающую роль в нравственном воспитании. Если ими пренебрегать, то люди просто перестают ассоциировать себя с судьбой своей страны и своего народа, перестают уважать ее святость. Как следствие, молодые люди не будут чувствовать себя ответственными за судьбу своей Родины и своих соотечественников. В связи с этим традиционная педагогическая культура и народная педагогика сегодня как никогда необходимы для воспитания детей.

Этнопедагогика включает в себя ряд эффективных средств в обучении и воспитании школьников. Одним из них является игра, по мнению В.А. Сухомлинского, игра – удивительно разнообразная и богатая сфера деятельности детей [12]. Ведь игры связаны с танцами, пением, загадками, метанием, письмом и другими видами народного творчества. Игра также играет решающую роль в формировании дружеских отношений, самостоятельности и положительного отношения к труду. Через игру обеспечивается воспитательное воздействие на формирование личности ребенка. Игру интересно сравнить с гигантским окном света. Игра – это та искра, которая зажигает пламя пылкости и любознательности. В результате игры становятся уникальным жизненным уроком. Это происходит потому, что с помощью игр дети учатся общаться с другими людьми [10, с. 216].

Знакомство детей с фольклором и бытом обско-угорских народов способствует воспитанию у подрастающего поколения интереса и уважения к культуре. В связи с этим у детей расширяется кругозор, развитие художественного чувства, формирование этнической и национальной культурной самобытности (ханты и манси), гуманистические традиции своей культуры и своего народа, что приводит к уважению и защите любви к малой родине, на которой они живут.

Национальные игры обладают следующими особенностями:

- в них в определенной степени присутствуют элементы трудовой деятельности;
- ориентированы на развитие творческого мышления;

- носят коллективный характер;
- приучают к общению со сверстниками, учат взаимопомощи и поддержке;
- способствуют проявлению и развитию организаторских способностей;
- развивают у детей чувство дружбы и товарищества.

В 2023 году опубликован сборник сценариев «Хантыйские фольклорные праздники для детей», авторами-составителями являются О. Д. Ерныхова, Г. Б. Новьюхова, С. А. Попова. В сборнике сценариев представлены календарно-обрядовые праздники народа ханты, а именно: «Вороний день», «Праздник Трясогузки» и т.д., которые имеют сезонный характер. Весь материал дан на хантыйском языке с переводом на русский язык, а также воспроизведён в аудиоформате на хантыйском языке. Сценарий начинается с хантыйской мелодии, приветственного слова, педагог с помощью куар кода подключает хантыйскую песню. Далее дети знакомятся с приметами, загадками, национальными танцами, стихотворениями, школьники заранее готовят сценарий сказки, дети показывают ее в театрализованном виде. Включены подвижные и пальчиковые игры, игры на развитие логики и мышления, что очень нравится детям [13, с. 2]. Развитие интереса к народным праздникам вызывает желание использовать элементы в самостоятельной педагогической деятельности. Помогает понять особенности культуры людей, воспитывает эмоционально-положительное отношение к представителям хантыйского народа.

Реализация игр считается настоящей народной мудростью, так как они показывают разные стороны людей, в то же время влияют на физическое развитие, трудовое и эстетическое воспитание подрастающего поколения. Социальный и культурный потенциал национальной игры состоит в том, что игра направляет человека на конкретную систему ценностей, объединяет у него навыки общественного поведения. Народ интуитивно понимал особую важность и педагогическую ценность игр и поэтому предпринимал все меры для их сохранения и передачи следующим поколениям [9].

Сама игра важна не только в педагогике, но и жизнедеятельности человека. А многообразие и широте игровых форм, возможности проникновения игровых начал в различные сферы человеческой жизни можно только удивляться. Главная задача педагогов – научить детей играть активно и самостоятельно. Затем они учатся координировать свое внимание в любой игровой ситуации, находить выходы из критических ситуаций, быстро принимать решения и проявлять инициативу.

Необходимым этапом изучения любых явлений, в том числе и народных игр, является их систематизация. Для этого могут использоваться различные основания:

- места бытования игры;
- организационные группы игры;
- принадлежности национальных предметов;
- продолжительность игр и др.

Из всего следует сделать вывод, что детям очень нравится играть в старинные игры. Опыт показывает, что через некоторое время, дети чувствуют себя более раскрепощено, свободно, так как понимают происходящее. Благодаря игровому фольклору дети активно расширяют свой словарный запас, понимают разговорную речь в повседневной жизни. У ребенка расширяется представление об окружающем мире и повышается познавательная активность. В групповых играх дети учатся организовывать свои мысли. У детей улучшаются двигательные навыки в повседневной жизни и в продуктивной деятельности [17].

В традиционных играх нет деления на исполнителей и зрителей. На занятиях и на праздниках родители также принимают активное участие. Стоит отметить, что игры отражают образ жизни людей, их труд, национальные обычаи, смелость, движение, находчивость, стремление к победе и т.д. Обско-угорские игры и игровые предметы являются важнейшим видом деятельности, собравшие в себе качества всех этнических культур. В играх ханты и манси отражена неразрывная связь с окружающей природой, образ жизни и традиционное мировоззрение. Содержание и тематика обско-угорских игр для детей отражают традиционный быт народа, имитируют социальные, семейные отношения и хозяйственную деятельность.

Список литературы

1. Волдина Т.В. Обско-угорские игры с косточками и другими роговидными материалами: Учебно методическое пособие. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2018. – 80 с.
2. Волдина Т. В. История изучения игровой культуры обских угров / Norwegian Journal of Development of the International Science. – № 86. – 2022. – С. 3-8.
3. Волдина Т. В. Обско-угорские игры для развития мыслительных способностей, игрушки «для думания»: Учебно-методическое пособие. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2020. – 72 с.
4. Выготский Л. С. Психология развития ребенка. – М: Изд-во Смысл, Изд-во Эксмо, 2004 – 512с.
5. Игровые практики и технологии в культурно-образовательном пространстве коренных народов Югры: учебно-методическое пособие / Коллектив авторов: Т. В. Волдина, Т. В. Гильц, О. Ю. Динисламова, Л. В. Захарова, В. Ю. Кондин, В. К. Ледков, Т. В. Любавина, Н. А. Молданова, В. Г. Фанова, О. В. Хандыбина. Тюмень: ФОРМАТ-72, 2023. – 196 с.
6. Обско-угорские словесные игры: учебно-методическое пособие / авторы-составители: О. Д. Ерныхова, А. Д. Каксин, М. В. Кумаева, Г. Б. Новьюхова, Л. Н. Панченко. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2021. – 84 с.

7. Леонтьев А.Н. Психологические основы дошкольной игры // Психологическая наука и образование. 1996. Том 1. № 3.
8. Напольные игры обских угров с камешками и палочками: Учебно-методическое пособие / Автор составитель Т. В. Волдина. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2018. – 56 с.
9. Пальчиковые игры обских угров: учебно-методическое пособие / авторы-составители: О. Д. Ерныхова, М. В. Кумаева, И. М. Молданова, Л. Н. Панченко. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2022. – 88 с.
10. Снопина Т. К. Использование народной игры в современном учебно-воспитательном процессе / Сибирский педагогический журнал. – № 10. – 2007. – С. 215-220.
11. Узнадзе Д. Н. Общая психология / Пер. с грузинского Е. Ш. Чомахидзе; под ред. И. В. Имедадзе. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004 – 413 с.
12. Сухомлинский В. А. О воспитании. М: Изд-во политической литературы, – 1985. – 270 с.
13. Хантыйские фольклорные праздники для детей: сборник сценариев / авторы-составители: О. Д. Ерныхова, Г. Б. Новыхова, С. А. Попова. – Тюмень: ФОРМАТ-72, 2023 – 90 с.
14. Гурьянова А.А. Методическая разработка «Роль игрового фольклора в воспитании подрастающего поколения» // Образовательная социальная сеть, 2023. 4 с. Режим доступа: <https://nsportal.ru/shkola/vneklassnaya-rabota/library/2023/02/06/metodicheskaya-razrabotka-rol-igrovogo-folklor-a-v> (дата обращения 15.03.2024).
15. Волдина Т. В. Игра как элемент традиционной культуры обских угров (напольные игры с камешками и палочками: сравнительно-сопоставительный анализ) // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 3. С. 503–524. Режим доступа: <https://vestnik-ugrovedenia.ru/ru/content/игра-как-элемент-традиционной-культуры-обских-угров-напольные-игры-с-камешками-и-палочками-сравнительно-сопоставительный-анализ> (дата обращения 15.03.2024).
16. Снопина Т.К. Использование народной игры в современном образовательном процессе // Сибирский педагогический журнал. 2007. №10. С. 215-220. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_18894844_76807534.pdf (дата обращения (15.03.2024).
17. Иванова А. М. Методическая разработка «Игровой фольклор как средство формирования и развития речи у детей дошкольного возраста» // Городской конкурс образовательных проектов «Мир дошкольника – первый опыт – 2022». 2022. 34 с. Режим доступа: https://mosmetod.ru/files/Doshkolniki/Мир_дошкольника_2022/424086_10_96.pdf (дата обращения 27.03.2024).

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.422

Ермолаева Н.Ю., Лобанова А.И. Специфика работы корреспондента информационных программ регионального радиовещания (на примере «Радио Чувашии»)

Ермолаева Наталья Юрьевна

канд. пед. наук, доцент кафедры социологии и медиакоммуникаций
Российский государственный университет социальных технологий, РФ, г. Москва
excelsior77@mail.ru

Лобанова Анна Игоревна

магистрант кафедры социологии и медиакоммуникаций
Российский государственный университет социальных технологий, РФ, г. Москва
Annalobanova99@mail.ru

The specifics of the work of the correspondent of information programs of regional radio broadcasting (on the example of «Radio Chuvashia»)

Ermolaeva Natalia Yurievna

Associate professor of Sociology and Media Communication department
Russian State University of Social Technologies, Russia, Moscow

Lobanova Anna Igorevna

Master's student of Sociology and Media Communication department
Russian State University of Social Technologies, Russia, Moscow

Аннотация. Статья освещает специфику корреспондентской работы на региональном радио. Автор рассматривает особенности и этапы подготовки и проведения репортажей, интервью и новостей, а также влияние региональной специфики на содержание и формат информационных материалов, а также многозадачность деятельности регионального журналиста. В статье описаны этапы создания радиопередач, проанализирован сайт «ГТРК Чувашия» по следующим критериям: наполняемость радиопрограммами, количество авторских программ, выходящих в эфир на двух языках, тематика радиопрограмм. Исследование включает анализ основных задач и функций корреспондента, а также рассматривает вопросы взаимодействия с аудиторией и особенности работы в условиях регионального радиовещания.

Ключевые слова: радио, региональное радиовещание, радиожурналист, радиопрограмма, Чувашская Республика.

Abstract. The article covers the specifics of correspondent work on regional radio. The author considers the features and stages of preparation and conduct of reports, interviews and news, as well as the influence of regional specificity on the content and format of information materials, as well as the multitasking of activities of the regional journalist. The article describes the stages of creation of radio programs, analyzes the site «GTRK Chuvashia» by the following criteria: filling of radio programs, the number of author programs aired in two languages, the subject of radio programs. The study includes an

analysis of the main tasks and functions of the correspondent, as well as the interaction with the audience and features of work in the context of regional broadcasting.

Keywords: radio, regional radio broadcasting, radio journalist, radio program, Chuvash Republic.

Несмотря на стремительное развитие различных каналов коммуникаций, радио остается стабильным и достаточно востребованным медиа, рассчитанным на широкую аудиторию.

По данным исследовательской компании «Mediascope», за период с января по сентябрь 2023 года количество слушателей радио составило 102 934 человек, каждый месяц радио слушали около 12 тысяч человек [7].

Визитной карточкой любой радиостанции являются новости. Радиожурналисты информируют о самых важных событиях, происходящих в мире, стране, регионе, знакомят радиослушателей с программами разных жанров и тематик, учитывающих интересы аудитории. Можно отметить, что поток новостных сообщений увеличивается, поэтому такая важная особенность, как мобильность радиовещания, позволяет знакомиться с информацией по дороге на работу, на учебу и т.п. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), было выявлено, что 55% населения – каждый второй россиянин – слушает радио, а самым популярным местом прослушивания (59%) является личный автотранспорт [6].

Следует отметить, что в России важную роль в передаче информации играет не только федеральное радиовещание, но и региональное. Филиал Федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания – государственная телевизионная и радиовещательная компания «Чувашия» – по праву занимает достойную нишу в информационном пространстве региона, являясь современным медиахолдингом [5, с. 416]. Радиостанция «Радио Чувашии» входит в подразделение ГТРК «Чувашия». Она осуществляет регулярное вещание с 1932 г. на русском и чувашском языках на всей территории Чувашской Республики. «Радио Чувашии» транслируется на волнах государственных радиостанций «Радио России» и «Маяк», а также в сети Интернет [1, с. 19]. Ежедневно коллектив радиостанции освещает актуальные события, происходящие в регионе. В будни эфирное время для информационных выпусков и программ предоставляется таким образом: 6:10-7:00, 7:10-8:00, 13:10-14.00, 18:10-19:00. В выходные дни: в субботу: 8:10- 9:00, 10:10-11:00, 11:10-12:00, в воскресенье: 8:10-9:00. Также выделяется следующее время для объединенного радиожурнала семи республик «Между Волгой и Уралом»: 10:10-11:00, 11:10-12:00, 13:10-14:00.

Региональная сетка радиовещания создается совместной работой коллектива, состоящей из корреспондентов, редакторов, звукорежиссеров, ведущих. Они занимаются не только поиском и обработкой информации, но и обеспечивают бесперебойный выход в эфир радиопрограмм.

Для того, чтобы радиопрограмма была актуальной и интересной, журналисты «Радио Чувашии» ежедневно проводят большую работу: сбор необходимых материалов, написание сценария и радиомонтаж.

Первостепенной задачей корреспондента на подготовительном этапе является выбор актуальной, интересной и полезной темы для будущей радиопередачи. Кроме того, необходим поиск контактных данных людей, с которыми планируется взаимодействовать. Комментарий эксперта записывается на диктофон, после этого удаление нежелательных шумов осуществляется в специальной программе «Adobe Audition», затем пишется текст для будущей радиопрограммы. Журналисту необходимо помнить, что язык радио более простой и доступный, так как не сопровождается визуализацией и воздействует сиюминутно. Текст должен быть грамотно структурирован. Задача радиожурналиста – донести главную идею сообщения, то есть писать коротко и по существу, но в то же время сосредоточить внимание слушателя на слове [2, с. 36]. Предложения должны быть краткими по изложению и ёмкими по содержанию. Язык и стиль должны быть максимально доступными и приближенными к разговорному стилю. В речи на радио нет места причастным и деепричастным оборотам, сложным конструкциям, а также штампам, сленгу, канцеляризмам. Логика текста должна быть предельно проста. Сам текст должен напоминать диалог ведущего с радиослушателями, по возможности нужно использовать цитаты из художественных текстов [3, с. 112].

Далее радиожурналист определяет стиль и тональность радиопередачи, делает подборку музыкальных композиций. После редакторской проверки материалы оформляются в виде микрофонной папки и паспорта программы.

Затем следует этап работы журналиста и звукорежиссера: радиожурналист зачитывает подготовленный текст, звукорежиссер устраняет недочеты в голосе и дикции (по необходимости перезаписывает один из фрагментов текста), «собирает» радиопередачу с применением различных звуковых эффектов и музыкальных композиций [4, с. 270]. Полностью подготовленная радиопрограмма отправляется в папку эфира того дня, когда она должна будет выйти. Финальная точка – подписание документа (микрофонной папки) начальником радиовещания для предоставления допуска программы к эфиру.

Выпуски радиопередач на «Радио Чувашии» характеризуются разнообразием тематики. Анализ сайта ГТРК «Чувашия» [8] свидетельствует о том, что «Радио Чувашии» на сегодняшний момент выпускает около 50 цикловых радиопередач, касающихся самых разных тем, а именно:

- общество: «Столичный курьер», «Точка роста», «Будни ЖКХ», «Вокруг дорог» и т.д.;
- образование: «Диалоги о школе»;
- религия: «С нами Бог», «Библия сегодня; программы для детей и молодежи «Молодежка», «Книги счастливого детства»;
- история: «Живая история Чувашии»;
- злободневные прямые эфиры: «Открытая студия» и «Непрямой эфир».

Программы рассчитаны на широкий круг слушателей и непосредственно связаны с нашим краем. Благодаря высокому профессионализму материалы получают насыщенными, интересными, что привлекает широкий круг слушателей, многие из которых являются постоянными.

Например, радиопрограмма «Психология для души». Название говорит само за себя: в программе освещаются темы, связанные с психологией отношений, взаимодействием с окружающими, семейными проблемами, рабочими взаимоотношениями. Радиопрограмма рассчитана на людей разных возрастов. Вместе с экспертами в области психологии журналисты помогают обрести душевное равновесие, а также рассказать о всевозможных путях разрешения психологических трудностей и проблем. Поиск тем для освещения осуществляется методом наблюдения за людьми и знакомыми, помогает и жизненный опыт. Программа выходит через неделю по понедельникам и субботам, ее хронометраж составляет 10 минут. Работа авторов программы многогранна: это и написание текста к программе, и всестороннее раскрытие определенной темы. Совместная работа со звукорежиссером заключается в подборе определенных звуков и композиций, которые звучат фоном во время выхода радиопрограммы в эфир. Композиции подбираются таким образом, чтобы радиослушатели расслабились и успокоились. Это медленные, спокойные и негромкие композиции. При написании текста наряду с использованием профессиональной терминологии применяются цитаты из фильмов и книг. Авторы стараются обычным языком раскрыть определенную психологическую проблему и подсказать пути ее решения.

Таким образом, специфика работы радиожурналиста заключается в соблюдении четких требований, определенных федеральными каналами и в то же время интересной подачей актуального регионального материала. С этой целью перед каждым радиоэфиром проводится значительная подготовительная работа, что определяет успех среди слушателей.

Список литературы

1. Васильева Л. А., Хораськина Г.В., Студенцов О.Р., Савирова М.П., Детские радиопередачи «Радио Чувашии» советского и современного периодов в сравнительном аспекте / Л.А. Васильева., Г.В. Хораськина., О.Р. Студенцов., М.П. Савирова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. Серия: СМИ (медиа) и массовые коммуникации. – 2020. – № 1. – С. 17-25.
2. Величко И.Ф. О проблемах комплексного изучения языка радио / И.Ф. Величко // Международный научно-исследовательский журнал. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2020. – № 5. – С. 35-38.
3. Ермоленкина Л.И. Динамическая структура радио как критерий его текстуальности и семиотической целостности / Л.И. Ермоленкина // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Языкознание и литературоведение. – 2020. – № 4. – С. 110-116.
4. Орешкина А.А. О соотношении звучащего в эфире радиотекста и текста публичной страницы в социальной сети / А.А. Орешкина // Мир науки, культуры, образования. Серия: Языкознание и литературоведение. – 2023. – № 4. – С. 269-271.
5. Степура И.В. Вещание и ретрансляция в регионах Поволжья и юга России: краткий исторический очерк-обзор / И.В. Степура // Экономика и социум. Серия: Социология. – 2019. – № 3. – С. 411-428.

Список источников

6. Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс] // сайт ВЦИОМ. Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-radio> (дата обращения: 10.03.2024).
7. Исследовательская компания Mediascope [Электронный ресурс]. URL: <https://mediascope.net/news/1055282/> (дата обращения: 12.03.2024).
8. Новости Чебоксар и Чувашской Республики сегодня, главные события дня – ГТРК Чувашия [Электронный ресурс] // сайт ГТРК «Чувашия». URL: <https://chgtrk.ru/radio/> (дата обращения: 12.03.2024).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

UDC 811.1/.2

Бурикова С.А., Абдрашитова Д.Р. Linguocultural features of British advertising

Burikova Svetlana Aleksandrovna

PhD in Linguistics, Associate Professor, Foreign Languages Department
School of Economics, Peoples' Friendship University of Russia, Russia, Moscow
burickova.swetlana@yandex.ru

Abdrashitova Dinara Radievna

Department assistant, Institute of World Economy and Business
Peoples' Friendship University of Russia, Russia, Moscow
dododinara@mail.ru

Лингвокультурные особенности британской рекламы

Бурикова Светлана Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
экономического факультета Российского университета дружбы народов
РФ, г. Москва

Абдрашитова Динара Радиевна

Ассистент кафедры, Институт мировой экономики и бизнеса
Российский университет дружбы народов, РФ, г. Москва

Abstract. In the context of global communication, advertising discourse holds unique characteristics that distinguish it from other forms of communication. This study delves into the linguistic features specific to British advertising, aiming to clarify their role in enhancing advertising effectiveness and reflecting cultural characteristics. Through an analysis of 99 examples from print and video advertisements, prevalent linguistic techniques such as simple sentence structures, verb constructions, and comparative language were identified. Additionally, cultural traits of British advertising, including understatement, distinctiveness, and a reliance on English humor, were evident. By examining examples from popular British publications, valuable insights were gained into the intersection of language, culture, and advertising strategies, increasing our understanding of how advertising shapes societal norms and values.

Key words: advertising, linguistic features, British culture, consumer behavior, advertising discourse.

Аннотация. В контексте международной коммуникации рекламный дискурс обладает уникальными характеристиками, которые отличают его от других форм общения. В данном исследовании рассматриваются лингвистические особенности британской рекламы с целью выявления их роли в усилении эффективности рекламы и отражении культурных ценностей. В результате анализа 99 примеров из печатной и видеорекламы были выявлены такие распространенные лингвистические приемы, как простые структуры предложений, глагольные конструкции и сравнительные обороты речи. Кроме того, были выявлены культурные особенности британской рекламы, в том числе недосказанность, самобытность и опора на английский юмор. Изучение

примеров из популярных британских изданий позволило получить ценные сведения о пересечении языка, культуры и рекламных стратегий, что расширило наше понимание того, как реклама формирует общественные нормы и ценности.

Ключевые слова: реклама, лингвистические особенности, британская культура, покупательское поведение, рекламный дискурс.

With the advent of global communication, the realm of advertising discourse extends widely, taking on distinct qualities that set it apart from various other forms of communication. These distinctive features encompass the pervasive and multi-layered nature of the conveyed information, the utmost consideration for human intelligence, and the emphasis on conditions that guarantee the efficacy of the advertising message.

In the realm of linguistics, understanding the intricacies of advertising language is of paramount importance due to the pervasive influence of advertising on modern societies. This scientific article delves into the linguistic features specific to British advertising, offering insights into how language is strategically employed to capture audience attention, convey persuasive messages, and shape consumer behavior.

This scientific article aims to analyze the linguistic features specific to British advertising and their role in enhancing advertising effectiveness. Focusing on language strategies used in British advertisements, the article seeks to provide insights into how these linguistic features capture audience attention, convey persuasive messages, and shape consumer behavior. Additionally, the article aims to elucidate the cultural characteristics reflected in British advertisements and their impact on linguistic choices, thereby contributing to our understanding of the intersection between language, culture, and advertising strategies.

Advertising is an effective tool for promoting sales, helping to spread information, build brand identity, and engage consumers through special advertising language. To maximize advertising impact, it is important to capture the audience's interest and curiosity. This involves using concise, original, compelling, and persuasive language to ensure the message is fully understood.

Linguistic features of British advertisement

In this study, we analyze the linguistic and cultural aspects of advertising in the United Kingdom, based on examples from popular British publications, including Top Santé UK, The Week UK, Elle UK, OK! Magazine UK, Hello! Magazine UK, Reader's Digest UK, and Good Housekeeping UK. We conducted an analysis of 78 English-language print advertising texts and 21 video clips, focusing on identifying the most characteristic and frequently encountered linguacultural features expressed through linguistic means.

Syntactic means

1. One-member sentences

The use of one-member sentences, or simple sentences, is the most common syntactic device for expressiveness in advertising texts. Simple sentences are those containing only one main clause, with either only the predicate or only the subject. For example:

Time to dream. (Vitabiotics) [Top Santé UK. April 2024, p. 10]

Fluent in Finance. (Barclays bank)

No ordinary airline. (Virgin Atlantic)

The slogans presented serve as examples of nominal sentences. Such constructions, where one of the main components is omitted, do not critically affect the meaning of the sentence. On the contrary, they streamline and condense the advertising text, thereby positively impacting its memorability.

Have a break, have KitKat (KitKat chocolate bar)

2. Verb phrase

The most significant characteristic of advertising text is the presence of verbal combinations. As H. Kaftandzhiev writes, the verb is the most important morphological category, adding life, excitement, movement, strength, and power to thoughts if we want the corresponding text to be readable and dynamic. [1, p. 16] In English-language advertising, the most common verbal combinations are “Buy something”, “Manage it”, “Don’t forget”, “Create”, “Align yourself”. Such imperative sentences are an effective means of manipulation. Interestingly, they are used in all three parts of the advertising message: in the headline, main text, and echo phrase.

Savvy savers, step this way. Discover cover options for car, home and travel insurance, plus broadband and more. (Go.Compare) [The Week UK. Issue 1478. 9 March 2024, p. 52]

Unlock the radiance this Mother’s Day. Discover Superdrug’s skincare selection for gifting. (Superdrug) [OK! Magazine UK. Issue 1432. 11 March 2024, p. 2]

Discover the unlimited range of styles proposed by the Antarès interchangeable strap system and give free rein to your creativity. Finally express your personality with elegance and distinction. (Herbelin) [Hello! Magazine UK. Issue 1830. 11 March 2024, p. 3]

3. Interrogatory and exclamatory sentences

The frequent use of interrogative sentences in advertising is quite predictable: employing these linguistic structures aims to render the speech more natural and expressive while also fostering a sense of dialogue, thereby substantially improving the text's readability [2, p 19]. Interrogative sentences in advertising texts serve diverse purposes: functioning as

genuine queries or prompts for contemplation (rhetorical questions), emphasizing particular ideas, conveying suppositions, expressing emotional reactions to situations, among others.

Ready for your next chapter? (Knight Frank) [The Week UK. Issue 1478. 9 March 2024, p. 36]

Want to stay active? Try TURMERIC+ (FutureYou Cambridge) [The Week UK. Issue 1477. 2 March 2024, p. 38]

Do you want a new pair of specs? At a great price? Or contact lenses? Get in touch and we will show you how! (Smithdown Eyecare) [Reader's Digest UK. April 2024, p. 51]

Stylistic and lexical means

4. Parcellation

Parcellation is a technique involving the deliberate division of a sentence into several independent segments, where the content of the expression is conveyed not in a single, but in two or more speech units, following each other after a separating pause. Such division adds rhythm to the advertising text.

Discover. Book. Glow. (Fresha) [Elle UK. April 2024, p. 193]

With you. For life. (Boots)

5. Anaphora

Anaphora is a rhetorical device characterized by the repetition of similar sound elements, words, or phrases at the beginning of successive clauses or sentences. It is widely employed in advertising texts, especially in headlines, because the initial part of a headline is typically more memorable, and the use of anaphora further enhances memorability.

Let's talk about savings. Let's talk about pensions. Let's talk about retirement. Let's talk about making the most of living longer. (Phoenix) [The Week UK. Issue 1479, p. 41]

6. Comparative and superlative degrees of adjectives and adverbs

The comparative degree of adjectives and adverbs, as well as the superlative degree of adjectives and intensifiers, are important tools in advertising texts to emphasise the quality characteristics of a product. They help to create an impression of the high level of the goods and convince the consumer of its superiority over competitors. The inclusion of such degrees in attributive descriptions increases the persuasiveness and attractiveness of the advertisement, which contributes to its effectiveness.

Heating made cooler. (BestHeating UK) [Good Housekeeping UK. April 2024, p. 57]

With you for our best value. (Boots) [OK! Magazine UK. Issue 1432. 11 March 2024, p. 86]

In your best interest. (Nationwide bank) [The Week UK. Issue 1476. February 2024, p. 10]

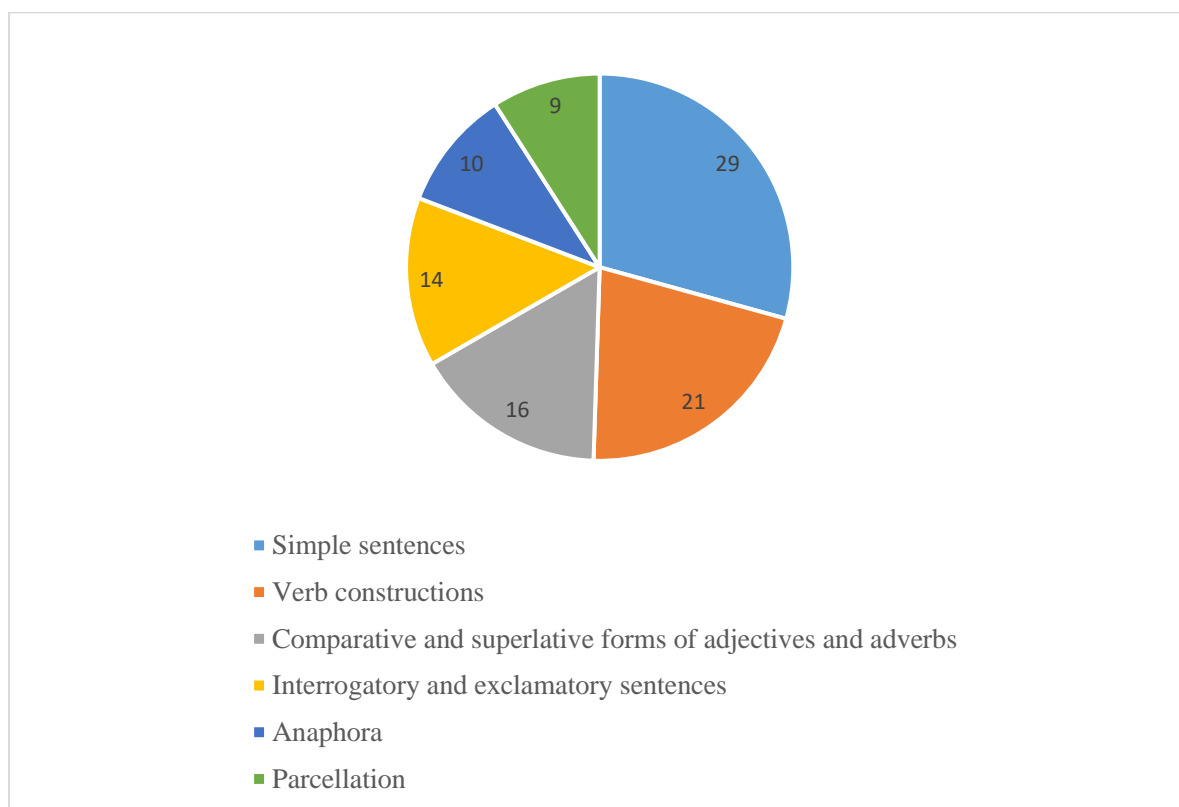

Figure 1: Results of the study

We examined a total of 99 examples encompassing both print advertisements and video commercials. Among the various linguocultural techniques employed to engage potential consumers, the most prevalent was the utilization of simple sentence, observed in 29 examples. Additionally, advertisers in the UK demonstrated a preference for verb constructions aimed at influencing consumer behavior, evident in 21 cases. Comparative and superlative forms of adjectives and adverbs were also commonly utilized, appearing in 16 instances, along with interrogative and exclamatory sentence structures, present in 14 advertising texts. However, the usage of anaphora and parcellation was infrequent, with only 10 and 9 occurrences, respectively, likely due to their complexity for comprehension.

Cultural characteristics of British advertisement

Advertising text serves as a significant source for understanding the value orientations and cultural nuances of contemporary society. It adapts to linguistic and cultural environments while also influencing their development. Advertising reflects the culturally specific worldview and can shape ideological perspectives. Its impact is influenced by linguistic techniques and its widespread dissemination. Thus, advertising plays a role in both reflecting and shaping linguocultural stereotypes, introducing new linguistic elements and affecting the overall linguistic landscape.

Advertising, as part of socio-cultural dynamics, tied to specific time and space contexts, has a historical dimension. It reflects cultural aspects and symbols. The notion of advertising as a cultural phenomenon was initially proposed by the Canadian cultural scientist Marshall McLuhan. His concept highlights advertising as a condensed portrayal of modernity, encompassing various aspects of collective experiences and emotional states within society [3, p. 6]. Thus, advertising plays a significant role in shaping socio-cultural standards and norms within a national cultural community.

In the context of British advertising, there is a notable tendency towards understatement and distinctiveness. The British are often characterized by their restraint and conservatism, qualities that contribute to their adeptness at finding compromises in various situations. Their strong adherence to traditions and customs is a defining feature of their national identity. Even when the origins of certain traditions are unclear, they are still revered and upheld as part of the cultural heritage. This aspect contributes to Britain's reputation for preserving and incorporating historical elements, no matter how minor, into contemporary life. [5, p. 58] English humour, characterized by its subtlety, frequently influences advertising discourse, where techniques such as wordplay and understatement create an ambiance of irony. It is important to note that straightforward and simplistic advertising appeals may not always resonate with the British audience, given their unique preferences and psychological tendencies. [3, 190]

British advertising embodies understatement and individuality, reflecting the national traits of restraint and conservatism. It celebrates tradition, integrating historical elements into modern contexts, and employs English humor, utilizing techniques like wordplay and understatement to convey irony. Direct appeals may not always resonate, as British audiences prefer advertising that embraces their cultural nuances and psychological tendencies.

The perfect gift for a king. (Gillette)

The advertising slogan, “The perfect gift for a king”, utilizes persuasive language and a regal metaphor to convey a sense of luxury and importance. The term “king” is a powerful and aspirational word choice, creating a positive and confident association with the product. The use of the superlative “perfect” emphasizes the high quality and suitability of the razor as a gift, employing linguistic strategies to appeal to the emotions of potential buyers. Additionally, the brevity of the slogan contributes to its effectiveness. Released around Christmas time, the advertisement strategically taps into the cultural tradition of gift-giving during the festive season. Referring to the razor as “The perfect gift for a king” aligns with the British cultural association of gift-giving during Christmas. The choice of the word “king”

carries cultural connotations of royalty and sophistication, playing into the British cultural appreciation for traditions and a sense of regality. By positioning the razor as a gift for a king, the advertisement seeks to elevate the product's status and appeal to the desire for luxury and refinement, especially during a season associated with generosity and celebration.

Eau de Juice. The cutest fragrance ever created. Forget the tea, it's all about the juice.

The use of the phrase “Eau de Juice” in the advertisement is a play on the traditional term “Eau de Perfume”, adding a playful and modern twist to the fragrance. By stating, “The cutest fragrance ever created”, the advertisement employs superlatives to convey a sense of uniqueness and desirability. The choice of expression “Forget the tea, it's all about the juice” utilizes cultural references related to British tea culture. Tea is a symbol deeply embedded in British cultural identity. By suggesting a shift from tea to juice, the advertisement plays on the idea of a refreshing and contemporary choice, appealing to a younger and trend-conscious demographic.

Conclusion

In conclusion, this study successfully presented the main linguistic features specific to British advertising, achieving its primary objective. Through an examination of 99 print and video advertisements, we identified prevalent techniques such as simple sentence structures, verb constructions, and comparative language. While anaphora and parcellation were less common.

The cultural traits of British advertising were evident, including understatement, distinctiveness, and a penchant for English humor. By dissecting examples from popular British publications, we gained valuable insights into how language and culture intersect in advertising strategies. This understanding enhances our knowledge of how advertising influences societal norms and values.

List of references

1. Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. – М. : Смысл, 1995. – 134 с. ISBN: 5-85494-033-7, 5-85494-033-7
2. Назайкин А. Н. Рекламный текст в современных СМИ: Практическое пособие. - М.: Эксмо, 2007 - 352 с.
3. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М.: Рефл-бук Ваклер, 2004. – 357с.
4. Ульяновский А.В. Реклама в сфере культуры /А.В. Ульяновский. М., 2012. – 520 с.
5. Wernick A. Promotional Culture: Advertising, Ideology and Symbolic Expression. - London, 1991. – 208p.

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
№ 03 (107), 2024

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.04.2024
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 11,0. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru